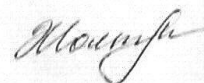

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Вятский государственный университет»

На правах рукописи

ЖОЛТИКОВА
Мария Александровна

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ АББРЕВЕМ
(на материале аббревем компьютерной сферы)

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А.А. Залевская

Киров 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. АББРЕВИАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	
1.1. Терминологические проблемы аббревиации	11
1.2. Активизация аббревиатурного словообразования и её причины	16
1.3. Аббревимы как продукт реализации словообразовательных возможностей аббревиатур	26
1.4. Классификации аббревиатур и аббревим	34
1.5. Аббревиация и аббревимы в компьютерной сфере	46
Выводы по главе 1	56
Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ АББРЕВИМ	
2.1. Связь между знаком и значением	61
2.2. Значение слова в ментальном лексиконе	70
2.3. Процесс идентификации слова с позиций психолингвистики	75
2.4. Модели процессов опознавания слова	78
2.4.1. Модели хранения и опознавания одноморфемных слов	79
2.4.2. Модели хранения и опознавания полиморфемных слов	83
2.5. Влияние частотности буквы и слова на процесс идентификации	91
2.6. Стратегии идентификации и их разнообразие	95
2.7. Экспериментальное исследование понимания аббревим компьютерной сферы	99
2.7.1. Гипотеза	99
2.7.2. Состав участников	100
2.7.3. Вопросы организации экспериментального исследования	101
2.7.4. Анализ результатов экспериментального исследования	102
2.8. Профессиональная деятельность и ментальный лексикон	127
2.9. Выводы по Главе 2	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	139
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СЛОВАРЕЙ	158

ВВЕДЕНИЕ

Аббревиация как один из самых продуктивных способов словообразования на сегодняшний день наблюдается во всех сферах жизнедеятельности людей. Различные лингвистические и экстралингвистические факторы вносят свой вклад в становление аббревиации: под влиянием процесса глобализации, а также стремления к более экономной и экспрессивной речи, аббревиация занимает всё более устойчивое положение в реализации продуктивных возможностей языка и всё чаще привлекает внимание исследователей.

Процессы аббревиации в русском и английском языках, прагматические, когнитивные, структурные и семантические особенности сокращений разных видов, как и вопросы типологии аббревиатур всесторонне рассматривались такими учёными, как В.В. Борисов, Д.И. Алексеев, Е.С. Кубрякова, А.П. Шаповалова, М.А. Ярмашевич, В.В. Криворот, Ю.В. Горшунов, А.Т. Липатов, Л. Бауэр, Г. Марчанд и другие.

Аббревиатуры, с одной стороны, являются устойчивыми, а с другой – изменчивыми. Аббревиационная система постоянно развивается, расширяется, обогащается, оставляя позади одни аббревиатуры, принося в язык другие и изменяя третьи [Криворот 2012]. По словам Д.И. Алексеева, почти любая аббревиатура, являясь лексикализованной, обладает потенциальными способностями [Алексеев 1979: 328]. Аббревиатуры не только сами по себе служат способом пополнения языка, но и могут выступать в качестве производящих основ. Как следствие данных особенностей, на рубеже XX–XXI вв. наблюдается появление аббревем (лексики, образованной от аббревиатур), исследование структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей которых отражено, например, в работах Л.В. Ивановой [Иванова 2010], Н.Н. Сафоновой [Сафонова 2007, 2011], А.А. Безруковой [Безрукова 2001].

Принято считать, что количество образованных аббревем зависит от частотности и употребительности самой аббревиатуры, её активности в языке и «привлекательности» с точки зрения словообразования. Образование аббревем протекает в соответствии с внутренними законами языка, и результатом данного процесса могут являться как имена существительные, так и глаголы, наречия и прилагательные. Не только русскоязычные, но и заимствованные аббревиатуры могут выступать в качестве производящих основ. Это объясняется политическими, социальными переменами в российском обществе, взаимодействием культур и постоянным увеличением объёма научно-технической информации.

Технический прогресс и всеобщая компьютеризация общества привели к тому, что компьютерная среда стала местом появления огромного количества сокращений и терминов. Не зря Ю.В. Горшунов видит причины распространения аббревиатур (соответственно и аббревем) именно в развитии компьютерной техники и сети Интернет [Горшунов 1999: 9]. Исследованию сокращений компьютерного дискурса и компьютерных терминов посвящены, например, работы [Хуснуллина 2012; Орлова 2008; Новикова Л.А. 2013].

В отличие от других работ в настоящем диссертационном исследовании аббревема рассматривается не просто как результат процесса замены знаков, а как составляющая индивидуального лексикона человека, пользующегося сокращениями в своей профессиональной деятельности и/или повседневной жизни. Такой психолингвистический подход к аббревеме видится актуальным, поскольку он побуждает искать ответ на ряд вопросов, связанных с тем, как, благодаря чему, с опорой на какие средства человек идентифицирует компьютерные сокращения и может успешно пользоваться ими в повседневной жизни.

По мнению А.А. Залевской, значение слова – результат переработки индивидуального опыта, то есть знаний и переживаний, лежащих за словом [Залевская 2011: 56]. Таким образом, важен не сам знак, не само слово, а то,

что за этим стоит. Слово, даже предъявленное вне контекста, способно обеспечивать выход на определённые ситуации, фрагменты индивидуального образа мира. Наличие энциклопедических знаний, социального и культурного опыта, действующих сообществ, способствуют пониманию слова. Функциональные ориентиры, они же опоры, направляют действия индивида, а также отвечают за выбор тех или иных стратегий, ведущих к успешной идентификации значения воспринимаемого слова. Результаты изучения стратегий идентификации слов различных частей речи, полученные исследователями Тверской психолингвистической школы (см., например: [Тогоева 1989, 2000; Сазонова 2000а, 2000б, 2007; Родионова 1994; Газизова 2006, Новикова И.В. 2011, Саркисова 2014 и др.]) легли в основу нашего исследования, ставящего своей целью выявление особенностей процессов идентификации компьютерных аббревем.

Но в зна работы состоит в описании и классификации компьютерных аббревем, извлечённых из Национального корпуса русского языка, с фокусированием на особенностях стратегий и опор, используемых при их идентификации.

Гипотеза диссертационного исследования предполагает стратегическую природу процесса идентификации аббревем компьютерной сферы, а также постоянное взаимодействие различного рода стратегий и опор, выбор которых может зависеть от социальных факторов и от особенностей профессиональной деятельности носителей языка.

Объектом исследования являются русско- и англоязычные аббревемы компьютерной сферы как достояние индивида, а также процесс их идентификации. В качестве предмета исследования рассматриваются стратегии и опоры, используемые носителем русского языка в процессе идентификации компьютерных аббревем русского и английского языка.

Цель работы заключается в исследовании структурно-семантических особенностей компьютерных аббревем, процесса их идентификации и

выявлении стратегий и опор, используемых для опознания их как значимых единиц языка.

Для достижения поставленной цели требовалось решить следующие задачи:

1) изучить и обобщить научные публикации по проблемам аббревиации и аббревемии, аббревиатурного словообразования, в том числе в компьютерной среде;

2) создать корпус исследуемых компьютерных аббревем на основе Национального корпуса русского языка;

3) рассмотреть типологию аббревиатур и аббревем и разработать свою классификацию компьютерных аббревем;

4) выявить особенности аббревем в свете теории знаков;

5) рассмотреть модели хранения и опознавания слов в ментальном лексиконе;

6) организовать и провести эксперимент для исследования особенностей процесса идентификации компьютерных аббревем;

7) провести анализ результатов эксперимента, выявить стратегии и опоры, используемые испытуемыми в процессе идентификации компьютерных аббревем;

8) исследовать влияние профессиональной деятельности на процесс идентификации аббревем.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили отдельные концепции и теории, представленные русскими и зарубежными исследователями: теория аббревиации (В.В. Борисов, Д.И. Алексеев, Е.С. Кубрякова, А.П. Шаповалова); теория словообразования (В.В. Виноградов, Е.А. Земская); знаковая теория языка (Ф. де Соссюр, Ч. Пирс); теория речевой деятельности (А.А. Леонтьев); психолингвистическая концепция слова как достояния индивида; концепция доступа к слову как единице ментального лексикона – динамичной самоорганизующейся системы, интегрирующей продукты взаимодействия перцептивных,

аффективных, когнитивных процессов (А.А. Залевская); стратегическая модель идентификации слова (Т.Ю. Сазонова); трактовка процесса идентификации как взаимодействия определённых стратегий и опор (С.И. Тогоева, Т.Ю. Сазонова, Т.Г. Родионова, Л.В. Газизова, И.В. Новикова, Э.В. Саркисова);

Материал исследования составили: а) 1747 аббревиатур (1195 английских – 68%, 552 русских – 32%) по тематике «Информатика. Вычислительная техника. Интернет», отобранные методом сплошной выборки из различных словарей; б) 404 компьютерных аббревимы, выделенные путём простого поиска в подкорпусе нехудожественных текстов Национального корпуса русского языка; в) реакции, полученные в результате экспериментов от 327 испытуемых мужчин и женщин в возрасте от 17 до 38 лет, являющихся студентами технических и гуманитарных специальностей. Было проанализировано 4905 ответов на 15 идентифицируемых аббревим.

В качестве методов исследования использовались общенаучные методы анализа и классификации, а также психолингвистический эксперимент, качественный и количественный анализ, описательно-сопоставительный метод.

В результате проведённого исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие теоретические положения:

1) пополнение языка русско- и англоязычными аббревидами компьютерной сферы происходит в соответствии с внутренними законами языка по продуктивным словообразовательным моделям; при этом аббревиатуры английского языка в настоящее время наиболее продуктивны в образовании компьютерных аббревим;

2) в процессе идентификации аббревим компьютерной сферы происходит опора как на формальные, так и на семантические признаки опознаваемых компонентов;

3) в процессе идентификации аббревим используются: мотивирующая стратегия, стратегия отнесения к категории, стратегия прямой

дефиниции, стратегия опоры на эмоционально-оценочные суждения, стратегия отказа; различные стратегии и опоры могут взаимодействовать;

4) процесс идентификации аббревимы протекает по модели «двойного доступа»: на этапе доступа к слову аббревема может восприниматься целиком или подвергаться декомпозиции, на этапе идентификации может иметь место как целостная, так и поморфемная репрезентации; при этом целостность восприятия и репрезентации характерна для более частотных аббревем и аббревиатур;

5) аббревимы, являясь языковыми знаками, изначально мотивированными содержанием сокращаемых именований, в процессе идентификации могут быть восприняты как полностью мотивированные, частично мотивированные или полностью немотивированные языковые знаки;

6) профессиональная учебная деятельность оказывает влияние на степень глубины идентификации и выбор используемых стратегий в процессе идентификации.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении имеющихся представлений о словарном составе языка, источниках его пополнения, а также о протекающих в нём словообразовательных и семантических процессах. Исследование процесса идентификации аббревем, представленное в работе, вносит вклад в психолингвистическую концепцию процесса идентификации полиморфемных слов, подтверждая его стратегическую природу и предполагая, что процесс протекает по модели «двойного доступа».

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их применения для выявления механизмов, которые лежат в основе использования индивидом различных языковых единиц. Материалы работы могут применяться в лекционных курсах, спецкурсах и семинарах по лексикологии, словообразованию, общему языкознанию, психолингвистике.

Сформированная база компьютерных аббревем может быть использована при составлении или уточнении словарей сокращений.

Цели и задачи определили структуру работы: введение, две главы, заключение и список литературы.

В первой главе рассмотрены основные вопросы теории аббревиации, словообразования, типологии аббревиатур и аббревем, представлена собственная классификация аббревем. Вторая глава посвящена изучению вопросов связи знака и значения, значения слова в ментальном лексиконе; рассмотрены модели хранения и идентификации одноморфемных и полиморфемных слов, затрагиваются вопросы частотности буквы и слова, а также типологии стратегий; представлено описание проведённого эксперимента, даётся анализ полученного корпуса данных и делается попытка построения модели процесса идентификации аббревемы. Итоги проделанной работы отражены в заключении.

Глава 1. АББРЕВИАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1.1. Терминологические вопросы и проблемы аббревиации

Подобно живому организму, язык постоянно находится в движении: развиваясь, включает в себя новое, отвечающее требованиям времени, и «убирает на дальнюю полку» всё вышедшее из употребления. Пополнение словарного состава языка – неотъемлемая часть процесса его развития, показатель непрерывной динамики. В соответствии с законами языка, в его лексический состав входит все больше новых слов. Особенно интенсивно язык пополняется в последнее время. Лингвисты отмечают рост словопроизводства, а вместе с этим и необходимость исследования вошедшей в состав языка лексики. Одним из мощных «двигателей», развивающих современный язык, привнося в него новую лексику, является аббревиация. Уже больше века аббревиатура процветает на полях лингвистики, оказывая на неё определённое влияние. Так, В.В. Борисов называет XX век «веком аббревиации» [Борисов 1972: 3], а Д.И. Алексеев говорит о своеобразном «аббревиатурном взрыве», случившемся в первой половине XIX века [Алексеев 1979: 302]. Ёмко и метафорично звучат слова А.Т. Липатова: «Россия сегодня для аббревиации – это тот *melting pot*, в котором все языки мира сформировали свой новый, “аббревиатурный” облик: так аббревиатурная почка, зародившаяся в России, распустилась в пышный цветок – словосокращительство со всеми его семантическими и словообразующими составляющими» [Липатов 2011: 13]. Огромные пласты сокращённой лексики начинают зарождаться вследствие процесса глобализации. Аббревиация появляется и употребляется во всех сферах жизни: научной, компьютерной, экономической, политической, военной, в деловой речи, межкультурной коммуникации, литературе, медицине и быту. Слово «аббревиатура» утрачивает свой научный облик и проникает в тексты

разных стилей и жанров. Желание чёткости, краткости речи послужило причиной повсеместного распространения аббревиатур. В этой связи Т.И. Жаркова отмечает увеличение скорости разговорной речи: русская разговорная речь приближена к 220–240 слогам в минуту [Жаркова 2012].

Процессам аббревиации и типологии аббревиатур уделено внимание многих лингвистов (к их числу относятся: Д.И. Алексеев, В.В. Борисов, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, А.П. Шаповалова, Ю.В. Горшунов, Л. Бауэр, Г. Марчанд и др.). Исследователи прорабатывают вопросы аббревиации, связанные с её местом в системе языка, образовательными возможностями, структурными, лексическими и семантическими особенностями.

Одним из основных спорных моментов, до сих пор актуальных в аббревиации, можно назвать отсутствие единства в вопросе определения терминов «аббревиатура» и «аббревиация».

Истоки термина «аббревиатура» лежат в латинском *abbreviatio* – ‘сокращаю’ и итальянском *abbreviatura* – ‘сокращение’. На бытовом языке аббревиатура понимается как слово, образованное из слогов, начальных звуков слов или названий начальных букв нескольких слов. Под аббревиацией, соответственно, понимается процесс образования сокращений.

В лингвистическом энциклопедическом словаре можно встретить следующее определение: «Аббревиатура – существительное, состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусечённым) словом» [Лингвистический энциклопедический словарь].

А.П. Шаповалова поясняет, что термин «аббревиация» подразумевает под собой процесс создания сокращённой лексической единицы, а «аббревиатура» – результат данного процесса [Шаповалова 2004: 38].

Некоторые лингвисты полагают, что аббревиатуры являются результатом действия закона экономии языковых средств: из исходных единиц (отдельных слов и словосочетаний) образуются новые, ранее не

существовавшие слова (аббревиатуры) [Пыриков 1984: 17]. Аббревиацию, по их мнению, можно отнести к словосложению, причём новое слово должно быть короче исходного, но выступать его синонимом [Бабарыкин 1996].

В.Н. Шевчук считает, что аббревиация – это один из вариантов представления формальной структуры слова, поскольку полная форма и аббревиатура имеют одинаковое значение при различной «оболочке» слова. [Шевчук 1985: 120].

По мнению В.В. Борисова, аббревиатура является речевой единицей, образованной из отдельных частей (звуковых или графических) определённого развёрнутого элемента, с которым она непосредственно связана лексически и семантически. В образовании аббревиатуры могут участвовать отдельные звуки, группы звуков и даже различные комбинации цельнооформленных компонентов [Борисов 1972: 100]. Процесс аббревиации видится В.В. Борисову неразрывным и единым. В результате из одной единицы образуется другая, причём каждая представляет собой единство значения и звучания [цит. раб.: 64].

Д.И. Алексеев под аббревиацией понимает процесс создания лексических сокращений, отдельно выделяя усечения, созданные по аббревиатурному типу [Алексеев 1979: 71].

При всём разнообразии определений процесса сокращения обычно учитывают, что главной особенностью аббревиатур является их тесная связь с исходной единицей (словом или словосочетанием). В работах Д.И. Алексеева, Е.А. Земской термин «аббревиация» употребляется в двух значениях. Во-первых, как наименование явления, связанного с сокращёнными записями речи – это графическая аббревиация, а сами записи – графические сокращения, графические аббревиатуры или просто аббревиатуры [Земская 1973, Алексеев 1979]. Во-вторых, как наименование процесса, связанного с производством новых лексических единиц, способа словообразования, в результате которого возникают аббревиатуры различных видов, аббревиатурные лексемы, лексические сокращения,

сокращенные и сложносокращенные слова [Алексеев 1979]. «Аббревиатуры, то есть сложносокращённые слова, образуются посредством сложения и выступают как композиты, правда, особого рода, поскольку при их образовании слагаются не полные основы, а сокращённые» [Земская 1973]. С точки зрения словообразовательного происхождения аббревиатуры представляют собой сложные слова, так как они создаются путем сложения усечённых компонентов. Е.А. Земская видит аббревиатуры и словосочетания, от которых они образованы, равнозначными по значению [Земская 1996].

Принцип связи с производящей единицей, формой исходного слова считается основным в понимании аббревиации. Мы в своём исследовании придерживаемся определения Е.С. Кубряковой, которая трактует аббревиацию как «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы» [Кубрякова 1981: 71]. Мы полагаем, что данное определение наилучшим образом соотносит аббревиацию и словообразование, отражая способ преобразования исходной формы в аббревиатуру.

Нельзя рассматривать аббревиацию только лишь как процесс замены знаков. С точки зрения лингвосемиотики, аббревиатуры как самостоятельные лексические единицы можно назвать автономными конвенциональными знаками. Однако новые знаки, безусловно, несут в себе и новую форму, и новое содержание, а значит, имеют достаточно сложные связи между словообразовательным и лексическим значением. В своей работе Е.А. Дюжикова определяет аббревиатуру как новую единицу номинации: «Начав свою жизнь дублированием своего коррелята, аббревиатура приобретает свои собственные значения и благодаря этому становится не просто сокращением её источника, но и новой лексической единицей в полном смысле слова, новой единицей номинации» [Дюжикова 1997: 6]. В.А. Беляева также

показывает возможность образования новых когнитивных структур в системе концептов личности как следствие использования аббревиатур, которые автор считает уникальными по своей природе [Беляева 2007].

Несмотря на активное развитие аббревиатурного словообразования, в исследованиях русских и зарубежных учёных до сих пор нет единого мнения в вопросе о том, следует ли разграничивать термины «сокращение» и «аббревиация» как способы словообразования. В английском языке также существует немало слов, относящихся к данному процессу: *abbreviation*, *acronym*, *shortening*.

О.Д. Мешков, И.В. Арнольд склонны называть данный тип словообразования сокращением, полагаясь на многообразие процессов, скрытых за данным термином, и как следствие – на разнородность слов, входящих в определение сокращения [Арнольд 1959; Мешков 1976]. Другие авторы называют данный способ словообразования аббревиацией, ссылаясь на то, что результатом данного процесса являются сокращённые слова как один из типов аббревиации [Горшунов 1999: 9].

Имеется ряд исследователей, не выделяющих различий между аббревиацией и сокращением [Харитончик [http](http://), Рудинская 1997: 3].

А.П. Шаповалова, разносторонне рассмотревшая проблемы аббревиации, делает вывод, что всё же термины «сокращение» и «аббревиатура» употребляются как слова-синонимы, при этом замечая, что в работах последних десятилетий предпочтение отдаётся термину «аббревиатура» [Шаповалова 2004: 43]. В своём исследовании мы склонны с ней согласиться.

Что касается зарубежных исследований данного вопроса, то Л. Бауэр выделяет два типа словообразования в английском языке: акронимы и сокращения, которые в работах русских учёных рассматриваются в рамках одного способа словообразования [Bauer 1983].

1.2. Активизация аббревиатурного словообразования и её причины

История аббревиации уходит в прошлое на много веков. Появлению аббревиатур способствовало несколько причин, основными из которых считаются экстралингвистические (внеязыковые) и лингвистические (внутриязыковые). О.Н. Кушнир отмечает, что язык как саморегулирующаяся система способен функционировать и развиваться благодаря внутренним и внешним обстоятельствам. К последним можно отнести межкультурное и межнациональное взаимодействие [Кушнир [http](#)].

Совокупность внутренних законов развития языка и его функционирование в качестве средства общения обеспечивают незамедлительное реагирование на все изменения, происходящие в обществе с помощью заложенных в самом языке возможностей. Выявление характера механизма этого действия В.В. Борисов видит как решение проблемы влияния экстралингвистических факторов на развитие языка [Борисов 1972: 26]. Изменения общества и общественных ситуаций, социальные сдвиги, прогресс во всех сферах деятельности людей всегда оказывают влияние на язык.

К экстралингвистическим факторам, повлиявшим на активизацию процессов аббревиации, также можно отнести следующие:

- 1) увеличение потока информации;
- 2) научно-техническую революцию;
- 3) прогресс в социальной сфере;
- 4) стремительное развитие и использование средств массовой коммуникации;
- 5) активное использование компьютерных и информационных технологий [Алексеева 1984: 148].

Несмотря на то, что начало аббревиации в русском языке некоторые исследователи видят в восточной и христианской культуре [Водолазкин

2008], в древнерусском языке [Валгина 2001: 147], именно революционное движение конца XIX века послужило мощным толчком для развития аббревиатурного словотворчества в русском языке. Великая Октябрьская революция 1917 года открыла поле действий для производства аббревиатур. С этого момента аббревиация стала активно распространяться в русском языке. Это связывают с нехваткой печатных средств, развитием телеграфа и необходимостью краткого телеграфного стиля [Никишина 2011]. Однако Э.А. Вартаньян отвергает подобные суждения, считая, что «создание аббревиатур следует рассматривать как объективную закономерность в развитии языка» [Вартаньян 1982: 22]. Названия новых учреждений, партий, комитетов и должностей «нагромождались» длинными словами, словосочетания были неудобны в использовании и затрудняли общение. В связи с этим появление аббревиации в языке было просто необходимо. Она позволила увеличить скорость поступления информации и сэкономить речевые усилия. За годы Советской власти из малопонятных слов аббревиация выросла в общеупотребительную лексику, позволяющую не только быстро и кратко, но и эмоционально, выразительно передать информацию. Стремление к более экспрессивному и эмоциональному выражению речи за счёт использования аббревиатур также стоит считать одной из предпосылок появления аббревиации.

В английском языке аббревиация была замечена ещё в XV веке и представляла собой преимущественно заимствованные сокращения из латинского языка. В то время аббревиатуры были графическими, использовались с целью экономии при письме. Начало аббревиации в европейских языках связывают с XX веком, и, как отмечают исследователи, причинами появления и распространения аббревиатур в английском языке являются необходимость более экспрессивных единиц речи и экономия речи. [Ганноха 2015].

Некоторые исследователи важную роль в увеличении количества сокращений в английском языке отводят такой тенденции данного языка,

как моносиллабизм. Ш. Балли отмечает, что английский язык всё больше склоняется к односложности. Многие фразы превращаются в однослоговые слова: *zoo – zoological garden, pops – popular concerts* [Балли 1955: 333]. Г. Марчанд утверждает, что моносиллабизм – естественный результат любви к коротким словам, которые автор считает полезными и практичными [Marchand 1969: 26–54]. Л.П. Сапогова также трактует моносиллабизм как наиболее вероятную причину интенсивного развития сокращений [Сапогова 1967]. О.Д. Мешков разделяет это мнение, называя моносиллабизм одной из важнейших причин всё большего распространения сокращений различных видов в английском языке [Мешков 1976: 155].

С.С. Беркнер, исследуя разговорный язык, а именно проблемы его развития, отмечает употребление большого количества сокращённых слов, называя это одной из характеристик разговорного языка XX века. Причины таких тенденций учёный видит в желании экономить речевые усилия, которое он непосредственно связывает со стремлением к моносиллабизму [Беркнер 1978: 160].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что основными причинами возникновения и прироста сокращений в языке являются стремление к экономии, потребность в экспрессивных средствах выражения речи и совершенствование языковой формы.

Стремление сделать процесс общения более простым и лёгким – естественное желание коммуникантов. И аббревиация здесь выступает неким балансом, способом достижения данной цели. За счёт краткости и экономичности аббревиатур уменьшается длина высказываний, что ведёт к сокращению временных затрат на передачу и восприятие информации. Благодаря этому аббревиации отводится всё более важное место в языке.

Действие принципа языковой экономии и стремление к экспрессивности речи наряду с другими причинами (неравномерность распределения информации между отдельными элементами речевого потока, способность к образованию цельнооформленного слова для закрепления

нового понятия вместо его описания) исследователи относят к лингвистическим факторам появления аббревиатур [Алексеева 1984: 148].

Согласно Ю.А. Хуснуллиной, аббревиатура уже с этапа своего зарождения обладает определённой эмоциональной окраской: «Рассматривая экспрессивность как лингвистическую категорию, мы приходим к выводу о том, что аббревиатура обладает языковой (ингерентной) экспрессивностью, поскольку уже на этапе ее порождения автор пытается реализовать в значении определённые прагматические установки. Речевую (адгерентную) экспрессивность аббревиатура приобретает в высказывании, в контексте» [Хуснуллина 2012: 21].

Тенденция к языковой экономии рассматривается исследователями с разных позиций и выводы о ней весьма неоднозначны. У одних она считается основным законом развития языка, для других она входит в состав главных действующих сил развития языка, у третьих роль экономии для развития языка сводится к минимуму.

Большое внимание явлению экономии в языке уделял И.А. Бодуэн де Куртене. Он утверждал, что все явления языка происходят благодаря стремлению к удобству в области произношения, слушания (и восприятия) и языкового мышления. И.А. Бодуэн де Куртене соотносил язык с чем-то живым, что постоянно работает, но при этом имеет целью экономию своих сил и ищет целесообразность каждого движения. [Бодуэн де Куртене 1963: 226].

Ряд учёных, в том числе Г. Пауль и Г. Спенсер, также не видели в языковой экономии ничего противоестественного. Так, Г. Спенсер считал, что язык в процессе естественной эволюции переходит от более сложных способов выражения информации к более простым [Спенсер 1986: 172]. Но это вовсе не означает упрощения языка с качественной стороны, его оскудения, невыразительности. Как уточняет Г. Пауль, это ведёт к расширению и обогащению ресурсов языка, причём всё лишнее при этом отсекается, ведь язык не приемлет избыточности. Прежде всего, речь идёт о

количественной экономии, уменьшении длины речевой цепочки, ведь при определённых обстоятельствах чтобы донести мысль, достаточно слова, а не целого предложения [Пауль 1960: 302].

Французский лингвист П. Пасси особое внимание уделял изменениям в языке с фонетического ракурса, а точнее их закономерностям, стремился объяснить их природу. Ему удалось установить, что язык всегда ищет «наименьшее усилие», поэтому фонетические изменения обуславливаются экономией усилий при произношении. Он отмечал, что язык всегда стремится отказаться от лишнего (что и является показателем лингвистической экономии), но при этом стремится подчеркнуть, всячески выделить необходимое. П. Пасси выдвинул теорию неосознанности лингвистической экономии говорящим, которая заключается в том, что человек сознательно выпускает ненужное, оставляя главное. Несмотря на то, что П. Пасси не считал принцип экономии движущей силой языка, он отводил этому принципу значительную роль [Passy 1990: 229].

Согласно французскому лингвисту А. Мартине, языковая эволюция состоит в «постоянном противоречии между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою деятельность, умственную и физическую» [Мартине 1960: 130]. Он утверждал, что необходимо тратить лишь столько усилий говорящего, сколько будет достаточно для понимания слушающим, и никак ни больше.

Вопрос экономии языковых средств был освещён и в работах отечественных исследователей. Интересную точку зрения выдвинул Е.Д. Поливанов, называя лень в качестве причины языковых изменений [Поливанов 1981]. Аббревиатуры являются способом передачи информации в таком «ленивом», сокращённом виде, способствуя при этом росту информативности сообщения, его восприятия, уменьшению времени поступления информации. Мы видим, что аббревиатуры позволяют экономить как время, так и усилия говорящего / пишущего. И это является

одним из важнейших факторов развития языка в качестве социального явления.

По мнению Ю.В. Горшунова, в основе порождения аббревиатур лежит принцип экономии, который направлен на получение экономической выгоды, т.е. создание более компактной замены слова. С точки зрения употребления данный принцип преследует цель экономии времени и усилий [Горшунов 1999: 15]. Именно благодаря принципу экономии научно-технические термины приобретают более упрощенную и краткую форму по звучанию и более компактную при написании. Принцип экономии проявляется нагляднее в письменной форме речи, когда текст сокращается в целях экономии бумажной площади. В устной речи положительное действие данного принципа сказывается тогда, когда участники коммуникации употребляют сокращения, не задумываясь, автоматически. Ю.В. Горшунов обращает внимание на то, что принцип экономии можно также определить как «принцип утилитарности, если понимать под экономией любую выгоду, возникающую при употреблении кратких форм». Однако «однобокое», однонаправленное употребление данного принципа может привести к «прагматической аномалии» или, попросту, непониманию, когда в лексиконе адресата отсутствуют употребляемые адресантом сокращения [цит.раб.: 58].

В.Н. Турбин весьма интересно выразился о сути аббревиатуры: «Сущность аббревиатуры – сокращение жизни слова (имени, понятия, высказывания). Сокращается длительность, протяженность слова; устраняется его тело, и остается лишь его голова (заглавные буквы). ... Аббревиатуры могут рождаться только в обществе, которое, что бы оно ни говорило, не верит в продолжение себя, в продление, в протяженность. Аббревиатура – одна из разновидностей казни слова» [Турбин [http](#)].

Б.А. Серебренников выдвигает свою точку зрения, полагая, что человеческий организм сам по своей сути является источником тенденции к экономии, что связано с инстинктом самосохранения: экономя силы, организм защищает себя от чрезмерных энергетических и физических затрат

и различного рода неудобств, затрудняющих осуществление функций головного мозга, отвечающих за речь (как производство, так и восприятие) [Серебренников 1974: 27]. Стремление к экономии языковых средств – это стремление языкового механизма приспособиться к особенностям организма человека. Поскольку характеристики и особенности человеческого организма присущи всем народам мира в той или иной степени, можно говорить о том, что тенденция к экономии языковых средств является своего рода универсалией.

Однако не все исследователи придерживаются мнения, что языковая экономия определяет развитие языка и его функционирование. Р.А. Будагов утверждает, что принцип экономии для языка не характерен, ведь если где-то убывает, то где-то должно и прибавиться: язык постоянно пополняется выразительными средствами, становится красочнее и богаче в процессе развития [Будагов 1972]. Однако это никак не отменяет принцип экономии, а лишь требует необходимости учитывать и другие тенденции функционирования языка. Сюда можно отнести тенденцию к избыточности, проявляющуюся на синтаксическом и семантическом уровнях. Избыточность предполагает уменьшение семантических ошибок и помех, откуда следует точность донесённой информации, что можно связать с принципом экономии.

При рассмотрении принципа языковой экономии в рамках аббревиации не возникает сомнений, что употребление аббревиации в речи способствует экономии времени, речевых усилий, а также помогает сконцентрировать информацию. Происходит компрессия средств выражения, обобщается восприятие содержательной стороны слова, повышается коммуникативная функция языка – во всем этом видится суть экономии языковых средств относительно аббревиатур.

Сегодня темп жизни уже не тот, что был даже десять лет назад. Мы говорим быстро, делаем быстро, во всём чувствуется большая скорость. Такие условия – благодатная почва для роста аббревиации, ведь без неё

невозможно представить современный мир. Чем выше частота употребления слова, тем больше вероятности, что оно будет подвержено аббревиации. Только лишь при условии понятности и использования слова в речи происходит его сокращение.

Активное употребление аббревиатур в речи и их проникновение во все сферы жизни привели к ряду тенденций развития данного вида словообразования. К их числу относятся следующие.

1. Омонимия (в том числе омоакронимия).

Как в английском, так и в русском языке появляется целый пласт сокращённых слов, совпадающих по звуковой или графической форме с уже имеющимися в языке. Омонимы характерны для графических сокращений, начинающихся с одного элемента – *sp.* – *special, sample, specific*, для инициальных аббревиатур, образованных от различных словосочетаний – *NP* – *national product, no profit, nonpayment*. Омонимы могут быть созданы случайно: *SCOUT* – *shared currency option under tender*. Однако искусственный способ появления более актуален и имеет целью передачу значения сокращённого слова и лексемы, совпадающей с ним по значению: *HISS* – *high intensity sound stimulator* и *hiss* (звучание). Специально придуманные омонимы способствуют более быстрому запоминанию акронима и создают ощущение связности обозначаемого акронимом предмета (явления, процесса) и лексическим значением омонимичного слова [Максимова 2003].

2. Языковая игра.

Аббревиатуры как составляющие фонда экспрессивных средств речи активно проявляют себя и в качестве элементов языковой игры. Согласно стилистическому энциклопедическому словарю русского языка, языковая игра – это «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате

этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка]. Языковая игра привносит в речь нечто новое, создаёт интересный, необычный образ лексемы, наполненный комичностью и юмором. Её сущность заключается в нарушении языковых и понятийных шаблонов, переименовании лексемы. Эффект языковой игры достигается за счёт ассоциативного потенциала (валентности) слова, результатом которого являются разнообразные варианты интерпретации значения слова. Это может реализовываться в рамках фонетической, синтаксической, лексической, словообразовательной, семантической систем и связано с творческой активностью языковой личности. Такие обыгрывания очень часто происходят от аббревиатур: *ICQ (I Seek You – связь через Интернет) – ася, аська; PC (Personal Computer – персональный компьютер) – писюк, писюг, писюха, комп, компук, компостер, компустер, цампутер; IE (Internet Explorer – браузер) – ишак; e-mail (электронная почта) – мыло, емеля*. Языковая игра может протекать за счёт фонетических и графических сопоставлений. Так, фразы *for you, you too* могут быть выражены всего двумя знаками – *4и, и2* соответственно. Цифры всё чаще становятся включёнными в состав аббревиатуры. Это наблюдается в примере с псевдоаббревиатурой *IMYY4U – I am too wise for you*, которой также присущ элемент игры. Как мы видим, предлог *for* заменила цифра 4, местоимение *you* и глагол *am* – омонимичные им буквы *U* и *M* [Лашкевич 2007]. Языковая игра в аббревиации становится всё более популярной как способ экспрессивного выражения и творческой самореализации.

С.И. Шумарин среди основных тенденций развития аббревиации отмечает также следующие [Шумарин 2011]:

3. Процесс образования аббревиатур на базе одного слова: *ПЭ – полиэтилен, ТВ – телевидение*.

4. Выполнение аббревиатурами роли прилагательных: *УКВ – ультракороткие волны, АВ – аудиовизуальные*; и при этом соединяться с

существительными: *УКВ-передатчик* – *ультракоротковолновой передатчик*, *АВ-цели* – *аудиовизуальные цели*.

5. Образование аббревиатур на базе предикативных конструкций и вводных фраз: *BTW* – *by the way* – *между прочим*. Данная тенденция характерна скорее для письменной речи и общения в сети Интернет. Для экономии времени и создания более лёгкого и непринуждённого разговора используют следующие сокращения: *IRL* – *In real life* – *в настоящей жизни*, *LOL* – *Laughing out loud* – *смех до колик в животе*, *OT* – *Off topic* – *не в тему*, *ROTFL* – *Rolling on the floor laughing* – *катаюсь по полу от смеха*, *GIF* – *Thank God it's Friday*, *WTF* – *What the fuck?* – *какого чёрта?*, *SOB* – *son of a bitch*. Как мы видим, многие из данных фраз имеют негативный характер, однако аббревиатуры это скрывают, поэтому очевидно, что в подобных случаях аббревиатуры наряду с функцией экономии, выполняют и экспрессивную функцию.

Аббревиатуры настолько быстро распространяются и с каждым днём наращивают свою популярность, что нет сомнений в их дальнейшем функционировании в речи. Последующее развитие аббревиации учёным видится в нескольких направлениях, а именно:

- аббревиация словосочетаний (фразеологизмов в том числе): *СКБНИ* – *старый конь борозды не испортит*;
- создание аббревиатуроподобных слов – псевдоаббревиатур;
- аббревиация не по привычным на данный момент начальным элементам, а по последующим (второй, третьей или последней букве слов, входящих в исходное словосочетание). Так, словосочетание *информационно-коммуникационные технологии* может быть представлено следующими аббревиатурами: *ИКТ* (по 1-й букве), *НОЕ* (по 2-й букве), *ФМХ* (по 3-й букве), *ОЕИ* (по последней букве) [Изотов 1998: 116].

Как мы видим, современные тенденции аббревиации и прогнозы её развития сулят аббревиатурам интересное будущее.

1.3. Аббревимы как продукт реализации словообразовательных возможностей аббревиатур

Следует заметить, что не всегда всё было так гладко. Как отмечает Н.С. Валгина, «жизнь аббревиатур в русском языке была сложной, противоречивой. ... Аббревиатурам объявлялась “война”, их изгоняли и осуждали» [Валгина 2001: 147]. В неблагозвучии аббревиатур виделся их главный недостаток.

Если в середине XX века было принято считать аббревиатуры словами без будущего, ненужными и засоряющими язык, то последнее время исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой общество стало осознавать необходимость создания и употребления в речи новых аббревиатур [Алиева 2004]. Аббревиатуры с каждым годом наращивают свою продуктивность, актуальность и массовость.

На данном этапе развития обществу необходимы новые номинации, носители языка всё чаще используют аббревиатуры взамен других слов в силу их краткости и экономности, а сами аббревиатуры дают возможность более эмоциональной, экспрессивной и живой речи. Все это неуклонно способствует включению аббревиатур в словообразовательную систему языка [Сафонова 2011].

На сегодняшний день аббревиация является одним из наиболее продуктивных способов словообразования в языке. Особенно это присуще флективным языкам: русскому, английскому, французскому. В агглютинативных, изолирующих и инкорпорирующих языках аббревиация прослеживается только в качестве заимствований из флективных языков как уже готовых аббревиатур, так моделей их образования [Криворот: 2012].

Несмотря на активное использование аббревиатур в речи и увеличение их количества в языке, до сих пор ведутся дискуссии по поводу включения аббревиации в словообразовательную систему. Некоторые исследователи оставляют за аббревиацией право называться способом словообразования, однако делают некоторые уточнения. Д.И. Алексеев считает данный способ

образования новых слов самым искусственно созданным и субъективным [Алексеев 1970]. Не зря аббревиацию как способ словообразования часто называют словопроизводством и словотворчеством (английский вариант – word-manufacturing). Словообразовательной системе как системе словообразовательных моделей присущ принцип автоматизма. Он заключается в том, что, следуя по определённым законам словопроизводства, можно от любого слова создать необходимое его производное. Однако, как отмечает В.А. Беляева, «несмотря на высокую степень автоматизма при образовании и функционировании словообразовательных моделей, в ряде случаев присутствует и фактор сознательного участия человека в конструировании единиц, специфика которых обусловлена социальным заказом» [Беляева 2007]. Аббревиатуры как раз можно отнести к таким случаям.

Аббревиация как способ словообразования достаточно специфична, и это отражается в компонентах самой аббревиатуры, а именно в их представлении. Некоторые части мотивирующего компонента некоторого сложносокращённого наименования чаще всего становятся сложными для узнавания, ведь они представляют лишь часть исходной основы. В этом, например, состоит отличие аббревиации от словосложения, где происходит комбинирование полных основ. Однако можно увидеть и сходство аббревиации с другими способами словообразования: словосложением, суффиксацией и префиксацией. Конечным результатом аббревиации является преобразованное в слово словосочетание (универб), следовательно, этому предшествовала не только редукция слова, но и сложение нескольких слов (или основ).

Фонотактические законы, действующие при образовании, например, слов-слитков, распространяются и на образование аббревиатур. Наиболее удачные и успешные аббревиатуры включаются в словообразовательную систему языка, активно употребляются в речи и функционируют как самостоятельные слова. По результатам исследования [Лашкевич 2007],

примерами таких образований могут быть: *Teflon – tetrafluoroethylene, seal – sea, air, land, Aids – acquired immunodeficiency syndrome; laser – light amplification by simulated emission of radiation*. С точки зрения семантики происходит акт вторичной номинации, и аббревиатура получает новое значение. В некоторых случаях фонетическая оболочка слова влияет на аббревиатуру до такой степени, что изменяет её на письме: *emcee – MC – Master of Ceremony, veep – VP – Vice President, jeep – GP – General Purpose vehicle*.

По утверждениям М.А. Ярмашевич, «аббревиация как способ словообразования, сущность которого заключается в том, чтобы концентрировать в новых лексических единицах средства выражения и обобщать восприятие содержательной стороны, способствует возрастанию результативности информации» [Ярмашевич 2013]. Уменьшение, урезание слова увеличивает скорость его восприятия и сокращает время донесения информации.

Выделяется ряд социальных факторов, сыгравших не последнюю роль в становлении аббревиации как способа словообразования:

- 1) принцип экономии;
- 2) необычность и новизна представления аббревиатуры по сравнению с исходной формой;
- 3) аббревиация – не только лингвистический, но и когнитивный процесс. В своём становлении аббревиатура проходит через когнитивное, эмоционально-оценочное и образное измерения [Горшунов 1999: 9].

По словам М.А. Ярмашевич, лишь тогда аббревиатуры могут полноправно нести в себе принцип экономии, когда они часто употребляются в речи, имеют возможность расшифровки (прямой или в контексте). Поэтому новые аббревиатуры должны быть, во-первых, удобны и, во-вторых, соответствовать определённым моделям, которые не будут затруднять расшифровку содержания. Форма аббревиатуры также играет большую роль,

поскольку первоначальное восприятие протекает через аудиализацию или визуализацию [Ярмашевич 2013].

Одной из особенностей аббревиатур является их одновременная устойчивость и изменчивость. Аббревиационная система постоянно развивается, расширяется, обогащается, оставляя позади одни аббревиатуры, привнося в язык другие и изменяя третьи. Средний возраст аббревиатуры составляет 50–60 лет и зависит главным образом от полного наименования [Криворот 2012].

В качестве ещё одной особенности нужно выделить то, что аббревиатуры не только сами по себе служат способом пополнения языка, но и могут выступать в качестве производящих основ. «Почти любая нынешняя аббревиатура осознается сразу же как лексикализованная с потенциальными способностями» [Алексеев 1979: 328]. А.Т. Липатов связывает активизацию образования новых слов от аббревиатур с увеличением роли процесса сокращения в языке [Липатов 2011: 75]. Н.Т. Николаева полагает, что аббревиация и различные способы словообразования неразрывно связаны друг с другом. Словосложение, конверсия и словопроизводство используются при образовании новых слов от аббревиатур [Николаева 2009].

Для наименования слов, образованных от аббревиатур, в языкознании до сих пор нет единого термина. Их называют «отаббревиатурными производными», «отаббревиатурными дериватами», «отаббревиатурными коррелятами», «отаббревиатурными образованиями», и «корневыми аббревиатурами» [Безрукова и др. 2001, Сафонова 2007: 5]. А.Т. Липатов предлагает называть такие слова «аббревемами», обосновывая это тем, что они стоят в одном эмическом ряду с терминами «фонема», «лексема» и другими подобными [Липатов 2011: 116]. Н.Н. Сафонова в своей работе именует такие слова «отаббревиатами», ссылаясь на понятность данного термина и его морфологическое и фонетическое сходство с «дериватами», «субстантиватами», «универбатами» [Сафонова 2007: 6]. Для нас оказались ближе аббревемы, отаббревиаты и отаббревиатуры, главным образом по

причине своей однословности, и мы рассматриваем их как абсолютно идентичные друг другу. Под аббревией мы понимаем процесс создания аббрев.

Развитие отаббревиатурной лексики относится к рубежу веков. Именно в это время также начинает проявляться повышенный интерес к данному способу словообразования. Это можно объяснить развитием науки, техники, СМИ, а также появлению таких слов мы обязаны социальной среде. Социальная среда всегда стремится к чему-то новому, необычному, ранее неисследованному. Социальная среда в большей степени, чем какая-либо другая, служит способом пополнения средств экспрессивности речи. Аббревиатуры и аббревемы являются подходящим средством выражения мыслей общественности. Отаббревиаты берут своё начало в устной речи, в разговоре, а уже затем проникают во все остальные стили.

Н.Н. Сафонова указывает на ряд факторов, значительно повлиявших на развитие аббревией:

1) экстралингвистические (значимость обозначаемого понятия в обществе и активное использование аббревиатуры в речи):

2) лингвистические (завершение лексикализации аббревиатур; стирание внутренней формы, когда слово перестаёт восприниматься как сложносокращённое; расхождение в значении между исходным развёрнутым наименованием и аббревиатурой) [Сафонова 2007: 9].

Аббревемам, как и аббревиатурам, присущ принцип изменчивости. В процессе функционирования они могут изменять свою стилистическую окраску и входить в общее употребление. Такие дериваты попросту расширяют сферу своего функционирования, поступая из разговорной речи в тексты СМИ. Это обуславливается некоторыми факторами. Среди них – продуктивность моделей, по которым они произведены, а также краткость номинации, которая ведет к экономии языковых средств. Многие аббревиатуры и отаббревиаты составляют часть лексической системы определённых языков, становятся интернационализмами [цит. раб.: 11].

Чем более употребительна аббревиатура, тем больше возможность и частота образования её производных. Благозвучность, простота, сходство с обычным словом также повышают вероятность образования аббревем. Результатом словообразовательной возможности и активности аббревиатур нередко становятся словообразовательные гнезда (далее – СГ): *ИТ – ИТшный, ИТшник, ИТ-компания, ИТ-технология, ИТ-специалист; SMS – SMSка, SMSуть, SMS-сообщение, SMS-рассылка, SMSшный*. Чем более значима и употребительна аббревиатура, тем больший объём СГ аббревиатуры. Чем больше исходная аббревиатура «привлекательна» с точки зрения словообразования, тем больше аббревем она даст, и тем больше будет её СГ.

Пополнение словарного запаса языка с помощью аббревем подчиняется его внутренним законам. Результатом отаббревиатурного словообразования могут являться как имена существительные, так и глаголы, наречия и прилагательные.

Отметим, что заимствованные аббревиатуры также активно выступают в качестве производящих основ: *PR-щик, CD-диск*. Это объясняется политическими, социальными переменами в российском обществе, взаимодействием культур и постоянным увеличением объёма научно-технической информации. По результатам исследований О.Н. Кушнир, заимствования обогащают, пополняют, развивают язык и занимают особое место в лингвоконцептуальной системе русского языка. Проникновение иноязычных элементов и слов в русский язык невозможно остановить, да и в этом нет необходимости, поскольку язык сам способен справиться с «поток» заимствований [Кушнир [http](http://)]. Как отмечает Д.И. Алексеев, язык находится в непрерывном развитии и изменении уже тысячи лет, но, тем не менее, успешно выдерживает все перемены и трансформации [Алексеев 1979: 208]. Задача человека, по мнению О.Н. Кушнир, состоит лишь в том, чтобы помогать языку, закладывая основы для развития духовно-нравственной культуры и «экологии языка» [Кушнир [http](http://)].

Л.П. Крысин связывает рост заимствованных аббревиатур с влиянием английской словообразовательной системы, метафорично называя такие новообразования словами-кентаврами как нечто разнородное и трудно совместимое (первая часть слова-кентавра иностранная и пишется латиницей, вторая может быть русской или иноязычной и пишется кириллицей): *PIN-код, web-документ, IQ-тест, WWW-страница* [Крысин 2010]. Несмотря на то, что автор говорит о новизне данной категории слов в русском языке, он утверждает, что тип словообразования, присущий словам-кентаврам, уже давно знаком и устоялся в русском языке. Сходство в образовании слов-кентавров Л.П. Крысин находит в создании частично-сокращённых слов: *профсоюз, мини-юбка* и др. Слова с английскими основами на сегодняшний день достаточно представительны в русском языке, а значит должны быть более или менее привычны, однако ощущение новизны таких слов не проходит до сих пор. Л.П. Крысин полагает, это происходит, потому что слова-кентавры используются в языке лишь частично: в нескольких видах текстов, некоторых сферах жизни и ситуациях общения. То есть их присутствие в русском языке пока ещё ограничено, что не даёт права относить данные слова к единицам русского словаря, но отмечается необходимость их лексикографического описания. С точки зрения семантики и синтаксиса, слова-кентавры соответствуют нормам русского языка, поскольку имеют вполне определённое значение, род, склонение, изменение по числам [там же]. Хоть и большая часть таких слов не включается в лексику литературного русского языка, некоторые слова-кентавры, используемые чаще других, шаг за шагом заслуживают статус русских слов, хоть и с определёнными оговорками. Это говорит о том, что постепенно количество слов-кентавров в русском языке будет увеличиваться и прежде всего за счёт разговорной речи.

Исследования структуры аббревиатив английского языка говорят о новых тенденциях в аффиксальном и суффиксальном словообразовании. Аббревиатуры активно участвуют в словообразовании при аффиксации:

AWOL (absent without official leave) – Awolism (самовольные отлучки); RAF (Royal Air Force) – Rafer, ex-Rafer; UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – Unescan (related to UNESCO) [Лашкевич 2007]. В суффиксальном словообразовании наблюдается продуктивность следующей модели: *acronym+ie=N* (*yupp+ie=yuppie*, где *yupp* – young urban professional people). Данный акроним *yuppie* стал основой для многих производных слов: *yuppification, yuppily, yuppify*. В современном английском языке появляются частичносокращённые слова как представители нового структурного типа: *B-day – Birthday, M-day – mobilization day* [Николаева 2009].

Аббревиатуры современного английского языка принимают участие и в словосложении: *STOL (short take-off and landing) + port = STOLport; MATS (Military Air Transport Service) + man = MATSman*. Помимо словосложения в качестве примера конверсии с аббревиатурой *RAF (Royal Air Force)* О.М. Лашкевич приводит новообразование *to raff* (подвергать атаке с воздуха) и прилагательное *very RAF* (характерный для представителей английских военно-воздушных сил) [Лашкевич 2007].

Несмотря на то, что телескопия отличается от аббревиатуры, хотелось бы уделить внимание и ей, поскольку в последние десятилетия она становится все более популярной в английском языке, особенно это наблюдается среди неологизмов. Согласно исследованиям Н.Т. Николаевой, наиболее характерными способами образования телескопических слов являются типы конечного усечения первого и второго компонентов, а также наложение фонем на стыке двух слов: *Europlug (European + plug), workaholic (work + alcoholic), faction (fact + fiction,)* [Николаева 2009].

Аббревимы, как и аббревиатуры, в последнее время встречаются в ситуациях омонимии и языковой игры. В результате омонимии аббревиаты именуют новые понятия, которые едва ли совпадают с понятиями омонимичных им узуальных слов: *SPAсение – лечение с помощью SPA-процедур, уСМИрять – успокаивать с помощью СМИ* [Сафонова 2011].

Такие аббревимы несут важную стилистическую нагрузку, выполняя экспрессивную роль с целью удивить собеседника чем-то новым, неожиданным и интересным, привлечь внимание, поэтому чаще всего их можно встретить в заголовках рекламных статей и текстов СМИ.

Как мы видим, роль аббревиатур в словообразовании велика, и аббревимы также активно включаются в этот процесс и подчиняются его законам.

1.4. Классификации аббревиатур и аббревим

Как мы уже отмечали, несмотря на то, что аббревиация часто используется в речи, на данный момент существует ряд вопросов, не имеющих однозначного ответа. К таким вопросам можно отнести классификацию аббревиатур. Отметим, что единой классификации аббревиатур в лингвистике не существует. Каждый исследователь стремится внести свой как количественный, так и качественный вклад в структурно-классификационную схему аббревиатур, чтобы она отражала последние тенденции лингвистики. Классификаций аббревиатур множество. Одни исследователи опираются на структурные признаки аббревиатур [Возбранная http, Дюжикова 1997], другие – на их стилистическую окраску [Борисов 1972: 133–135].

Рассматривая вопрос употребления сокращений, Э.Ф. Скороходько делит их на две группы: текстовые и терминологические. Если один или несколько авторов употребляют сокращение, давая при этом его объяснение, пояснение, то такое сокращение именуется текстовым. Терминологическое сокращение – это, по сути, сокращение термина. Как правило, оно общеупотребительно и понятно без объяснений. Э.Ф. Скороходько уточняет, что возможно превращение текстового сокращения в терминологическое. [Скороходько 1960: 53].

Исследование принадлежности сокращений к той или иной части речи вылилось в классификацию М.М. Сегалья. По его данным, сокращения в большей степени представлены именами существительными [Сегаль 1965: 8].

Совсем простую классификацию предлагает Т.И. Арбекова, разделяя все аббревиатуры на простые и сложные. К простым автор относит все сокращения, образованные путём отсечения какой-либо части исходного слова: *demo – demonstration*. Сложные сокращения представляют собой дуэт аббревиации и словосложения, где происходит объединение начальных букв или слогов слова с основой: *PA system – public address system, Interpol – international police*. Несмотря на то, что данная классификация весьма упрощена и не учитывает определённых моментов (семантических, например), некоторые пояснения автора показались нам интересными. Так, Т.И. Арбекова поясняет, что аббревиатуры могут носить несколько фамильярный и неофициальный характер, присущий разговорной речи: *doc – doctor, professor – prof*. Однако автор также замечает, что сокращение может стать нейтральным, и это происходит тогда, когда частота употребления аббревиатуры намного превышает частоту употребления исходного слова, т.е. аббревиатура становится основным наименованием предмета: *plane – aeroplane, phone – telephone* [Арбекова 1977: 46].

Аббревиолог В.В. Борисов признаёт стандартное деление аббревиатур на графические и лексические, причём последние он подразделяет дополнительно на синтаксические и морфологические типы. К синтаксическим, по его мнению, относятся те сокращения, в которых опущены какие-либо цельнооформленные элементы: *battleship – line-of-battle ship*. Морфологическая аббревиация более сложная и основана на изменении морфем. Здесь исследователь выделяет три типа:

- усечения:
 - ✓ конца слова: *sub – submarine*;
 - ✓ начала слова: *phone – telephone*;
 - ✓ конца и начала слова: *flu – influenza*;

- инициальные сокращения (аббревиатуры):
 - ✓ звуковые (произносятся как отдельное слово: *SAC* – *Strategic Air Command* [сэ́к]);
 - ✓ буквенные (произносятся буквами алфавита: *ABM* [эй-би-эм] – *antiballistic missile*);
 - ✓ буквенно-звуковые (сочетание первых двух способов: *VTOL* [ви:тол] – *vertical take off and landing*);
- сокращения смешанного типа:
 - ✓ сокращения, создаваемые в результате одновременного применения усечения и инициальной аббревиации: *MOFLAB* – *mobile floating assault bridge*;
 - ✓ частичносокращенные слова (аббревиация + словосложение: *M-day* – *mobilization day*);
 - ✓ контрактуры (опущение середины слова и стяжение его начального и конечного компонентов: *arty* – *artillery*);
 - ✓ телескопические слова (стяжения в одно новое цельнооформленное слово начальных элементов одного и конечных элементов другого: *smog* = *smoke* + *fog*) [Борисов 1972: 110].

Обычно признают классической классификацию из шести структурных типов аббревиатур. Данная классификация была предложена авторами «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980: 255]. Основываясь на данной классификации, Н.Н. Сафонова выделяет три структурных типа аббревиатур с подтипами:

1) инициальный

- звуковой (*вуз*);
- буквенный (*МГУ* [эм-зэ-у]);

2) неинициальный

- слоговой (*завхоз*);
- частичносокращенный (*детдом*);

- телескопический (*moned*);
- образованный из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного (*завкафедрой*);

3) смешанный, совмещающий элементы инициального и неинициального типов (*КамАЗ*). [Сафонова 2007: 6].

В своём исследовании проблем сокращения терминов английского языка С.А. Володькова, взяв за основу классификации И.В. Арнольд и Л.Б. Ткачёвой, делит сокращения в подязыке информатики на 5 типов:

а) инициальные аббревиатуры – сокращение фразы путём использования первых букв слов, которые могут произноситься буквами алфавита, как отдельные слова или представлять смешение этих двух случаев. (*LMS – Let Me See, HAND – Have A Nice Day, TVOS – Television Observation System*);

б) усечения – отбрасывание начальной, конечной или обеих частей слова (*DOC – Document*);

в) стяжения – «стягивание» слова за счёт пропуска его средней части (*GND – Ground*);

г) гибриды – это частично сокращённые слова, которые образуются в результате сложения усечённого элемента и полнозначного слова (*user ID – user identification*);

д) акронимы – сокращения слов, образованные из начальных элементов слов терминологического словосочетания и сходные или совпадающие по своей форме с общеупотребительными словами (*GAL – девушка, молодая женщина* и *Get A Life – наслаждайся*) [Володькова 2011: 9].

Наиболее полную классификацию типов сокращённых лексических единиц (далее – СЛЕ) даёт А.П. Шаповалова [Шаповалова 2004: 116]. Рассматривая СЛЕ в разных ракурсах, автор выделяет несколько классификаций:

1. По структурным морфологическим типам:

- усечения
 - ✓ конца слов – апокопы;
 - ✓ начала слов – афрезы;
 - ✓ середины слов – медиальные;
 - ✓ сложные;
 - ✓ комбинированные;
- инициальные
 - ✓ алфавитизмы;
 - ✓ акронимы;
- стяжения (контрактуры) – опускание гласных букв;
- комбинированный тип (усечения + инициальная аббревиатура)

2. По употреблению в речи:

- графические (письменная речь);
- лексические (письменная и устная речь);

3. По способу образования:

- инициальные (от инициальных букв исходных словосочетаний);
- усечения (отбрасывание начала, конца или середины исходного слова);
- контрактуры (отбрасывание гласных);
- смешанный тип;

4. По принципам орфографии:

- прописные буквы;
- строчные буквы;
- косая линия;

5. По частям речи:

- номинативные (в роли существительных);
- адъективные (в роли прилагательных);

- вербальные (в роли глаголов);
 - адвербиальные (в роли наречий);
6. По принадлежности к языку:
- исконные;
 - заимствованные;
7. По долговечности:
- неологизмы;
 - архаизмы;
8. По устойчивости в языке:
- стандартные (постоянные);
 - окказиональные (случайные);
9. По семантическим изменениям:
- метонимический перенос;
 - расширение значения;
 - метафорический перенос;
10. По количеству компонентов в аббревиатуре:
- однокомпонентные;
 - двухкомпонентные и т.д.;
11. По области употребления:
- общеупотребительные;
 - специальные;
12. По стилистическим признакам:
- нейтральные;
 - экспрессивные.

Анализ работ, связанных с аббревиацией и аббревемией в компьютерной сфере [Сафонова 2007, Хуснуллина 2012, Володькова 2011, Иванова 2010], позволил заметить, что исследователи не дают полной классификации аббревем (компьютерной сферы в частности). Л.В. Иванова представляет словообразовательные модели производных. Всего выделяется

9 моделей, каждая из которых содержит ещё и подтипы. Н.Н. Сафонова распределяет отаббревиаты по группам согласно их структурным характеристикам, частям речи, орфографии и типу производящей аббревиатурной основы, а также выделяет типы аббревиатур по семантическому признаку.

В реферируемой работе сделана попытка разработки собственной наиболее полной классификации аббревем в компьютерной сфере (на основе классификации А.П. Шаповаловой) [Шаповалова 2004: 116]. Этот вопрос видится нам актуальным и интересным на данном этапе развития языка. Компьютерная аббревиация на сегодняшний день используется широко, растёт число пользователей компьютеров, техника развивается с огромной скоростью, и технические термины требуют краткости и понятности, а это достигается путём аббревиации и аббревемии.

В настоящее время существует масса словарей, в том числе электронных, предлагающих информацию по сокращениям в сфере компьютерных технологий. Это и разделы в учебных пособиях [Электронный словарь компьютерных терминов и сокращений], и отдельные страницы в сети Интернет [Список сокращений по информатике]. Наиболее полные данные предоставляют специальные словари сокращений и аббревиатур, принятых в сфере вычислительной техники (большинство из них англо-русские).

Из различных словарей [Англо-русский словарь по вычислительной технике, Англо-русский словарь сокращений в области информационных технологий, Гипертекстовый энциклопедический словарь по информатике, Информатика: словарь сокращений, Сотовая связь: словарь сокращений, Фадеев 1998, Словарь сокращений: Hard & Soft] методом сплошной выборки нами было отобрано 1747 аббревиатур (1195 английских (68%), 552 русских (32%)) по тематике «Информатика. Вычислительная техника. Интернет».

Для того чтобы установить гнезда аббревем для их последующего анализа, мы воспользовались современным ресурсом – Национальным

корпусом русского языка (далее – НКРЯ) [Национальный корпус русского языка]. Подробнее возможности поиска аббревем в НКРЯ описаны в [Жолтикова 2011]. Путём простого поиска в подкорпусе нехудожественных текстов было выявлено 404 аббревемы, удовлетворяющих нашей тематике. Далее были составлены классификации по следующим 5 признакам.

1. Классификация аббревем по принадлежности к части речи (см. рис. 1). Практически 100% исследуемых нами аббревем являются именами существительными, менее 1% занимают имена прилагательные, глаголов и наречий нет. На данный момент очень активно образуются аббревемы-существительные (*ЖК-монитор*, *IP-телефония*). Отсутствие глаголов и наречий видится нам следствием специфики компьютерной лексики. Она преимущественно представлена инициальными аббревиатурами, которые, как правило, образуют имена существительные и прилагательные.

Рис. 1. Классификация аббревем по принадлежности к части речи

Преобладание имён существительных среди аббревем наблюдает и Н.Н. Сафонова, в её исследовании из всех производных больше половины (57%) занимают имена существительные. Прилагательные, глаголы и наречия составляют 35%, 4% и 3% соответственно. Сравнительно небольшое количество аббревем-глаголов Н.Н. Сафонова связывает с необходимостью применения при их создании приёмов языковой игры и считает большинство таких глаголов окказиональными [Сафонова 2007: 14]

2. Классификация аббревем по использованию в языке (см. рис. 2). Логично предположить, что большая часть аббревиатур и их производных

в компьютерной сфере являются профессионализмами, которые появляются в лексиконе благодаря стремлению специалистов в области информатики и программирования упростить и ускорить процесс общения. Те аббревимы, которые чаще употребляются в речи, фигурируют в СМИ, становятся достоянием общественности. Те же, которые «не на слуху», остаются в лексиконе лишь профессионалов. В качестве принципа для отнесения аббревимы в ту или иную группу, мы используем ранее упомянутую классификацию Э.Ф. Скороходько [Скороходько 1960].

Рис. 2. Классификация аббревим по использованию в языке

3. Классификация аббревим по правилам орфографии (см. табл. 1). Как отмечают исследователи [Безрукова 2001], отаббревиаты как представители нового класса в языке имеют неустойчивую орфографию. Основа аббревиатуры может писаться прописными или строчными буквами: *СТЭМовец* / *стэмовец*; инициалами слов или транскрипцией: *МЧСовец* / *эмчээсовец*; буквами русского или латинского алфавита: *ВИП-зал* / *VIP-зал*. Помимо этого аббревимы имеют варианты написания через дефис, слитно, отдельно, зачастую с нарушением правил орфографии: *ОРТ-шный* (вместо *ОРТшный*), *миниГЭС* (вместо *мини-ГЭС*).

Иноязычные аббревиатуры и аббревимы в процессе адаптации и укоренения в русском языке могут изменять свой графический облик. Это, например, произошло с аббревиатурой *V.I.P.*, которая первоначально писалась с точками по нормам английской орфографии, но постепенно за

счёт активного своего употребления стала писаться без них – *VIP* [Перовская 2012].

Прекозитивные аббревемы преимущественно пишутся через дефис (*GSM-телефон*), однако С.И. Шумарин [Шумарин 2011] отмечает и раздельное написание (*ID узел*), что подтверждается и нашим исследованием.

Таблица 1. Классификация аббревем по правилам орфографии

Правила орфографии	Примеры
Дефис	<i>PDP-8, IT-Research</i>
Слитно	<i>POP3, ITResearch</i>
Раздельно	<i>API Adapter</i>
Прописные буквы аббревиатуры	<i>DVD-файл, IBM-PS</i>
Строчные буквы аббревиатуры	<i>Unix-станция</i>
Прописные буквы неаббревиатурного компонента	<i>DVD-Video</i>
Строчные буквы неаббревиатурного компонента	<i>GSM-сеть</i>

По результатам исследования аббревем компьютерной сферы 74% из них пишутся через дефис, 14% – слитно, 12% – раздельно. Встречаются и посткозитивные аббревемы (*аудио-CD, супер-ЭВМ*). Е.А. Жданова указывает, что такая приставка, как *супер-* последнее время продуктивна и активно употребляема, чем обязана английскому языку [Жданова 2010]. Н.Н. Сафонова, наоборот, утверждает, что аббревемы с приставками *супер-*, *анти-* образуются редко [Сафонова 2007: 14].

В нашем исследовании также имеются случаи написания отаббревиатов с нарушением правил русской орфографии (*супер-ЭВМ*, а не *суперЭВМ*). Аббревиатурные основы могут писаться прописными либо строчными буквами. Как замечает Н.Н. Сафонова, прописные буквы аббревиатуры повышают восприятие аббревемы и помогают избежать омонимии [цит. раб.: 18].

4. Классификация аббревем по принадлежности к языку (см. рис. 3). По данным нашего исследования, образование отаббревиатур в

компьютерной сфере от английских сокращений является более продуктивным (73%) по сравнению с образованием от сокращений на русском языке (27%). Ряд аббревем даже выделяется в отдельную группу – слова-кентавры.

Рис. 3 Классификация аббревем по принадлежности к языку

В нашем исследовании слова-кентавры составляют 31% от общего количества аббревем. Сокращения данного типа всё чаще встречаются в языке, активно используются в речи (больше разговорной) и становятся более привычными. Последнее время наблюдается тенденция изображать такие слова на письме кириллицей, а не латиницей, что говорит о полном включении и лексикализации слов-кентавров в русском языке. Так, для аббревемы *SMS-сообщение* нередко можно встретить вариант написания *СМС-сообщение*, *смс-сообщение*, а иногда и просто *СМС* или *эсмэска*. То же самое можно наблюдать с аббревемами *PIN-код* – *ПИН-код*, *SIM-карта* – *СИМ-карта*, *симка* и др. [Крысин 2010]. К аналогичным выводам приходит и Т.И. Перовская в процессе исследования аббревиатуры *VIP*. Если изначально в русском языке она была представлена латиницей, то в настоящий момент помимо этого встречаются латинские написания – *ВИП*, *vip* и даже транслитерация – *Ви-Ай-Пи* [Перовская 2012].

Наибольшую продуктивность англоязычных аббревиатур можно

объяснить развитием интереса к английскому языку, расширением коммуникативных границ, а также, конечно, развитием самой компьютерной сферы. Результаты нашего исследования в этом вопросе совпадают с результатами Н.Н. Сафоновой и являются доказательством того, что в словообразовании участвуют не только русские аббревиатуры, но и заимствованные из других языков. Также имеет место факт продуктивности образования сложных существительных, имеющих в своём составе иноязычную аббревиатуру [Сафонова 2007: 12].

5. Классификация аббревиатур по типу словообразования (см. табл. 2). Структурная классификация аббревиатур очень обширна и разнообразна.

Таблица 2. Классификация аббревиатур по типу словообразования (инициальная аббревиатура – ИА, акроним – акр., алфавитизм – алф..)

Типы словообразования		Примеры
Добавление имени существительного	ИА (акр.) + русское сущ-ое	<i>CAD-приложение</i>
	ИА (акр.) + англоязычное сущ-ое	<i>PIN-code</i>
	ИА (алф.) + русское сущ-ое	<i>CD-ресивер</i>
	ИА (алф.) + англоязычное сущ-ое	<i>DVD-home</i>
	Сущ-ое + ИА (алф.)	<i>Инструмент-ОП</i>
Добавление цифры	ИА (акр.) + цифра	<i>IMAP4, MPEG-2</i>
	ИА (алф.) + цифра	<i>PDP-8</i>
	Сложносокращённые слова + цифра	<i>Intelsat-10</i>
	Цифра + ИА (алф.)	<i>3CCD</i>
Добавление префикса	Префикс + ИА (алф.)	<i>микроЭВМ, мини-ПК</i>
Добавление другой аббревиатуры	ИА (алф.) + ИА (алф.)	<i>HD-DVD</i>
	ИА (алф.) + ИА (акр.)	<i>DVD-ROM</i>
	ИА (акр.) + ИА (алф.)	<i>ГЛОНАС-М</i>
	Усечение + ИА (алф.)	<i>VoIP</i>
Добавление другой аббревиатуры и цифры		<i>SDS-3-PC, B2B-проект, DP100FM</i>

Анализ показал, что аббревиатуры инициального типа наиболее продуктивны, сокращения слогового типа имеют не такой представительный состав. Можно предположить, что это происходит вследствие возрастания потребности в экономии и компрессии языковых средств.

В.Н. Дударева, исследуя аббревимы русского языка сферы сети Интернет с основой Internet, PC, CD, CD-Rom, e-, i-, www, отмечает, что большому количеству номинаций присуща одна и та же модель: «аббревиатура + имя существительное» [Дударева 2008].

По результатам нашего исследования встречаются различные комбинации аббревиатур с именами существительными, префиксами, цифрами и даже другими аббревиатурами. Большое структурное разнообразие является следствием постепенного укрепления аббревимии как способа словообразования, которые наравне с аббревиацией проявляется во всех сферах жизни. В следующем параграфе рассмотрим предпосылки такого активного распространения компьютерной аббревиации и аббревимии, а также их положение на данный момент.

1.5. Аббревиация и аббревимия в компьютерной сфере

Начало пятидесятых годов XX века запомнилось миру как время создания первых компьютеров. Изначально эти электронно-вычислительные машины использовались лишь в промышленных и военных целях, а работать на них могли только профессионалы. Кто бы тогда мог подумать, что огромные махины размером с целые комнаты спустя полвека превратятся в крошечные устройства и будут иметь большое влияние в современной жизни. В 1980-е годы весь мир захлестнула волна глобализации. Технический прогресс, появление персонального компьютера и его освоение повлекли за собой изменения и в жизни общества. Дальнейшее создание сети Интернет открыло возможности для общения в абсолютно новом формате. Электронная почта, социальные сети, чаты и форумы стали обретать невероятную популярность, отчасти потому, что виртуальное общение

многим людям даётся проще реального с точки зрения психологии, ведь здесь можно скрыть себя настоящего, остаться анонимным, поделиться своими проблемами, получить помощь и найти друзей по переписке. Такое взаимодействие сфер деятельности оказало большое влияние на развитие языка.

Компьютерная сфера играет важную роль не только с технической стороны, но также и с точки зрения лингвистики. Компьютерная среда стала местом появления огромного количества сокращений и терминов, прежде всего, в английском языке. Такая лексика со временем заимствовалась практически всеми языками мира, благодаря чему многие английские аббревиатуры перешли в разряд интернационализмов, и сейчас мы можем видеть и употреблять их в речи. Компьютерная сфера содержит в себе богатый материал специальной профессиональной терминологии, которая последнее время становится достоянием общественности, поскольку количество компьютерно грамотных людей растёт с каждым днём. В компьютерной лексике наблюдается сокращение, минимизация языковых средств по причине того, что исходные термины слишком сложны и длинны, а это затрудняет употребление данной терминологии в повседневной коммуникации. Все это ведёт к необходимости использования аббревиации. Употребление аббревиатур позволяет увеличить количество передаваемой информации за единицу времени, что в свою очередь повышает результативность коммуникации. Несколько букв способны заменить слова, фразы и даже целые предложения, что очень ценится в современном мире. Ю.В. Горшунов видит причины распространения аббревиатур именно в развитии компьютерной техники и сети Интернет [Горшунов 1999, Ильченко 1994].

Компьютерный язык постепенно осваивают и простые обыватели, размываются границы между компьютерными терминами и общеупотребительными словами. Доказательством этому может служить наш обиходный язык. Ежедневно мы воспроизводим в речи множество

«компьютерных слов», и это свидетельствует о том, что наблюдается включение данного языка (а вместе с ним и сокращений) в обиходную речь. Если задуматься, сколько таких слов мы употребляем каждый день, то все сомнения в неизбежности вхождения этого языка в простую речь будут излишни. М.В. Орлова утверждает, что причиной такого активного проникновения компьютерной лексики является экстралингвистическая действительность, влияние неязыковых факторов, а именно работы человеческого мышления, которое находит сходства между объектами и переносит наименования с одного объекта на другой [Орлова 2008: 7].

В процессе развития информационных технологий возникает несколько новых способов поиска, представления и хранения информации. Язык и культура, будучи подверженными влиянию социальных факторов, также претерпевают изменения, происходит рождение новой языковой и культурной среды. Всё больше возрастает роль виртуальной коммуникации, неотъемлемой частью которой явились аббревиатуры различных типов.

Аббревиатуры встречаются во многих жанрах компьютерного дискурса: это электронная деловая переписка, различные форумы и чаты. Если первые более ограничены и используют, как правило, традиционные для данного вида общения аббревиатуры, вторые представляют скорее сокращения узкой направленности и определённой профессиональной среды, то третьи изобилуют различного рода аббревиатурами.

Рассматривая структурный состав сокращений, Ю.А. Хуснуллина говорит о преобладании аббревиатур-сиглей, состоящих из первой буквы (букв) слов (словосочетаний): *A – Archived, C – Computing, C – Click, D – Digit*, и словосочетаний: *ABMD – Automatically Backup My Documents, ADP – Active Data Page, BIOS – Basic Input/ Output System* [Хуснуллина 2012: 14]. Исследования Л.А. Новиковой показали, что чаще других встречаются сокращения по первым буквам, акронимы и комбинированные аббревиатуры. Среди наиболее употребляемых автор называет следующие: *AFAIK – as far as I know, ASAP – as soon as possible, HAND – have a nice day*. Как мы видим,

происходит сокращение целых фраз и предложений, аббревиатуры могут скрывать под собой служебные части речи: междометия, союзы, артикли, предлоги; всё это является отличительной чертой аббревиации в интернет-общении (особенно в чатах) [Новикова Л.А. 2013]. Подобную тенденцию отмечает и Ю.А. Хуснуллина, заключая, что аббревиации подвергаются предлоги и союзы: *AA – Ask About, AAK – Asleep At the Keyboard*; вспомогательные и модальные глаголы: *DYK – Did You Know, ADR – Ain't Doing Right*. Однако, по утверждению автора, отрицательная частица *not* не участвует в аббревиации, что может вызвать затруднения в процессе декодирования [Хуснуллина 2012: 18].

В состав аббревиатур также могут входить различные символы, цифры, причём цифры порой заменяют целые слова: *F2F – friend-to-friend, IB4J – Instant BASIC for Java*. Игра на схожести слов, букв и цифр приводит к интересным и популярным аббревиатурам: *H8 – hate, CU – see you, B4 – before, Gr8 – great* [Новикова Л.А. 2013]. Использование цифр и других символов в составе аббревиатур очень актуально. Согласно работе [Хуснуллина 2012], такие аббревиатуры широко представлены в компьютерном дискурсе: *4CC – Four-Character Code, PL1 – Programming Language, J# – «J-sharp»*.

Результаты исследования компьютерного дискурса Ю.М. Хуснуллиной отражают относительно небольшое количество аббревиатур-терминов. Как правило, они представлены синкопой: *ABEND – Abnormal End, ALGOL – ALGOarithmic Language* и апокопой *CODEC – Coder/Decoder, Comp – Computer, FAX – Facsimile* [Хуснуллина 2012: 14].

Стоит отметить, что большинство употребляемых сокращений английские, и именно английские основы более продуктивны. Несмотря на то, что имеются русские аббревиатуры, в виртуальной коммуникации английские сокращения стали уже более универсальными и понятными, а их русские эквиваленты могут лишь запутать собеседника (*ИМНО – In My Humble Opinion*, оно же *ИМХО – по моему скромному мнению*).

Аббревиатуры интернет-общения могут достигать длины в 13 букв, что ещё раз доказывает важность скорости передачи, получения информации и экономии времени [Новикова Л.А. 2013].

Омоакронимия как одна из тенденций аббревиации на сегодняшний день также широко представлена в компьютерной сфере. Чтобы упростить запоминание терминов или каких-либо наименований, всё чаще прибегают к данному типу аббревиации. Омоакроним создаётся по образу какого-либо известного слова, а это даёт возможность быстро закрепиться в языке и впоследствии в памяти: *ACT – Application Control Table*, *BOSS – Back Office SoftwareSystem*, *BUN – Back Up Name* и др. Образование омоакронимов может быть как случайным, так и преднамеренным. Если в первом варианте не прослеживается образно-ассоциативная связь между омоакронимом и визуальным словом (*CASE – Computer-Aided Software Engineering*, *BAR – Beyond All Recognition*), то во втором случае такая связь является целью. Визуальное слово-модель должно быть не только известным, но и своим значением соответствовать внутренней форме омоакронима (*CHAOS – Create Havoc Around Our System*, *EGO – Everyone's Got One*) [Хуснуллина 2012: 21].

Однако компьютерной сфере характерны не только аббревиатуры, используемые в виртуальной коммуникации, которые зачастую являются окказиональными, но и традиционные сокращения терминов и профессионализмов, зафиксированные в словарях аббревиатур. Именно такие слова стали объектом нашего исследования.

Терминологической аббревиации посвящены, например, следующие работы: [Арнольд 1959], Е.П. Волошин [Волошин 1966], В.В. Борисов [1972]. Мнения в вопросе целесообразности использования сокращений в терминологии расходятся. Лингвисты В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов придают большое значение аббревиации в терминологии [Даниленко 1981]. Другого мнения придерживается А.В. Суперанская, отдавая аббревиации самое последнее место в терминообразовании, отмечая при этом её значимость в целом в специальных языках [Суперанская 2007].

Однако, несмотря на все неразрешённые вопросы, аббревиация в компьютерной сфере на данном этапе действительно актуальна как никогда. Компьютерные сокращения (например, *DVD*, *MP3*, *USB*, *ИТ*, *ЖК*) на сегодняшний день принимают настолько массовый характер, настолько укореняются в повседневной речи, что можно смело говорить и о тенденции активного использования аббревиатур: *DVD-ROM*, *MP3-плеер*, *ЖК-дисплей*.

Своеобразный жаргон работников компьютерной сферы повлёк за собой появление огромного числа аббревиатур. Если поначалу это лексика была ограничена в употреблении, то в связи с техническим прогрессом, развитием информатики и сети Интернет этот «компьютерный словарь» стал достоянием всего общества. Сокращения, относящиеся к данным сферам, стали массовыми [Крысин 2011]. Читая журнал, газету или смотря рекламу, каждый из нас не раз замечал сокращения типа *PC* – *personal computer* – *персональный компьютер*, *CD* – *compact disk* – *компакт-диск*, *SMS* – *short message service* – «услуга коротких сообщений» и т.п. Многие аббревиатуры уже не дешифруются, а считаются общеизвестными и понятными, несмотря на то, что большинство из них заимствованы из английского языка.

Как известно, большинство профессиональных терминов является трудным для использования в повседневной коммуникации, но ситуации общения требуют быстроты как приёма, так и передачи информации (экономии времени и усилий). В связи с этим возрастает необходимость минимизации языковых средств, а вместе с ней проявляется тенденция к аббревиации в данной сфере. Ю.А. Хуснуллина отмечает, что двух-трёхбуквенные аббревиатуры-термины больше преследуют цель экономии речевых усилий и создание краткого слова, чем многокомпонентные аббревиатуры повседневной компьютерной коммуникации, целью которых является скорее экспрессия [Хуснуллина 2012: 17].

Аббревиация представлена во всех областях компьютерной науки. Поэтому мы выделили те сферы, в которых применяются используемые в

нашем исследовании отаббревиатуры (см. табл. 3), и определили наиболее продуктивные области образования новых номинаций.

Таблица 3. Сферы функционирования компьютерных аббревем

Название предметной области	Пример
1. Электронные и вычислительные устройства, компьютеры, комплектующие	<i>DVD-ROM, MP3-плеер, USB-модем</i>
2. Программное обеспечение и программные продукты	<i>OLAP-продукт, Web-браузер, ODBC-драйвер</i>
3. Представление данных, форматы	<i>CD-файл, DjVu-страница</i>
4. Технологии, стандарты, протоколы, языки программирования	<i>HTML-программирование, Web-технология</i>
5. Компании, организации, сервисы, рабочий персонал	<i>IT-Express, IT-директор, LEDtronics</i>
6. Системы и сети	<i>OLAP-система, Гас-Выборы, GSM-сеть</i>
7. Другое	<i>SIM-меню, ГИС-бурение</i>

Следует ещё раз отметить, что большая часть аббревиатур и их производных являются терминами или профессионализмами, которые появляются в лексиконе благодаря стремлению специалистов в области информатики и программирования упростить и ускорить процесс общения. Компьютерный язык пополнялся и пополняется постоянно, но постепенно (как и компьютерная грамотность общества приходит не сразу). Первоначальной задачей является ознакомить людей с архитектурой компьютера, его основными частями, попросту говоря, показать, «куда нажимать». А углубляться в понимание процессов, происходящих внутри машины, уже дело второстепенное и необязательное. Вряд ли простой человек, пользующийся компьютером в непрофессиональных целях, отлично разбирается в системах и процессах, происходящих в персональном компьютере. Ему важно знать то, какие устройства используются, и какие программы запускаются. Соответственно, язык архитектуры компьютера, именованная его основных элементов, в первую очередь стал употребляться в обиходной речи и претерпевать различные изменения. На наш взгляд, это одна из причин, по которой количество отаббревиатур в группе

«Электронные и вычислительные устройства, компьютеры, комплектующие» является наибольшим по отношению к другим группам.

Остальные сферы информатики имеют примерно равное количество отаббревиатур. Это говорит о том, что компьютерная наука и компьютерный язык развиваются во всех направлениях практически равномерно.

С.А. Володькова, например, выделяет следующие предметные области исследуемых ею лексических единиц:

- 1) программы;
- 2) символы, знаки;
- 3) действия;
- 4) функции, команды;
- 5) системы;
- 6) детали и устройства;
- 7) (информационные) единицы измерения;
- 8) обозначения и характеристики людей, связанных с программированием [Володькова 2011: 9].

Считаем важным отметить тот факт, что аббревиатура и её производная чаще всего имеют различные значения и, следовательно, разные сферы применения. Например, *GPS (Global Positioning System)* – это спутниковая система навигации, в то время как отаббревиатура *GPS-навигатор* именуется устройством, получающее сигналы данной системы.

Аббревиатура настолько приживается в речи, что люди, даже не зная её расшифровки, образуют от неё новые слова. Результаты исследования аббревем русского языка сферы Интернет В.Н. Дударевой показывают, что в настоящее время достаточно активно участвуют в словообразовании следующие основы: *Internet, PC, CD, CD-Rom, e-, i-, www*. Продуктивность производящей основы *Internet* особенно высока, причём слово настолько устоялось в русском языке, что используется вариант его оформления кириллицей: *интернет*. Автор отмечает около 100 наименований: *интернет-фирма, интернет-агентство, интернет-телефония* и др. [Дударева 2008].

О.Н. Кушнир, говоря о лингвоконцептуальном понимании префикса *-интер*, полагает, что необходимо рассматривать его не в узком значении 'взаимодействие', а как «пучок смыслов» с ядром 'между, посреди' + 'взаимо'. Такой пучок смыслов представляет собой основу ставших общеупотребительными терминов: *Интернет, интернетовский, интерфейс* и др. [Кушнир http]. Основа *e-* также отличается богатым словообразовательным потенциалом. Усечённый компонент, как правило, играет роль имени прилагательного, расшифровываясь как «электронный». Для русского языка характерны следующие новообразования с данной основой (в том числе английского происхождения): *e-business, e-mail, e-адрес, e-версия, e-газета* и др. Как отмечает Дудырева, основы *i-* и *www* пока ещё малопродуктивны в русском словообразовании и практически не представлены в исследуемом материале [Дударева 2008].

Таблица 4. Наиболее продуктивные аббревиатуры и их производные

ГИС	<i>ГИС-бурение, ГИС-информация, ГИС-картография, ГИС-подсчет, ГИС-парк, ГИС-покрытие, ГИС-расширения, ГИС-функция, ГИС-ассоциация, ГИС-ПАНГЕЯ, ГИС-ИНТЕГРО, ГИС-1, ГИС-система, ГИС-структура, ГИС-модель, ГИС-контроль, ГИС-конструктор, ГИС-решение, ГИС-представление, ГИС-инструментарий, ГИС-анализ, ГИС-продукт, ГИС-технология</i>
CD	<i>CD-R, CD-ROM, CD-RW, CD-video, CD-disk, CD-плеер, CD-привод, CD-проигрыватель, CD-ресивер, CD-чейнджер, CD-архив, CD-файл, CD-текст, CD-video, аудио-CD, видео-CD</i>
TV	<i>Программа TV, Gemstar-TV, Twentieth TV, TV-shop, TV3, TV-2, TV1, TV+, TV Галерея, TV век, TV TO GO, TV Guide, Spiegel TV, REN-TV, Real TV, Nippon-TV</i>
IP	<i>IP-маршрутизатор, IP-конвертер, IP Office, IP-пакет, IPv4, IPv6, VoIP, IP-адрес, IPX, IPSec, IpServiceName, IpServiceProc, IP-TV, IP-VPN, IP-T</i>
DVD	<i>DVD-R, DVD-RW, DVD-RAM, DVD-ROM, DVD-диск, DVD-проигрыватель, DVD-ресивер, DVD-устройство, DVD-Audio, DVD-Video, DVD-файл, DVD-фильм, HD- DVD, DVD-home</i>
ИТ	<i>ИТ-бизнес, ИТ-команда, ИТ-директор, ИТ-консалтинг, ИТ-служба, ИТ-рынок, ИТ-компания, ИТ-общественность, ИТ-подразделение, ИТ-проблема, ИТ-услуга, ИТ-проект</i>
Web	<i>Web-браузер, Web-ресурс, Web-технология, Web-блок, Web-служба, Web-дизайн, Web-инструментарий, Web-based</i>
IT	<i>IT-company, IT-daily, IT-Express, IT-Forum, IThink, ITResearch, IT-Systems</i>
SMS	<i>SMS-зависимость, SMS-рассылка, SMS-сообщение, SMS-запрос, SMS-распоряжение, SMS-трейдинг</i>
ЖК	<i>ЖК-дисплей, ЖК-моник, ЖК-телевизор, ЖК-экран, ЖК-панель</i>

В нашем исследовании активность и продуктивность аббревиатур наблюдаются в разной степени. Чем более употребительна аббревиатура, тем чаще она участвует в словообразовании и наоборот. Так, можно выделить ряд наиболее продуктивных аббревиатур в сфере информатики (см. табл. 4).

Полученный материал даёт возможность увидеть, что наибольшей продуктивностью, безусловно, обладают те аббревиатуры, которые прижились в языке и, как правило, не требуют расшифровки. По результатам исследования такими аббревиатурами стали: *ГИС* (24 производных), *CD* (16), *TV* (16), *IP* (15), *DVD* (14), *ИТ* (12), *Web* (8), *IT* (7), *SMS* (6), *ЖК* (5).

Выводы по Главе 1

Язык – динамическая система, не только постоянно находящаяся в развитии, но и быстро реагирующая на все изменения, происходящие в обществе. Пополнение словарного состава языка за счёт активно развивающегося пласта лексики – аббревиатур – одна из тенденций XX века. Обзор научной литературы позволил понять, что, постепенно проникая во все сферы деятельности, аббревиация надёжно закрепляется в языке, и это объясняется рядом лингвистических и экстралингвистических факторов (см. рис. 4).

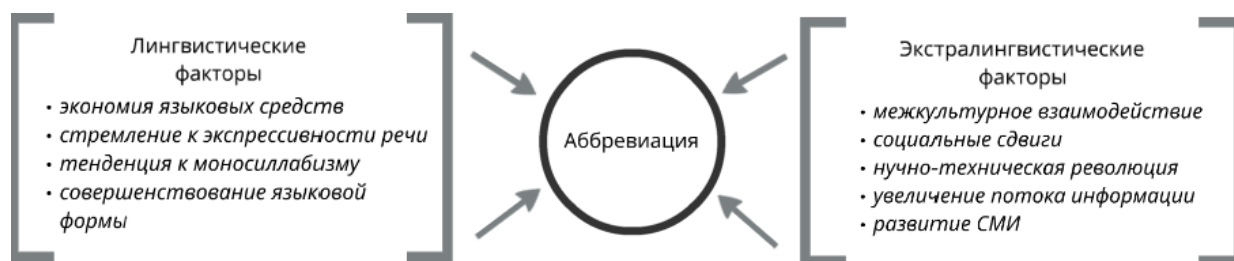

Рис. 4. Влияние различных факторов на появление аббревиатур

Мы выяснили, что постоянный рост количества информации, но вместе с этим стремление к сокращению времени на её приём и передачу привели к необходимости распространения новой лексики, которая отвечала бы данным требованиям. Желание экономно выразить свою мысль и затратить на это как можно меньше усилий является одной из главных причин популярности аббревиатур в речи. Вместе с этим технический прогресс, всеобщая глобализация, интеграция культур и увеличение темпа жизни также не могли не сказаться на языке как «живом организме».

Процесс становления аббревиатуры как полноценной лексической единицы был постепенным. Будучи поначалу недооценённой и не особо развитой, на сегодняшний день аббревиатурная лексика – неотъемлемый компонент практически любого языка мира. Нам удалось заметить ряд

неразрешённых вопросов, связанных с понятием аббревиатуры и со статусом аббревиации как способа словообразования.

Проделанный нами обзор научных исследований и публикаций показал, что для одних авторов аббревиатура – это результат процесса создания сокращённой лексической единицы [Шаповалова 2004: 38], для других – речевая единица, образованная из отдельных частей определённого развёрнутого связанного с ней элемента [Борисов 1972: 100], для третьих – новая единица номинации [Дюжикова 1997: 6].

Аббревиация некоторыми исследователями рассматривается лишь как процесс преобразования слов и словосочетаний в аббревиатуры [Пыриков 1984: 17], как частный случай словосложения [Бабарыкин 1996]. Мы же придерживаемся мнения, что аббревиация – более сложный процесс, а именно: не только изменение формы слова, замена букв, а (что особенно важно) создание новой единицы номинации, имеющей неразрывную связь с мотивирующей основой [Кубрякова 2000: 71]. Несмотря на то, что исследователи говорят об аббревиации как о субъективном процессе с определёнными особенностями, большинство склонны включать её в словообразовательную систему языка благодаря имеющемуся взаимодействию разных аспектов языка и связанных с ними процессов в аббревиации (см. рис. 5).

Исследователи предсказывают аббревиации большое будущее, поскольку сокращения делают речь не только компактной, но и более выразительной. В рассмотренных нами научных работах отмечаются случаи активного включения аббревиатур в языковую игру, омоакронимию, а это свидетельствует о том, что аббревиация помогает речи стать максимально экспрессивной и живой.

Сокращения проникают во все сферы жизни, мы встречаемся с ними повсеместно и каждый день: при осуществлении банковских операций, во время просмотра телевизора, при чтении газет и журналов, пользовании телефоном и компьютером и т.д. Однако компьютерная сфера как наиболее

динамично развивающаяся порождает богатый лексический материал, который условно можно разделить на разговорный и терминологический. Появление сети Интернет, а вместе с этим и виртуального языка, влекут за собой появление новых видов общения в письменной форме: форумы, чаты. Аббревиация в данной среде очень распространена в силу своего удобства употребления, краткости и экспрессивности.

Рис. 5. Взаимодействие разных аспектов языка и связанных с ними процессов в аббревиации

Если поначалу компьютерная лексика была понятна только лишь специалистам технической области, то сейчас, благодаря освоению вычислительных средств обычными людьми, она доступна всё большему количеству людей. Компьютерные термины становятся более понятными простым обывателям, поскольку уже являются частью повседневной жизни. Их первоначальная громоздкость благодаря аббревиации сменилась краткостью, чёткостью и лёгкостью.

Один из результатов реализации словообразовательных возможностей аббревиатур проявляется в аббревемии, т.е. образовании слов от аббревиатур. Данная тенденция наблюдается и в компьютерной сфере. В нашем исследовании на базе 1195 английских и 552 русских аббревиатур (всего 1747 аббревиатуры) было выделено 404 аббревемы, почти 100% из которых составили аббревемы-существительные. Анализ СГ даёт возможность прийти к выводу, что чем более употребительна и обиходна аббревиатура, тем больше производных она может дать и наоборот (*ИТ – ИТшный, ИТшник, ИТ-компания, ИТ-технология, ИТ-специалист*). Активно используемые в языке аббревиатуры обладают наибольшей продуктивностью. По результатам нашего исследования среди компьютерных аббревиатур такими стали: *ГИС* (24 производных), *CD* (16), *TV* (16), *IP* (15), *DVD* (14), *ИТ* (12), *Web* (8), *IT* (7), *SMS* (6), *ЖК* (5).

По результатам разностороннего анализа отобранных нами 404 аббревем была разработана уточнённая классификация аббревем. На основании анализа мотивирующих основ аббревем было установлено, что они могут принадлежать как русскому языку (*ЖК-дисплей*), так и быть англоязычными (*IT-Research*). Отмечается большое количество отаббревиатов, первая часть которых образована от английских аббревиатур и пишется латинскими буквами, а вторая – кириллицей (*SIM-карта, PDF-файл*). Исследование структуры компьютерных аббревем позволило выделить различные типы словообразования: добавление имени существительного (*CAD-приложение*) / цифры (*MPEG-2*) / префикса (*микроЭВМ*) / другой аббревиатуры (*VoIP*) / аббревиатуры и цифры (*DP100FM*). По результатам анализа орфографии аббревем мы получили следующие результаты: аббревемы могут писаться слитно (*ITRsearch*), через дефис (*IT-Rsearch*), отдельно (*API Adapter*), а также были выявлены различные вариации строчных и прописных букв (*DVD-файл, IBM-PS*). Мы установили, что применение аббревем прослеживается во многих компьютерных областях, начиная от программного обеспечения и

комплектующих и заканчивая названиями технических компаний, что ещё раз доказывает актуальность аббревиации и аббревемии в компьютерной сфере.

Ежедневно мы сталкиваемся с большим количеством аббревиатур. Несмотря на то, что эти краткие слова скрывают за собой целые фразы и предложения, они настолько влились в речь, что многие понятны и без расшифровки. В следующей главе мы сделаем попытку объяснить, на основании каких внутренних и/или внешних законов происходит узнавание слова, как и за счёт чего осуществляется процесс идентификации аббревем.

Глава 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ АББРЕВЕМ

2.1. Связь между знаком и значением

Значение слова давно находится в фокусе вопросов, интересующих философов, лингвистов, психологов и психолингвистов. В трактовке «Лингвистического энциклопедического словаря» лексическое значение слова – это содержание слова, отображающее и закрепляющее в сознании представление о предмете / явлении / процессе и т.д. [Лингвистический энциклопедический словарь]. Значение слова представляет собой продукт мыслительной деятельности, связанный с редукцией информации человеческим сознанием, а также с определёнными видами мыслительных процессов, такими как классификация, сравнение, обобщение. Лексическое значение слова играет ключевую роль в познавательной деятельности человека и формируется в процессе активной речевой деятельности [там же].

Характерная для лингвистики трактовка термина «значение», так или иначе, связана с понятием знака. Первым, кто ввёл семиотический аспект в лингвистику, был швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, предложивший рассматривать язык как систему, все элементы которой образуют единое ценное, а слово является связующим звеном.

Одним из первых положений теории Ф. де Соссюра является деление речевой деятельности на язык и речь. Речь – это индивидуальный аспект речевой деятельности, активное использование кода языка в соответствии с мыслью говорящего. Язык – это речевая деятельность минус речь. Он представляет собой совокупность языковых навыков, позволяющих человеку понимать других и быть понятым [Соссюр 1977: 109]. Это социальный аспект речевой деятельности, существующий в силу коллективной договорённости. Индивид учится языку, постепенно овладевая им. Особенность языка состоит в возможности его сохранения и понимания

языковых знаков в тех случаях, когда речь недоступна индивиду (например, потеря дара речи) [цит. раб.: 52].

В отличие от речевой деятельности, язык однороден. Он представляет собой систему знаков, в которой важным является соединение двух в равной степени психичных компонентов: акустического образа знака и его смысла. Знаки – это не абстракции, а ассоциации, которые коллективно приняты, в своей совокупности составляют язык и локализируются в мозгу. Языковые знаки могут фиксироваться, что позволяет словарям и грамматике быть истинными изображениями языка [там же].

Языковой знак объединяет не вещь и её название, а понятие и акустический образ. Акустический образ – это не просто материальное звучание и составляющие слово фонемы, это психический отпечаток звучания, имеющий чувственную природу. Психический характер акустического образа Ф. де Соссюр связывает с возможностью говорить самому с собой, мысленно что-то повторять. Понятие и акустический образ (Соссюр для их обозначения вводит термины «означаемое» и «означающее» соответственно) теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга [цит. раб.: 99].

Говоря о языковых знаках с точки зрения Ф. де Соссюра, необходимо отметить два их важных свойства, которые легли в основу следующих принципов.

1. Принцип произвольности знака. Произвольностью характеризуется связь, соединяющая означающее с означаемым. Получается, поскольку означаемое и означающее являются единым целым, можно говорить о произвольности всего языкового знака [цит. раб.: 100]. Суть этого принципа состоит не в том, что означающее может свободно выбираться говорящим, а в том, что означающее немотивированно по отношению к означаемому, между ними нет никакой естественной связи, эта связь конвенциональна. [цит. раб.: 101].

2. Принцип линейного характера означающего. Языковые единицы в акте речи развёртываются последовательно, с соблюдением законов их расположения относительно друг друга, образуя линию, цепь. Ф. де Соссюр подчёркивает, что от данного принципа «зависит весь механизм языка» [цит. раб.: 103]. Линейность языка является основой синтагматических отношений между элементами языковой системы [цит. раб.: 155]. Большинство единиц языка находятся в зависимости либо от своего окружения в процессе речи, либо от составляющих их самих частей [цит. раб.: 160]. Из этого вытекает неоднородность языкового знака: он является и частью целого (например, по отношению к предложению), и целым, делимым на части (например, по отношению к морфемам).

Ф. де Соссюр отмечал, что любое состояние языка основано на отношениях. С одной стороны, это линейные (синтагматические) отношения между языковыми единицами, которые мы уже затронули выше. С другой стороны, это ассоциативные (парадигматические) отношения, позволяющие объединять слова на основе определённых ассоциаций в группы, внутри которых возможны разнообразные отношения [цит. раб.: 155]. Практически все слова языка связаны и образуют синтагматические и ассоциативные группы. Такие группы взаимосвязаны и обуславливают друг друга [цит. раб.: 161]. Без ассоциативных отношений невозможно было бы осуществить анализ языковой единицы, выделить её основные составляющие. Такая единица существовала бы без наличия в ней синтагматических связей. Без синтагматических единств не представлялось бы возможным установление ассоциативных связей их членов с ассоциативно противопоставляемыми им формами.

Ф. де Соссюр также сформулировал понятие значимости знака – совокупности его реляционных свойств. Реляционные свойства устанавливаются по ассоциативным и синтагматическим отношениям знаков, являются основой отождествления языковых единиц и функционируют совместно с абсолютными свойствами (значение, звуковая форма) [цит. раб.:

150]. Синтагматическая значимость любого элемента зависит от его соседних элементов и места в синтагме. Слово в синтагме – это соединение взаимосвязанных элементов, которые обладают значимостью благодаря своему взаимодействию в единице высшего порядка. Элементы не самостоятельны, а существуют в силу своего взаимодействия с другими элементами. Значимость всех элементов определяет значимость синтагмы [цит. раб.: 155]. Большая или меньшая значимость того или иного знака отчётливо видна для аббревиатур. Например, всем известное сокращение *SMS* расшифровывается как *short message service* (*сервис коротких сообщений*), однако понимается и используется большинством просто как *сообщение* (*message*). Получается, что два остальных элемента (*short* и *service*) опускаются, определяя элемент *M* наиболее значимым в аббревиатуре *SMS*.

Не противореча принципу произвольности знака, Ф. де Соссюр выделяет абсолютную произвольность (немотивированность) и относительную произвольность (мотивированность) знака. Относительная мотивированность предполагает синтагматические отношения (анализ языковой единицы) и ассоциативные отношения (языковая единица влечёт за собой один или несколько элементов) [цит. раб.: 164]. На примере это выглядит следующим образом: само по себе слово *карта* немотивировано, а вот аббревема *SIM-карта* немотивирована относительно в меньшей степени, поскольку порождает представление о словах, являющихся её составными элементами (*SIM*, *карта*), а также о тех, которые с ней ассоциируются (например, *SIM-ка*, *симка* и т.д.).

Мотивированность знака полнее тогда, когда легче синтагматический анализ и очевиднее смысл единиц низшего уровня [цит. раб.: 164]. С такой позиции все аббревемы представляются мотивированными: аббревемы легко раскладываются на аббревиатуру и неаббревиатурный компонент (который также может быть разложен на составляющие). Например, проведя синтагматический анализ аббревемы *IP-телефония*, получаем элементы: *IP*,

телефония, телефон, -я и т.д.. Смысл выделенных элементов аббревимы если не всегда, то во многих случаях понятен. Даже если мы не знаем, что такое *IP*, благодаря остальным элементам аббревимы можно приблизиться к пониманию слова: *телефон* – звонить, окончание *-я* указывает на имя существительное и т.д. В совокупности с ассоциативными связями можно прийти к истинному значению. Согласно Ф. де Соссюру, в нашей памяти хранятся синтагмы различного рода и протяжённости. Необходимость их использования влечёт за собой активизацию ассоциативных групп с целью доступа к требуемому сочетанию. Понятие активирует целую систему, благодаря чему на основе разных противопоставлений образуется нужный знак [цит. раб.: 162]. На основании изложенного выше мы смеем говорить о презумпции мотивированности аббревим.

Наблюдения над естественным языком, которые легли в основу науки о знаках, отмечаются в работах не только Ф. де Соссюра, но и Ч. Пирса [Лингвистический энциклопедический словарь], поэтому считаем важным рассмотреть также и его знаковую теорию.

Любое слово языка, по мнению американского философа Чарльза Пирса, – это некая совокупность знаков. Ч. Пирс определяет знак как не просто элемент системы, а как триадическое отношение 1) интерпретирующей его мысли, 2) объекта, который он репрезентирует, 3) связи между ним и объектом. В широком смысле знак (репрезентамен) рассматривается как «нечто, что для кого-нибудь в определённом отношении или в силу некоторой способности представляет нечто. Он обращён к кому-то, то есть производит в сознании этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитой знак. Знак, который он производит, я называю интерпретантой первого знака. Знак представляет нечто, свой объект. Он представляет этот объект не во всех отношениях, но в отношении к некоторого рода идее» [Нёт <http>]. В более узком смысле Ч. Пирс определяет знак как репрезентамен, то есть как «воспринимаемый объект», который функционирует как знак [там же].

Объект, в свою очередь, представляет собой то, что знак «репрезентирует», а не просто предмет, противостоящий знаку. Это может быть вещь или целый класс предметов, при условии, что предмет (или класс) знаком нам из предшествующего опыта. Объект также может быть исключительно мысленным, придуманным или воображаемым конструктом, то есть «иметь природу знака или мысли». Объект, будучи представленным материально или мысленно, является объектом знака в той мере, в какой он «есть нечто, что достигает нашего сознания», потому что объект – это «то, о чём говорится или о чём мы (в данный момент) думаем» [там же]. Значит, необходимо предварительное знакомство, опыт объекта с интерпретатором и, таким образом, можно говорить, что объект – это знак, предшествующий актуальному знаку. Поэтому «знак может только репрезентировать объект и говорить о нём», и отличие знака от объекта в рамках знаковой функции состоит в том, что объект не даёт знания в полном объеме, а содержит только то знание о репрезентируемом, которое предшествует совершающемуся факту семиозиса. Получается, что объект репрезентирует нечто, отличное от того, что репрезентирует знак, даже в случае совпадения границ репрезентамена и его объекта [там же].

В отличие от Ф. де Соссюра, считавшего связь между означаемым и означающим конвенциональной, Ч. Пирс мыслил несколько иначе. Ч. Пирс привёл классификацию знаков, названную им наиболее важной и определяющую знак по отношению к его объекту: знак-икона (от греч. *eikon* – образ), знак-индекс (от лат. *index* – указатель), знак-символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета).

1. В иконическом знаке связь формы знака (означающего) и его содержания (означаемого) мотивирована их прямым сходством и подобием. Такие знаки практически не конвенциональны, поскольку отношение знака и содержания вполне очевидно любому человеку.

2. В знаках-индексах связь означающего и означаемого мотивирована их естественным пересечением: «индекс физически связан со

своим объектом, ... индекс есть знак, отсылающий к объекту, который он денотирует, находясь под реальным влиянием этого объекта» [Пирс [http](#)]. Отношения знака и содержания основаны на смежности, сопричастности к одной ситуации, то есть можно говорить о метонимической мотивированности. Форма знака-индекса не является случайной, но и не повторяет форму содержания, а связана с ней какими-либо отношениями. По мнению Г. Сонессона, индексальность может быть основана на узнавании отдельных характеристик реального объекта / явления и на «достройке» недостающих частей, не вошедших в знак. Помимо этого, Сонессон предполагает подсознательное, неосознанное стремление человека к завершению того, что не завершено в знаке [Sonesson 1993].

3. В знаках-символах нет мотивации связи означающего с означаемым. Символ связывает знак с объектом в силу «закона или регулярности» [Пирс [http](#)]. Идея этой связи «состоит в том, что она является правилом» и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности [Якобсон [http](#)]. Содержание знака-символа является договорённым и социально зафиксированным. Е.В. Шелестюк определяет символ как «знак, порождаемый установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению и, таким образом, представляющий собой единство материально выраженного означающего и абстрактного означаемого на основе конвенциональной, условной связи», а также как «графический знак формально-языкового описания» [Шелестюк 1997]. Одним из свойств символа является его образность. По словам Е.В. Шелестюк, чувственный образ первичен и представляет собой источник символа. Чувственное восприятие как отражение предметов и явлений реального мира сменяется образом-схемой (термин из когнитивной семантики). Понимание внутренней формы образа позволяет вывести его в разряд знаков и использовать как схему [там же].

В отличие от знаков-индексов и знаков-икон, быстро создающих определённый образ, интерпретация знаков-символов сложнее, однако связи

между означаемым и означающим сильнее и устойчивее. По мнению Ч. Пирса, индексы и символы в рамках категорий конкретность / абстрактность являются противоположными, поскольку индекс связан с чем-то конкретным, а символ «денотирует некоторый тип вещей, ... даёт возможность мыслить о мыслях» [Пирс [http](#)]. Р.В. Якобсон цитирует одну из работ Ч. Пирса: «Каждое слово есть символ. Каждое предложение – символ. Каждая книга – символ» [Якобсон [http](#)].

Проанализировав сказанное выше, можно полагать, что исследуемые нами аббревиатуры и аббревимы принадлежат к знакам-символам. Однако такое утверждение полностью правильным считать нельзя, поскольку, по мнению самого же Ч. Пирса, большинство знаков содержат в себе все три части: и индексальную, и иконическую, и символическую (Пирс называет такие знаки «лучшими»). Ч. Пирс также считает, что знаки-символы «вырастают» из других знаков [Пирс [http](#)].

По мнению Пирса, трудно найти «чистый» знак. Символ, например, всегда включает в себя индекс, ведь без индекса не было бы возможности понять говорящего человека [Якобсон [http](#)]. При этом отмечается, что существуют знаки, в которых тот или иной тип знака имеет большее выражение [Пирс [http](#)]. Р.В. Якобсон пишет, что Ч. Пирс в основу разделения знаков вкладывал не «наличие / отсутствие подобия или смежности между означаемым и означающим», не характер связей между ними, а преобладание какого-либо из этих факторов над другими [Якобсон [http](#)].

Иконичность аббревимы проявляется в возможности возникновения образа именуемого аббревимой предмета, способностью вызывать в памяти образ уже когда-либо увиденного. Синтагматические отношения аббревимы, а именно представленные в тесной связи друг с другом морфемы и порядок следования морфем внутри аббревимы, могут служить доказательством наличия мотивированности, и, следовательно, иконичности аббревимы (ведь

PIN-Code, а не *Code-PIN* и т.д.). Взаимодействие графического знака и языкового знака также приводит к иконизации.

Поскольку индексальность предполагает какое-то физическое сосуществование знака с объектом, возникающие при восприятии аббревимы различные ассоциации, возможные варианты поведения или действия с ней, изначально закодированные в её форме, можно отнести к признакам знака-индекса. Так, при восприятии аббревимы *GPS-навигатор* сразу же возникает множество коррелирующих слов: путь, дорога, прибор, машина, ехать и т.д.

Таким образом, аббревимы считаем знаками-символами, содержащими в себе характеристики иконических и индексальных знаков (рис 6.).

Рис. 6. Аббревема как знак (по Ч. Пирсу)

Рассуждения приводят нас к выводу, что за каждым знаком стоит определённый объект (репрезентамен), который может быть выражен другим словом, картинкой, внутренним представлением, ситуацией и всегда связан с предшествующими переживаниями, знаниями и опытом. Процесс интерпретации знака представляет собой следствие идеи, чувства или знания, произведённого знаком, действием или реакцией [Nöth 2014: 447]. Каждый знак порождает интерпретанту, которая репрезентует следующий знак. Такая «цепная реакция» может быть бесконечной, процесс семиозиса (Ч. Пирс

определяет его как процесс, в течение которого знак оказывает когнитивное воздействие на интерпретатора) невозможно прервать, его можно только остановить.

Интерпретация как неотъемлемое условие знаковости, по логике вещей, должна предполагать наличие человека в качестве интерпретатора, и во многих определениях Ч. Пирс это условие соблюдает, описывая интерпретанту знака в категориях человеческого сознания. Однако, помимо производящих ментальную интерпретанту знаков, Ч. Пирс определяет и такие знаки, которые не имеют связи с сознанием человека [Нёт <http>].

Согласно А.А. Леонтьеву, «психолингвистический анализ семантики определяет интерес к «пересечению» явлений внутренне языковых и внешних по отношению к языку, а следовательно – к носителю значения, к человеку» [Леонтьев А.А. 1983: 3]. Как утверждает исследователь, изначально существует лишь тело знака, которое только при наличии интерпретатора и в процессе интерпретации может стать элементом знака в случае, когда в процессе понимания знакового сообщения интерпретатор перенесёт на тело знака свои знания социального опыта, связываемые с этим материальным носителем [цит. раб.: 30]. Это побуждает обратиться к слову как достоянию индивида с учётом специфики ментального лексикона.

2.2. Значение слова в ментальном лексиконе

Роберт Солсо, американский философ-когнитивист, утверждает, что любое наше ощущение – это часть сложного паттерна, который образуют сенсорные стимулы. То, что мы видим, слышим, чувствуем на вкус и обоняем, всегда является лишь фрагментом чего-то более глобального. В своей работе по когнитивной психологии Р.Л. Солсо приводит в качестве эпиграфа к одной из глав высказывание А. Эйнштейна: «Вы – это то, что вы знаете», тут же поясняя, что наши знания в виде информации существуют как понятия и отношения, которые они отражают, и благодаря этому формы и структуры знания обретают значения [Солсо 2006: 297]. Автор предлагает

задуматься над тем, насколько легко и непринуждённо ежедневно каждый из нас выполняет действия, которые на самом деле невероятно сложны с точки зрения их психического устройства: «Чтение – это сложное волевое усилие, при котором от читающего требуется построить осмысленный образ из набора линий и кривых, которые сами по себе не имеют смысла. Организуя эти стимулы так, чтобы получились буквы и слова, читающий может затем извлечь из своей памяти значение. Весь этот процесс, выполняемый ежедневно миллиардами людей, занимает долю секунды, и он просто поразителен, если учесть, сколько в нём участвует нейроанатомических и когнитивных систем» [цит. раб.: 42]. Говоря о нейроанатомических и когнитивных системах, Р.Л. Солсо представляет человека как индивида со всеми его рациональными составляющими. Это представляется важным, поскольку дальше мы не будем сводить всё только к умственной деятельности и познавательным процессам.

По мнению А.А. Залевской, значение слова следует искать в продуктах индивидуального опыта, то есть в знаниях и переживаниях, лежащих за словом [Залевская 2011: 56]. Таким образом, важен не сам знак, не само слово, а то, что за этим стоит. Именно опыт и знания индивида помогают интерпретировать знак (слово). Получается, не так важно, какой объект именуется аббревема сама по себе, важно то, в каких синтагматических и парадигматических связях она состоит в сознании индивида, поскольку опыт и знания – основа данных отношений.

Значение в таком психолингвистическом ключе трактуется как процесс соотнесения словоформы слова с единицами индивидуального лексикона (это понятие будет рассмотрено ниже) [Залевская 1982: 32]. А.Н. Леонтьев определяет значение как «ставшее достоянием моего сознания ... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, значения или даже в форме умения как обобщённого “образа действия”, формы поведения и т.п.» [Леонтьев А.Н. 1972: 290].

По словам А.А. Леонтьева, понятие значения связано с одной из наиболее всеобщих форм деятельности, лежащих в основе превращения опыта в знание, интерпретации предметного мира человеком [Леонтьев А.А. 1983: 6]. А.А. Леонтьев полагает, что значение необходимо, чтобы действовать с предметом, и либо его вещные свойства, отображаемые в образе предмета, как бы подчиняют себе значение; либо мы подбираем под значение какой-то условный предметный образ, не имеющий непосредственной отнесённости к конкретному предмету [цит. раб.: 7].

Значение, по мнению исследователей, ведёт «двойную жизнь». Двойственность значения увязывается с жизнью в двух направлениях: 1) в системе общественного сознания и 2) в системе личности и деятельности субъекта [Леонтьев А.Н. 1977: 147]. Системы двух ипостасей значения находятся во взаимосвязи: движение значения в одной системе всегда зависит от другой и ограничено ею.

Принятое в обществе значение, то есть коллективное знание, является посредником для выхода на индивидуальное знание (ИЗ) – то, что лежит за словом у индивида, то есть его перцептивно-когнитивно-аффективный «образ мира» (а не только рациональные составляющие как у Р.Л. Солсо). Коллективное знание представлено двумя видами: КЗ1 (совокупное коллективное знание / переживание как достояние лингвокультурной общности) и КЗ2 («зарегистрированная в продуктах деятельности часть коллективного знания»). Все три вида знания (ИЗ, КЗ1, КЗ2) находятся в постоянной взаимосвязи. В процессе восприятия речи слово опознаётся как словоформа и как значимая единица языка, что возможно благодаря соотнесению значения слова с индивидуальным образом мира. Регистрируемые в словарях знания становятся средством, позволяющим открыть психологическую структуру значения [Залевская 1992].

С середины XX века психолингвистика активно вносит свой важный вклад в исследования значения слова, занимаясь, например, проблемами устройства и функционирования внутреннего лексикона человека.

Основными вопросами, интересующими психолингвистов, являются хранение значимых языковых единиц (какие из них хранятся и как?) в ментальном лексиконе, а также доступ к ним.

Понятие внутреннего лексикона, по предположениям М.Д. Васильевой вытекает из термина «ментальный словарь», который предложен Э. Трейсмана в 1961 году, и обозначается как хранилище слов и их значений в памяти человека [Васильева 2014: 31].

Исследователи по-разному представляют организацию ментального лексикона. Модели семантических признаков опираются на идею о том, что слово – это набор семантических признаков, среди которых выделяются более важные и характерные. Модели распространяющейся активации указывают на сетевые отношения между словами, но не признают строгой иерархичной организации всего лексикона [Залевская 1999: 141].

Ю.Н. Караулов называет ментальный лексикон ассоциативно-вербальной сетью и определяет его как определённый словарь связанных между собой языковых единиц, которые известны носителю языка [Караулов 1993: 5].

Н.О. Золотова говорит о внутреннем лексиконе как «словаре в голове» индивида, функционирование которого зависит от психического развития человека как носителя языка и культуры [Золотова 2005: 3].

Р.М. Фрумкина на основе своих наблюдений предполагает иерархичную организацию речевых механизмов человека. По её утверждениям, слова выстраиваются в иерархию благодаря наличию у каждого из них собственного «индекса частоты». «Индекс частоты» зависит от встречаемости данного слова в речевой деятельности индивида: чем чаще слово употребляется, тем выше в иерархической цепочке оно находится. Автор также полагает, что для носителей языка будет наблюдаться сходство данных иерархических организаций [Фрумкина 1971: 7].

Е.С. Кубрякова называет ментальный лексикон системой, которая в языковой способности отражает знания о словах и соответствующих им

единицах и выполняет определённые функции со словами и структурами репрезентации энциклопедических знаний [Кубрякова и др. 1997: 97]. Однако, как отмечает, А.А. Залевская, данное толкование является слишком общим и может пониматься по-разному. Всё зависит от того, на какой вопрос, связанный с проблемами лексикона, требуется дать ответ: что такое «знание о словах», какова структура лексикона, как осуществляется поиск значения и т.д. [Залевская 1999: 142].

В рамках изучения организации ментального лексикона А.А. Залевской разработаны концепция внутреннего лексикона человека и психолингвистическая теория слова как достояния индивида [Залевская 1977, 1990, 1992, 1999, 2011]. Одна из основных идей заключается в том, что новое слово не просто загружается в память, закрепляется в ней и извлекается по мере надобности, а оно должно быть пропущено через себя, через своё видение мира, чтобы приобрести индивидуальную окраску в виде эмоций и переживаний. Таким образом, ментальный лексикон рассматривается как единая информационная база (индивидуальное знание), как динамическая функциональная самоорганизующаяся система, а не просто место хранения сведений о языке. Индивидуальное знание – это единство продуктов переработки опыта человека (коммуникативного, перцептивного, когнитивного и аффективного), накопление всего познаваемого человеком как представителем вида и членом социума, всего постигаемого и переживаемого индивидом при постоянной взаимосвязи оценочно-когнитивных процессов. Каждое новое слово при включении в лексикон ведёт к перестройке его системы [Залевская 2011: 24].

Ключевым моментом в понимании специфики ментального лексикона является представление о голографическом принципе «высвечивания» того, что связано со словом в ментальном лексиконе. Весь лексикон образует систему многоярусных полей, которые имеют между собой множество связей. Информация о предметах и явлениях окружающего мира индивида, об их свойствах и отношениях упорядочивается и хранится при помощи

данных полей. При этом слово, являясь единицей внутреннего лексикона, как лазерный луч при считывании голограммы, открывает доступ к определённым объекту, действию, ситуации многомерной индивидуальной картины мира индивида со всем множеством связей, полноту которых обеспечивают опоры (в разной степени осознаваемые) на знания и переживания [цит. раб.: 25].

Любое слово в ментальном лексиконе – это живое знание, его нельзя просто передать, оно должно быть выработано самостоятельно, понято для себя [Залевская 2007: 36]. Как говорит В.П. Зинченко, живое знание – это знание человека о мире, о самом себе, т.е. о живом, и оно всегда является целостным [Зинченко 1998: 25, 28].

По утверждению Н.О. Золотовой, доступ к живому знанию осуществляется через ядро внутреннего лексикона. Ментальный лексикон представляет собой ассоциативную сеть, сплетённую из множества связей и имеющую центральную часть в виде ядра. По мере удалённости от центра связи редуют, то есть единицы ядра ментального лексикона имеют наибольшую ассоциативную силу. Ядро ментального лексикона играет роль функциональной основы, естественного метаязыка, благодаря чему происходит развитие человека (психическое и языковое) и его направленная деятельность в мире [Золотова 2005: 4]. Единицы ядра участвуют в процессах идентификации слов, играя роль опор, и в итоге выводят человека на образ мира, в рамках которого происходит понимание [цит. раб.: 23].

2.3. Процесс идентификации слова с позиций психолингвистики

Само понятие «идентификация» берёт своё начало в средневековом латинском языке: *identico* – ‘отождествляю’. Самым простым и общим является толкование данного термина как ‘отождествление, приравнивание, уподобление’ [Словарь иностранных слов]. С течением времени многие науки (химия, математика, криминалистика, социология) начали использовать понятие идентификации применительно к

своей отрасли знаний. В психолингвистике и психологии идентификация трактуется как процесс распознавания некоторого стимула (например, визуального). Предполагается, что только полная идентификация стимула открывает доступ к значению слова.

В последние годы акцентируется роль субъекта в познавательной деятельности, язык трактуется как достояние человека, включённого в естественную и социальную среду и переживающего процесс познания и продукты данного познания при непрерывном взаимодействии трёх аспектов функционирования индивида как целостности: перцептивного, когнитивного и аффективного. Разработанная А.А. Залевской психолингвистическая теория слова как достояния индивида, а также как средства доступа к единой информационной базе человека расширила и углубила имеющееся на тот момент определение процесса идентификации. Идентификация слова стала рассматриваться как единство психических процессов, результатом которых становится субъективное знание (понимание) и готовность этим знанием оперировать. «Свершившийся акт идентификации слова как такового по своему существу представляет собой не столько актуальное осознание индивидом всего того, что принято описывать как лексическое значение слова, сколько субъективное переживание готовности оперировать более широкой совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, увязываемого со словом в единой информационной базе человека, в его информационном тезаурусе» [Залевская 1992: 92]. Согласно спиралевидной модели идентификации слова, предложенной А.А. Залевской, слово обеспечивает выход за пределы поступаемой во время коммуникации информации и является точкой пересечения множественных связей всего предыдущего опыта человека, принимая во внимание как энциклопедические, так и языковые знания, а также связанные с ними переживания [Залевская 2011: 27]

Поиск значения отдельного, изолированного слова всегда подразумевает выход на результаты когнитивно-перцептивно-аффективного

опыта индивида. Становится очевидным, что любое слово, даже предъявленное вне контекста, относит индивида к некоторой ситуации, взятой из его картины мира. Знание данной ситуации и имеющийся социальный и культурный опыт помогают строить догадки о значении слова. Функциональные ориентиры, разнообразные опоры актуализируют представления и позволяют выйти на образ мира индивида. Таким образом, идентификация представляется процессом именованя «для себя», а стратегии и опоры позволяют перейти от формы слова через его значение к тому, что лежит за словом в предшествующем опыте, совершая тем самым, как пишет А.А. Залевская, «итоговый “перевод” ... на “язык” интеллекта при взаимодействии разума с телом индивида и с его личностными эмоционально-оценочными переживаниями» [Залевская 2011: 55].

В процессе идентификации можно условно выделить несколько этапов: 1) доступ к слову; 2) узнавание слова; 3) идентификация слова [Залевская 1999: 174].

Доступ к слову (*lexical access*) и узнавание слова (*word recognition*) нередко считают синонимами, однако А. Гарнхэм рекомендует их разделять. Доступ к слову – это извлечение слова из внутреннего лексикона, то есть его обозначение как кандидата на опознание. Узнавание слова (или опознание) – результат процесса опознавания, оно происходит тогда, когда остаётся единственный кандидат [Garnham 1985: 43].

Ю. Фрауэнфельдер и Л. Тайлер также выделяют три этапа опознавания любого произнесённого слова: 1) *доступ к слову* отражает, каким образом входные данные взаимодействуют и активируют лексические представления; 2) этап *выбора* описывает то, как совокупность активированных лексических вариантов оценивается с точки зрения сенсорной информации; 3) на этапе *интеграции* кандидаты оцениваются в языковых и неязыковых контекстах с целью определить наиболее подходящего из них и расширить языковые структуры [Gernsbacher 2006: 251]. Ранние модели идентификации рассматривают эти этапы как дискретные, однако более поздние модели

допускают непрерывность поступления и оценки входных данных, таким образом размывая границы между этапами доступа, выбора и интеграции [цит. раб.: 252].

Одним из вопросов, обсуждаемых в рамках процесса опознавания слова, является варьирование функционирования когнитивной и перцептивной систем, которые представляют собой процессы, условно названные «сверху-вниз» (top-down process) и «снизу-вверх» (bottom-up process). «Нижний» уровень представляет собой перцептивные реакции на поступающий сигнал, а «верхний» уровень интегрирует информацию перцептивного уровня, т.е. фонологическую, лексическую, семантическую и синтаксическую. «Верхний» уровень помогает восстановить недостающие звенья, необходимые для перцептивной переработки. Большинство исследователей приходят к выводу, что данные процессы протекают совместно, всегда находясь во взаимодействии [Залевская 1999: 175].

В зависимости от способов переработки воспринимаемой информации, перечисленных выше, имеют место различные теоретические проблемы в рамках моделирования процессов опознавания слов, производства и понимания речи.

2.4. Модели процессов опознавания слова

В ежедневной деятельности хорошо владеющий языком человек без труда узнаёт огромное количество слов. Сколько по времени занимает этот процесс, мы обычно даже не задумываемся, поскольку он представляется мгновенным и естественным. Однако стоит встретить слово, которое до сих пор было незнакомо или непонятно, становится очевидным, что процесс опознавания не так прост, как кажется на первый взгляд. Результаты каких внутренних процессов индивида позволяют переживать то или иное слово как знакомое и понятное?

Существует немалое количество моделей, которые отображают различного рода гипотезы относительно данных процессов.

Общепризнанным для всех моделей остаётся тот факт, что исходный сигнал должен путём переработки его физических характеристик через их ментальные репрезентации в памяти воспринимающего человека выйти на значение слова [Залевская 1999: 176]. То есть процесс представляется не одномоментным, а состоящим из нескольких этапов, взаимодействие которых обеспечивает узнавания слов; различия между моделями связаны с особенностями трактовки единиц и процессов их переработки, используемых на каждом этапе, а также связей между этапами.

Классическое деление моделей подразумевает разделение на две группы: модели прямого доступа, предполагающие параллельную обработку слов (например, модель логогенов Дж. Мортон) и модели поиска слова, подразумевающие последовательную переработку (например, модель лексического поиска К. Форстера). Типология моделей, составленная нами на основе анализа литературы [Caramazza 1997: 178], учитывает расхождения в трактовке этапов исследуемого процесса, способов представления смысла, способа активации и учёта морфологического состава слова (см. рис. 7).

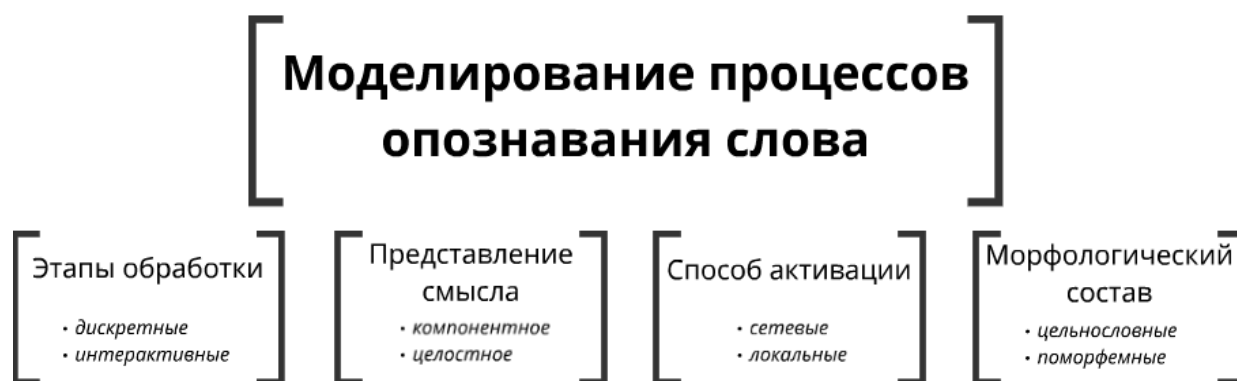

Рис. 7. Моделирование процессов опознавания слова

Рассмотрим модели, которые, как правило, описывают обработку одноморфемных слов, а затем остановимся на моделях, предполагающих работу с полиморфемными словами.

2.4.1. Модели хранения и опознавания одноморфемных слов

Модель лексического (автономного) поиска (lexical search model) была разработана К. Форстером в 1976 году [Forster 1976]. В основе модели лежит предположение о том, что для каждого слова в памяти имеется основной файл ментального лексикона и несколько файлов-репрезентаций (графический, фонологический и грамматический), обеспечивающих доступ к нему и организованных по частотности единиц. Под репрезентацией значения здесь и далее мы понимаем функционирующие у индивида средства замещения того, что вербально описывается как лексическое значение [Залевская 1999: 97]. Поиск осуществляется в том или ином файле в зависимости от входной информации. Например, когда человек видит слово, первоначально будет извлекаться информация о его написании, далее последует сравнение репрезентаций файла с графическим обликом слова. Распознавание слова рассматривается как самозаканчивающийся поиск, который прекращается быстрее для более частотных слов, поскольку для них раньше достигается соответствие между стимулом и словоформой [Gernsbacher 2006: 264]. Каждое слово имеет репрезентацию доступа и репрезентацию хранения, поэтому в файле с единицами доступа могут храниться только частичные репрезентации. То есть, начального элемента слова вполне достаточно.

Такое предположение совпадает с *когортной моделью* восприятия слова на слух В.Д. Марслена-Вильсона [Marslen-Wilson 1989, 2008, [http](http://)], в которой особое внимание уделяется началу слова, т.е. информация обрабатывается сверху вниз, а элементы лексикона упорядочены по начальным элементам. Автор модели и его коллеги определили, что как только слышится стимул, акустический сигнал активирует множество лексических вариантов, ограниченных начальной когортой элементов слова, которые совпадают с фонемной репрезентацией начала слова-стимула. Таким

образом, слово может быть распознано даже по первым звукам [Gernsbacher 2006: 256].

При зрительном восприятии доступ к ментальному лексикону должен осуществляться быстро, чтобы успевать отслеживать сообщение. М. Тафт и К. Форстер полагают, что корень и первый слог слова выступают в качестве частичных репрезентаций [Taft, Forster 1976]. Однако позже М. Тафт выделяет *базовую орфографическую слоговую структуру* (БОСС) – группу идущих подряд букв слова, начиная с первой буквы корня и заканчивая кластером согласных, следующих за первой гласной корня. Получающаяся единица должна быть легко читаемой, но может не иметь значения [Taft 1979].

Модель активации по близости или окрестностная модель Д.Б. Пизони и П.А. Льюса (Neighborhood Activation Model) [Luce 2005] отличается от когортной модели способом прогнозирования активации слов, которые отражают их глобальное сходство со стимулом. Речевой сигнал активировывает многообразие «соседей», т.е. слов, близких по звучанию со стимулом и отличающихся от него не более чем одной фонемой. Активированные словоформы конкурируют друг с другом, причём чаще встречающиеся словоформы распознаются быстрее и увереннее, чем низкочастотные; но слова, имеющие большое количество «соседей», распознаются медленнее [Gernsbacher 2006: 256].

Идея параллельной обработки заложена в *модели распространяющейся (взаимной) активации* (the TRACE model) [McClelland & Elman 1986]. Данная модель выступает промежуточной между когортной и окрестностной моделями. Сигнал активировывает как слова, совпадающие по начальным звукам, так и рифмующиеся слова. Слова, активированные в начале проговаривания стимула, имеют больше преимуществ, чем те, которые были активированы позже, поскольку большая часть слова уже была услышана, и механизмы отбора работают более эффективно в пользу наиболее соответствующего кандидата [Gernsbacher 2006: 257].

Модель логогенов Дж. Мортон [Morton 1969] представляет собой двойную систему: логогенную (соответствует уровню доступа к слову) и когнитивную (соответствует уровню хранения всей лексической информации). Логогенная система состоит из так называемых логогенов (наборов признаков слова), которые активируются в ответ на стимул. При совпадении хранящейся в логогене информации с частью стимула происходит расширение уровня активации языковой единицы. Каждый логоген имеет свой порог активации, который равен тому объёму активации, который необходим, чтобы слово было узнано. Полное совпадение входной информации и информации логогена влечёт за собой активацию для доступа к когнитивной системе. Стоит заметить, что процесс активации вовлекает все имеющиеся логогены [Васильева 2014: 32].

Модель интерактивной активации Дж. Макклеланда и Д. Румельхарта [McClelland, Rumelhart 1981] является представителем сетевых моделей. Лексические связи образуются за счёт частого появления идущих вместе языковых структур. Чем чаще языковые единицы употребляются вместе, тем сильнее связи между ними. Идея данной модели интерактивной активации состоит в трёхуровневом представлении репрезентаций: уровень отдельных элементов (элементов буквы, например) уровень букв, уровень слов. Входная информация проходит через все три уровня, и данные каждого уровня доступны двум другим, за счёт чего эффективность обработки букв возрастает. Данная модель в значительной степени рассчитана на распознавание букв.

Каскадная модель двойного доступа (DRC) М. Колхерта и его соавторов [Coltheart et al.'s 2001] помимо прямого пути опознавания слова через входной орфографический лексикон с выходным фонологическим представляет второй маршрут, состоящий из своеобразного треугольника: орфография, семантика и фонология. Получается, что при активации, например, орфографической репрезентации может активироваться или сдерживаться фонологическая репрезентация, и наоборот. Лексический

маршрут является прямым продолжением модели интерактивной активации, отличаясь тем, что имеются отдельные орфографические и фонологические лексиконы [Gernsbacher 2006: 296].

Модель параллельно распределённой обработки (PDP) Дж. Макклеланда и М. Зайденберга [Seidenberg & McClelland 1989] относится ко второму поколению моделей интерактивной активации. Архитектура модели включает в себя набор из трёх блоков. Входной блок кодирует орфографию стимула и при этом подключён к скрытому блоку, который, по определению авторов, имеет входы и выходы только в рамках моделируемой системы. Скрытый блок связан с выходным фонологическим, влекущим за собой произношение. Связи между блоками позволяют усиливать или ослаблять ассоциации, на которые, в свою очередь, влияет интенсивность связей. Именно интенсивность позволяет воспроизводить элементы знания с помощью активации лишь некоторых элементов, которые активируют связи и ведут к полной активации. Можно сказать, что данная модель представляет знание как динамическую систему, тем самым подтверждая роль имплицитной составляющей знания. В дальнейшем на основе PDP-модели разрабатываются другие [Gernsbacher 2006: 299].

2.4.2. Модели хранения и опознавания полиморфемных слов

Благодаря модели параллельно распределённой обработки новые теоретические основания получают исследования морфологической декомпозиции. Одной из главных причин, почему эта тема так привлекает внимание, является отсутствие морфемных репрезентаций в PDP-моделях (см. выше). Предполагается, что морфемные эффекты появляются как результат взаимодействия орфографических, семантических и фонологических эффектов [Gernsbacher 2006: 310]. Интересно отметить, что работа К. Раствл с коллегами [Rastle, Davis, New 2004] содержит данные, доказывающие независимость морфологических репрезентаций от семантики. В этом исследовании по методике морфологического прайминга

(когда однокоренное слово или другая форма той же лексемы предъявляется до целевого объекта, что даёт возможность оценить насколько сильно взаимосвязаны однокоренные слова и формы одной лексемы [Васильева 2014: 39]) скрытые праймы (предшествующий стимульный материал), имеющие только морфологические связи (например, *corner – corn*) приводили к успешному результату в такой же степени, как и праймы, включающие в себя и семантические, и морфологические связи (например, *cleaner – clean*), в то время как контрольное условие не производило прайминг (например, *brothel – broth*). Таким образом, из работы следует, что декомпозиция – это нечто независимое от семантической информации, получаемой от основы слова. Однако, учитывая противоположные результаты других исследований, необходима дальнейшая работа по данной теме.

Основными вопросами, на которые стремится ответить исследователь полиморфемных слов, являются следующие: происходит ли их хранение цельнословно, поморфемно или каким-то другим образом; как осуществляется доступ: производится ли анализ морфем и, если производится, то когда: вслед за графемно-фонологическим анализом или одновременно с ним?

Рассмотрим модели хранения и опознавания сложных слов, которые в той или иной степени дают ответы на заданные вопросы.

1. Цельнословное хранение

Предположение о цельнословном хранении полиморфемных слов выдвинул Б. Батеуорт [Butterworth 1983]. Гипотеза независимых входов является частным случаем данного подхода с предположением, что полиморфемное слово (как и одноморфемное) имеет независимый лексический вход, однако, возможность доступа зависит от частотности той или иной словоформы [Manelis, Tharp 1977].

В основе постулирования ещё одного способа хранения полиморфемных слов лежит идея образования связей между формами слова

или однокоренными словами, которая реализуется на уровне отдельных словоформ и фонем (графем). В рамках первого варианта разрабатывалась гипотеза сателлитного устройства ментального лексикона [Lukatela et al. http], предполагающая хранение словоформ в виде кластера, несмотря на то, что каждая из них имеет свой вход. Центр кластера представлен номинативной формой в единственном числе, которая играет роль ядра репрезентаций и накапливает всю частотную информацию, при этом косвенные падежи располагаются вокруг центра-ядра, являясь своеобразными спутниками. Второй вариант объяснения особенностей образования связей был разработан американским лингвистом Дж. Байби [Байби Дж. и др. http, Bybee 1985, http], согласно которому словоформы связаны между собой блоками уже имеющихся лексических отношений совпадения и сходства семантических и фонологических признаков. Такое представление позволяет чётко проследить морфемную структуру слова, не деля его при этом на морфемы.

2. Поморфемное хранение

В отличие от предыдущего подхода к хранению полиморфемных слов, данный способ предполагает хранение не всего набора возможных производных корня, а лишь морфем. Однако возникает вопрос: хранится ли каждая морфема отдельно или же имеются какие-то связи между теми морфемами, которые могут быть употреблены в рамках одного слова?

Гипотеза бессвязного хранения морфем была предложена Д. Маккеем [MacKay http]. Правильное объединение морфем в одном слове обеспечивается правилами ментальной грамматики. Недостаток такого способа хранения М. Васильева видит в перегружении ментальной грамматики теми правилами, которые обеспечивали бы верное объединение морфем в рамках словоформы, а также выявление значения слова из значений корня и присоединяющихся аффиксов [Васильева 2014].

Авторы *модели отделения аффикса* [Taft, Forster 1975] утверждают, что в процессе чтения полиморфемных слов до лексического доступа

осуществляется разложение слова на составляющие его морфемы. Например, если субъекту представить слово *characteristic*, то он произведёт декомпозицию и, выделив корень *character*, начнёт поиск среди всех однокоренных слов ментального лексикона. Было проведено несколько исследований, которые поддерживали идею наличия морфемного уровня при анализе визуально распознаваемого слова. Это может служить доказательством важной роли корня в процессе опознавания [Gernsbacher 2006: 310]. Также данная модель помогла решить проблему предыдущего варианта хранения, а именно опознавания псевдоаффиксальных слов, которыми являются те слова, начало которых совпадает с имеющимся в языке аффиксом (например, *receive* «получать», где *re-* является элементом корня, и *rewrite* «переписывать», где *re-* – приставкой повторения действия) [Васильева 2014].

Модель Дж. Стембергера [Stemberger 1985] предполагает, что для полиморфемных слов характерно наличие внутренней структуры. Морфемы слов представляют своего рода правила, состоящие из двух частей. Первая часть содержит условия извлечения информации, а вторая – собственно информацию. Информация сообщает о семантических, синтаксических, фонетических, морфологических и других признаках. Каждый из признаков связан со словом, которое могло участвовать в кодировании какого-либо понятия, имеющего данный признак. В процессе опознавания слова наличие данного признака активирует все слова с таким признаком. Если происходит совпадение всех требуемых словом признаков, то, благодаря правилу, нужное слово извлекается. Извлечение слова может протекать по прямому и / или непрямому пути. Прямой путь (или основное правило) предполагает извлечение слов и единиц более высокого уровня, которые достигли автоматизации. Непрямой путь (малое правило) применяется для извлечения единицы более низкого уровня.

В ряде экспериментов Д. Крепалди и коллеги доказали выполнение морфемной декомпозиции. Предположение заключалось в том, что при

перестановке корня в сложном слове (например, *honeymoon* → *moonhoney*) временные затраты на опознание возрастают по сравнению со скоростью опознания сложных псевдослов (у авторов это *moonbasin*) [Crepaldi [http](#)].

Эксперименты П. Домеса совместно с коллегами также приводят к заключениям о поморфемном хранении. В исследовании роли семантического сходства в морфологическом прайминге для непроизводного слова (например, *bird*, *butter*) предъявлялись слова с семантической прозрачностью (например, *hummingbird*, *jailbird*, *butterfly*, *butter dish*) и семантически некомпозиционные (например, *trombone*), и результаты реакций были одинаковы. Это свидетельствует о том, что полиморфемные слова в производстве речи кодируются на уровне формы представлений, независимо от семантической прозрачности [Dohmes [http](#)].

3. Смешанные (кластерные) модели

Смешанные модели объединяют в себе идеи поморфемного и цельнословного хранения, подразумевая хранение корня совместно с его дериватами. В качестве примера таких моделей можно привести *кластерную модель Р. Станнера* [Stanners et al. 1979]. Данная модель предполагает цельнословное хранение приставочных дериватов английского языка, доступ к которым осуществляется после анализа морфем. Исследования французского языка привели учёных во главе с П. Коле [Colé et al. [http](#)] к *смешанной модели*, в которой обработка слова происходит в линейном порядке слева направо, при этом суффиксальные слова требуют декомпозиции морфем для доступа к ментальному лексикону, приставочные же слова опознаются без морфемного деления.

4. Двухуровневые модели

В моделях такого типа информация о строении морфологически сложных слов обрабатывается параллельно на двух уровнях, связанных между собой. Выделяется уровень морфем и уровень слов. В качестве отличий моделей друг от друга можно назвать то, каким образом

организуется доступ к ментальному лексикону, то есть за счёт целого слова и/или морфем.

В своей *гипотезе Ли Вурм* предполагает, что морфологически сложные слова одновременно анализируются по двум отдельным маршрутам: 1) непрерывному маршруту, который обрабатывает целые слова, 2) декомпозиционному (морфемому) маршруту, который анализирует слова в составных морфемах [Wurm [http](#)].

В *модели двойного доступа А. Карамазза* [Caramazza et al. [http](#)] знакомые слова опознаются целиком, а для незнакомых слов необходима морфемная переработка.

Модель морфологических скачек Фрауэнфельдера [Frauenfelder 1992] предполагает два параллельных процесса переработки: 1) на основе графической и/или фонологической информации строится словоформа и осуществляется поиск значения; 2) построение морфемы из букв и/или звуков и поиск значения всего слова путём объединения значений морфем. В своеобразной «гонке» двух процессов-конкурентов победа остаётся за тем, на который будет затрачено меньшее количество времени.

В *модели Д. Сандра* высказывается предположение о том, что формирование определённых структур в памяти основано на корневых морфемах. Причём это происходит независимо от того, осуществляется морфологический анализ или нет [Sandra 1994].

Двухуровневые модели с одним типом доступа

Как отмечает М.Д. Васильева, модели данного типа выступили в качестве попытки внедрения морфемного уровня в модель интерактивной активации [Васильева 2014]. В зависимости от места расположения данного уровня выделяются сублексические и супралексические модели. *Сублексические модели* подразумевают морфемную переработку, за которой следует объединение этих же морфем (при условии наличия связей между ними) в лексическую единицу, имеющую значение на уровне семантики. Данная модель выглядит достаточно успешной при обработке слов с

незнакомыми лексическими единицами в составе, поскольку каждая из морфем имеет свои значения на семантическом уровне. В случае ошибочного деления на морфемы псевдоаффиксальных слов активируются представления всех полученных при анализе морфем, а также целого слова. М. Васильева приводит следующий пример: при анализе слова *corner* «угол» будут активироваться такие единицы, как *corner*, *corn*, *-er* [там же]. *Супралексические модели* предполагают целнословный доступ. Только после процесса опознавания можно получить информацию о структуре слова. Несомненным плюсом является то, что данная модель больше учитывает частотность целого слова (а не морфем). Недостатком модели является сложность обработки новых слов [там же].

5. Модели с леммами

Авторы данных моделей придерживаются мнения о том, что структура ментального лексикона должна иметь в своём составе уровни, хранящие абстрактные единицы. Первым предположение об обработке на уровне лемм выдвинул А. Рулофс, затем оно было принято и развито другими учёными. Например, *модель В. Левелта* [Levelt http] предполагает наличие трёх уровней репрезентации: уровень морфофонологического представления слова (то есть лексем), синтаксический уровень (леммы) и концептуальный уровень (содержит семантические данные о леммах). Концептуальный уровень представляет лексические понятия как унитарные узлы в концептуальной сети. Смысл слова задаётся набором маркированных связей между узлом концепта и другими узлами в сети. Узел каждого лексического понятия соединён с узлом леммы. Узлы леммы – это модально независимые блоки, которые подключены к набору синтаксических узлов, определяющих такие свойства, как грамматический класс (существительное, глагол и т.д.), пол и т.д. Каждый узел леммы соединён с узлом лексемы, который через свои связи с сегментными узлами указывает фонологическую/орфографическую форму слова. Данная модель была позже опровергнута А. Кармаззой, который полагал, что лексико-семантические, синтаксические и модально-

конкретные формы репрезентации хранятся независимо друг от друга [Caramazza 1997: 203].

Гипотеза М. Тафта и М. Нгуен Хоан [Taft, Nguyen-Hoan 2010] предполагает наличие дополнительного уровня лемм между фонологическим / графическим (хранит репрезентации звуков / графем и формируемые ими морфемы) и семантико-грамматическим (хранит сочетания признаков) уровнями. Каждая морфема имеет связь с определённой леммой, а леммы морфем – с леммами тех слов, где они встречаются.

Модель Е. Смолки [Smolka et al. 2014] также состоит из трёх уровней, а именно: 1) уровень словоформ (хранит морфемы); 2) лексический (хранит абстрактные представления морфем); 3) уровень концептов (хранит значения морфем и основ).

6. Гибридные модели

Авторы моделей данного типа выделяют дополнительный промежуточный уровень. Например, в *гибридной модели К. Дипендэла* [Diependaele [http](http://)], разработанной совместно с коллегами, помимо уровней, имеющих в предыдущих моделях (морфографического, лексического и семантического) выделяется ещё один – морфосемантический. На этом уровне абстрактные представления целых слов связываются со значениями морфем, то есть морфемы не имеют прямого доступа к семантическому уровню. *Модель Э. Жиродо и М. Вога* [Giraud, Voga 2013] в отличие от модели К. Дипендэла предполагает доступ к семантическому уровню (у авторов это уровень концептов) и морфем, и целых слов. Морфологически родственные слова передаются одной базовой лексемой.

7. Стратегические модели

В рамках исследований Тверской психолингвистической школы разрабатываются *стратегические модели* идентификации слова, интегрирующие подходы параллельной и последовательной обработки сигнала. Сигналы на всех уровнях обрабатываются параллельно (а не один за другим), а результат обработки одного уровня является доступным для

других и может служить опорой для полной идентификации слова (исключая необходимость наличия фонетической и синтаксической репрезентации). Первостепенная роль отводится субъектам: говорящему и воспринимающему. «Образ мира» субъекта опирается на ранее полученный индивидом опыт, который представляет собой единство перцептивно-когнитивно-аффективного индивидуального знания. Главной особенностью (достоинством) данных стратегических моделей является то, что они позволяют объяснить, каким образом человек интегрирует новую информацию посредством своего внутреннего когнитивного контекста [Сазонова 2000а: 67].

А.А. Залевская полагает, что морфологическое знание играет важную роль в процессе лексической обработки, при которой морфема как психолингвистическая единица позволяет взаимодействовать между уровнями ментального лексикона. О наличии морфологического знания говорит возможность выделения морфологических компонентов слова. Такие компоненты могут служить опорой при идентификации слов. Исследования С.И. Тогоевой, Т.Ю. Сазоновой, Т.Г. Родионовой, И.В. Новиковой, Э.В. Саркисовой [Тогоева 1989; Сазонова 2000б, [http](#); Родионова 1994; Новикова И.В. 2011; Саркисова 2014] направлены на выявление особенностей опознавания производных и сложных слов, а также новообразований; изучение стратегических моделей идентификации слов и понимания текста. Мы также придерживаемся мнения, что когнитивные процессы переработки информации носят стратегический характер. В этом контексте весьма актуальную задачу представляет изучение стратегий и опор, используемых в процессе восприятия речи, а также механизмов распознавания слова.

2.5. Влияние частотности буквы и слова на процесс идентификации

Важные теоретические вопросы, касающиеся распознавания букв, побуждают обратиться к проблемам, исследованием которых занимался М. Кеттелл. Казалось бы, естественен тот факт, что буква должна быть

минимальной частью анализа визуально распознаваемого слова, поскольку слова состоят из букв. Но ряд экспериментальных исследований не в полной мере подтверждают эти предположения. Согласно работе И. Апельман и М. Майзнер, частотность буквы влияет на скорость выполнения заданий на соотнесение, называние и классификацию, но не влияет на точность заданий, требующих идентификации [Gernsbacher 2006: 289]. Также проведённые М. Кеттеллем исследования показывают, что на распознавание некоторых букв требуется больше времени, чем на распознавание некоторых слов. Б. Эрдман и Р. Додж установили, что на опознавание 4-5 букв может быть потрачено столько же времени, сколько на опознавание двадцатидвухбуквенного слова. Как тогда буквы могут быть основной единицей восприятия, если они воспринимаются порой хуже, чем слова? Выход видится в том, что используется информация орфографической избыточности и лексического уровня, что облегчает обработку текста, а такая информация недоступна для отдельно стоящих букв [цит. раб.: 290].

Это так называемый эффект превосходства слова (эффект Рейхела-Уилера), при котором буквы лучше воспринимаются, когда они встроены в слова. Суть эффекта состоит в том, что информация на уровне слова активируется до букв, составляющих это слово за счёт каскадной активации сверху вниз. Однако эффект превосходства слова не просто отражает эффект на уровне слова. Важность эффекта превосходства слова вытекает не только из информации, которая даётся из буквы или распознаваемого слова, но из его исторического влияния на уровень моделирования. В частности, этот эффект привёл к развитию модели интерактивной активации [McClelland 1981]. Представленная субъекту буква активирует весь набор связей, соответствующих данной букве. Ненужные связи отбрасываются, и постепенно появляется определенная информация, достаточная для активации связей на уровне слова, причём увеличение активации будет наблюдаться для наилучшего соответствия букв.

Результаты исследования визуального поиска У. Найссером [Neisser 1967] указывают на тот факт, что испытуемые быстрее находили нужную букву (например, *Z*) тогда, когда она оказывалась среди набора других, не похожих на неё букв (например, *O, J, U, D*), в сравнении с поиском в том наборе, где буквы имели общие сходства с заданной (например, *F, N, K, X*). Похожее исследование было проведено Р.М. Фрумкиной и её коллегами [Фрумкина 1971].

Также было доказано влияние частотности биграмм. Пара *EE* в английском языке встречается в большем количестве слов, чем кластер *OE*. Однако частотность биграмм не оказывает значительного влияния на опознание букв, это было установлено благодаря модели интерактивной активации Дж. Макклеланда и Д. Румелхарта [McClelland & Rumelhart 1981]. Несмотря на то, что высокочастотные кластеры букв с большей вероятностью, чем низкочастотные кластеры, активируют множество репрезентаций на уровне слова, эта активация будет компенсирована торможениями на уровне слова согласно этим активированным представлениям [Gernsbacher 2006: 290].

Модель параллельно распределённой обработки предполагает незначительное влияние соответствия между орфографией и фонологией для высокочастотных слов, в то время как для низкочастотных слов такое соответствие представляется важным. Для высокочастотных слов частотно модулированный лексический маршрут оказывается быстрее не зависимо от частотности построенного маршрута, соответственно, любая непоследовательная информация из построенного маршрута не успевает конкурировать с произношением, полученным по лексическому каналу. Например, некорректное произношение высокочастотного слова *have* (например, как [*хейв*]) не должно поступать вместе с быстрым и правильным лексическим произношением. Если лексический маршрут сдерживается представлением низкочастотного слова (например, *pint*), то построенный

маршрут имеет время вмешаться в лексический, и задержка ответа уменьшается [Gernsbacher 2006: 300].

Влияет ли частота позиции буквы в словах на её распознавание? Д. Массаро и др. [Massaro, Venezky & Taylor 1979] по результатам исследования установили, что и позиционная частота, и основанная на правилах метрика орфографических закономерностей влияет на эффективность распознавания буквы [Gernsbacher 2006: 293].

Отметим также исследования частотности целого слова. Например, классическая модель логогенов Дж. Мортон предполагает кодирование частотности за счёт порогов активации: более высокочастотные слова имеют более низкие пороги активации и наоборот [Gernsbacher 2006: 312]. Модель двойного доступа М. Колхарта [Coltheart et al.'s 2001] отражает эффект частотности через активацию паттернов в лексическом маршруте.

Слово, которое фонетически похоже на стимул и/или встречается реже других, распознается легче, чем слово, подобное многим и встречающееся часто [Luce 2005: 592–609]. Это указывает на то, что процесс опознавания зависит не только от степени соответствия сказанного слова репрезентации стимула, но и от степени репрезентации альтернативных слов. Все современные теории распознавания произносимого слова признают необходимость конкуренции, но различаются механизмами, лежащими в основе данного процесса. [Gernsbacher 2006: 265].

Частота, с которой слово появляется перед нами в печатном виде, оказывает влияние практически на все задачи опознавания слов. В этом нет ничего удивительного, поскольку каждый раз при встрече с печатным словом человеку приходится переживать определённый опыт, связанный с ним. Накопление такого опыта обеспечивает лёгкость опознания слова [цит. раб.: 312].

Постепенно фокус исследования факторов, влияющих на опознание, перемещается с частотности целого слова и его составляющих на морфологическую семью слова и модели словообразования [Васильева 2014].

Выделяются два типа частотности: поверхностная (частотность словоформы) и лексемная (частотность основы). Исследования английского, французского, немецкого и нидерландского языков указывают на то, что влияние частотности словоформы при опознании слов больше характерно для цельнословного хранения, а влияние частотности основы является свидетельством поморфемного хранения слов в ментальном лексиконе [там же].

Влияние частотности корней и аффиксов при опознании слова объясняется наличием или отсутствием репрезентаций морфем во внутреннем лексиконе и способностью к анализу морфемного состава слова. Частотность корня определяется суммой лексемных частотностей всех словообразовательных дериватов корня, которые составляют «семью» (гнездо) слова. Согласно исследованиям, размер семьи напрямую влияет на скорость опознания слова. Однако, как отмечает М.Д. Васильева, на начальных этапах обработки действует частотность словоформы, а размер семьи имеет влияние на постлексическом этапе, когда происходит активация однокоренных слов. Стоит отметить, что принадлежность стимула к семье с большим количеством высокочастотных слов также ведёт к увеличению скорости его опознания за счёт прочности связей внутри семьи [там же].

2.6. Стратегии идентификации и их разнообразие

Поскольку мы полагаем, что процесс идентификации имеет стратегическую природу, понятие стратегии играет ключевую роль в рамках изучения данного процесса. Термин «стратегия» исходит от греческого *strategos*, что значит ‘начальник армии’, а также ‘наука о расположении войск и об их движениях’ [Словарь иностранных слов]. Имеются предположения, что данный термин был заимствован в лингвистику именно из военного дела, однако А.Г. Витренко считает это неточным, полагая, что данный термин перешёл из бытовой сферы, трактуясь в более упрощённом варианте как ‘метод’. Автор находит подтверждение своим словам в английском языке:

strategy – a plan, method, or series of maneuvers or stratagems for obtaining a specific goal or result, skill in managing any affair [Витренко 2008].

В психологии понятие стратегии впервые использовал Т. Бивер в рамках исследования психических процессов, протекающих во время интерпретации предложений. Изучением стратегической природы процессов обработки информации впоследствии занимались Т.А. ван Дейк и В. Кинч [Дейк ван, Кинч [http](#)]. По их утверждениям, стратегическим процессом можно назвать любую комплексную переработку информации. Стратегические основания своей модели понимания и порождения текста авторы видят в способности гибкого использования различной информации (в том числе и неполной), которая может обрабатываться несколькими способами с целью наиболее эффективного конструирования ментальных представлений. Ван Дейк и Кинч утверждают, что понимание текста происходит последовательно от низших структур (слов) к высшим (сложные предложения), но важным аспектом при этом является взаимодействие, связь между данными структурными единицами, поскольку понимание слова в предложении зачастую зависит от функциональной структуры всего предложения, в том числе от синтаксиса и семантики. Таким образом, структурная модель понимания уступает место стратегической [там же].

На сегодняшний день нет однозначной трактовки понятия стратегия, равно как и нет единой классификации стратегий. Тем не менее, наличие различных дефиниций и разнообразие стратегий не уменьшает их роли в процессе пользования языком [Тогоева 2000: 84]. В нашем исследовании мы будем придерживаться понятия стратегии как закономерности в принятии решений в ходе познавательной деятельности человека [Залевская 1999: 318]. Как уточняет С.И. Тогоева, стратегии всегда являются вероятностными и предполагаемыми и увеличивают скорость и эффективность прогнозирования наиболее возможной структуры / значения воспринимаемых языковых знаков [Тогоева 2000: 85].

Различаются подходы и относительно того, насколько осознанно / неосознанно использование стратегий. А.А. Залевская со ссылками на других авторов пишет, что, с одной стороны, стратегия – это осознанный выбор мыслительных процессов при решении задач, а с другой стороны – неосознаваемая деятельность, постоянно имеющая место при решении разнообразных задач переработки языка, в том числе в целях овладения языком [Залевская 1999: 321].

Стратегии научения как специфические способы переработки информации, способствующие лучшему пониманию, усвоению и сохранению информации в памяти в рамках теоретической модели переработки информации разделяют на несколько типов: 1) метакогнитивные (планирование процесса научения и контроль); 2) когнитивные стратегии (связаны с отдельными задачами научения); 3) социально-аффективные стратегии (взаимодействие в процессе научения, в том числе с самим собой) [цит. раб.: 324].

По мнению М. Уильямс и Р. Бёрден, когнитивные стратегии – это ментальные процессы, цель которых состоит в переработке информации, её усвоении, хранении и извлечении из памяти [Williams & Burden 1997]. Т.Ю. Сазонова отмечает, что когнитивные стратегии, участвующие в процессе идентификации слов, как правило, являются неосознаваемыми, и именно в этом видится сложность и спорность исследований стратегической природы процесса [Сазонова 2007 <http>]. М. Уильямс и Р. Бёрден также полагают, что когнитивные стратегии неотделимы от эмоций, и аффективные составляющие могут опережать интеллект в определении использования стратегии [Williams & Burden 1997].

Б. Хаммарберг, исследуя стратегии, применяемые немцами при изучении шведского языка, выделяет две стратегии фонологической обработки иностранных слов: стратегия упрощения и стратегия опоры на знакомое [Hammarberg 1995].

К. Хааструп предлагает 3 типа ключей (опор, подсказок), используемых для получения выводного знания [Haastrup 1987]:

1) контекстуальные ключи (текст, слово из ближайшего контекста, ближайший контекст, специфическая часть контекста за пределами предложения, знания о мире);

2) внутриязыковые ключи (связаны с самим словом (то есть с его фонологией, орфографией, морфологией, семантикой) или синтаксисом предложения);

3) межъязыковые ключи (по линии родного языка связаны с фонологией, орфографией, морфологией, семантикой, устойчивой сочетаемостью или по линии другого известного языка (языков) в связи с общим впечатлением о происхождении слова).

Результаты исследований по изучению стратегий и опор, используемых индивидом при восприятии новых слов, представлены в работах [Тогоева 1989, 2000; Сазонова 2000б; Родионова 1994; Новикова И.В. 2001; Саркисова 2014]. Анализ данных работ показал, что идентификационные стратегии имеют универсальный характер, однако большее или меньшее использование какой-либо модели зависит от некоторых факторов, среди которых принадлежность к той или иной части речи. Так, для имён существительных преобладает словообразовательная стратегия [Тогоева 2000: 106], для имён прилагательных ведущими являются стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы, а также стратегия опоры на ситуацию [там же], для глаголов ключевой названа стратегия выхода на ситуацию [Тогоева 2000: 107]. При идентификации полиморфемного иноязычного слова индивид опирается на фонетический образ слова и его морфологические компоненты [Новикова И.В. 2011: 13]. Исследование незнакомого слова показало использование стратегий опоры на формальные признаки слова, на опыт и знания индивида и на контекст слова [Саркисова 2014: 13]. Все исследователи говорят об условности разделения стратегий, поскольку они переплетаются между собой, их реализация протекает в комплексе и

взаимосвязи, как параллельно, так и последовательно. По уточнениям Э.В. Саркисовой, за отсутствие противоборства между параметрами на разных уровнях отвечает метакомпонент, который выявляет главного среди параметров, обеспечивая, таким образом, баланс системы [цит. раб.: 12].

Тем не менее, как отмечает Т.Ю. Сазонова, в некоторых случаях невозможно определить главные опорные элементы, поскольку индивид опознаёт и фонетический образ слова, и словообразовательную модель, и семантический компонент, что наблюдается из полученных реакций. На основании этого можно говорить о взаимодействии различных видов знания в ментальном лексиконе в процессе идентификации, то есть об интерактивности данного процесса [Сазонова 2007 [http](http://)].

2.7. Экспериментальное исследование понимания аббревем компьютерной сферы

Идентификация слова, представленного на родном или иностранном языке, обеспечивается целым комплексом психических процессов. Языковая картина мира субъекта, энциклопедическое знание и когнитивная картина всегда действуют сообща. Доказательством этому может служить непрямой поиск знакомых частей в незнакомом слове. Функциональные ориентиры, они же опоры, направляют и руководят действиями индивида, а также отвечают за выбор тех или иных стратегий, ведущих к идентификации. С целью выявления идентификационных стратегий и опор, используемых в процессе идентификации аббревем компьютерной сферы, нами было проведено экспериментальное исследование, результаты которого рассматриваются ниже.

2.7.1. Гипотеза

Идентификация аббревиатур и аббревем компьютерной сферы происходит в результате взаимодействия различных стратегий и опор в индивидуальном сознании носителя языка. Выбор опорных элементов зависит от перцептивно-когнитивно-аффективного опыта человека.

Профессиональная деятельность и среда оказывают непосредственное влияние на процесс идентификации.

2.7.2. Состав участников

Для участия в первом эксперименте были привлечены 279 испытуемых (далее – Ии.) в возрасте от 17 до 38 лет. Чтобы проверить гипотезу о том, что профессиональная деятельность имеет значение при идентификации аббревем компьютерной сферы, было принято решение привлечь часть испытуемых из числа специалистов в этой области. В качестве Ии. были выбраны студенты: 33 Ии., обучающиеся в Вятском государственном гуманитарном университете (далее – ВятГГУ, в настоящее время – ФГБОУ ВО «ВятГУ») по профилю информатики (далее – «И»), 42 Ии., обучающихся в ВятГГУ и 204 – в Тверском государственном университете (далее – ТвГУ) по гуманитарному направлению (далее – «Г»).

Таблица 5. Сводные данные об участниках экспериментов и количестве полученных ответов

Статус Ии.	Пол	Возраст	Количество Ии.	Количество полученных ответов
1 эксперимент				
ВятГГУ (И)	М	19-22	27	405
	Ж	19-22	6	90
ВятГГУ (Г)	М	18-26	5	75
	Ж	17-20	37	555
ТвГУ (Г)	М	18-25	23	345
	Ж	17-38	181	2715
Итого			279	4185
2 эксперимент				
ВятГУ (И)	М	19-24	8	120
	Ж	19-33	16	240
ВятГУ (Г)	М	23	1	15
	Ж	19-33	23	345
Итого			48	720
Общее количество			327	4905

Через два года был проведён второй эксперимент с целью обновления результатов исследования и выявления сходства и различий результатов этих экспериментов. В данном случае были привлечены 48 студентов ФГБОУ ВО «ВятГУ», 24 из которых обучаются по техническим специальностям, 24 – по гуманитарным. Возраст Ии. составил от 19 до 33 лет. Таким образом, общее количество испытуемых составило 327 человек. В табл. 5 представлены сводные данные о группах Ии..

2.7.3. Вопросы организации экспериментального исследования

Первый эксперимент проходил за одну встречу с Ии. для каждой группы отдельно. Исследуемые аббревимы были отпечатаны в виде анкеты, где Ии. предлагалось указать пол, возраст, факультет и заполнить таблицу. Для проведения эксперимента нами была разработана таблица из 15 слов-стимулов. Слова-стимулы представляли собой знакомые и употребительные аббревимы компьютерной сферы, образованные от наиболее продуктивных аббревиатур по принципу «аббревиатура + имя существительное», причём аббревимы были как русско-, так и англоязычные: DVD-ROM, GPS-НАВИГАТОР, HTTP-ТЕХНОЛОГИЯ, IP-ТЕЛЕФОНИЯ, LCD-ПАНЕЛЬ, MP3-ФАЙЛ, PIN-CODE, SIM-КАРТА, SMS-РАССЫЛКА, USB-МОДЕМ, WEB-ТЕХНОЛОГИЯ, ГИС-СИСТЕМА, ЖК-ДИСПЛЕЙ, ИТ-КОМПАНИЯ, PDF-ФАЙЛ.

Всем Ии. необходимо было заполнить 5 столбцов таблицы, а именно: 1) опознать слово-стимул как знакомое/незнакомое (знаки «+» или «-» соответственно); 2) указать понятность / непонятность слова-стимула («+» или «-»); 3) поставить «+», если слово-стимул используется, или «-» если не используется; 4) расшифровать сокращение, входящее в состав слова-стимула; 5) записать субъективную дефиницию слова-стимула, его характеристику (где и для чего используется). По итогам данного эксперимента мы получили 4185 реакций.

При втором эксперименте Ии. требовалось заполнить электронную версию анкеты, созданную в программе Google Forms (Google Формы). Количество ответов 720. Таким образом, в результате обоих экспериментов нами получено 4905 ответов Ии.

Результаты выполнения заданий 4 (расшифровать сокращение, входящее в состав опознаваемого слова) и 5 (записать субъективную дефиницию слова опознаваемого слова) послужили материалом для исследования.

2.7.4. Анализ результатов экспериментального исследования

Входящие в анкету задания были направлены на выявление механизмов обработки и уровней идентификации аббревиатур и аббревем в индивидуальном сознании индивида. Благодаря этому, появилась возможность увидеть разнообразие опор, используемых при идентификации аббревем, выделить ряд стратегий, характерных для данного процесса.

При анализе полученных ответов мы опирались на разработанную А.А. Залевской психолингвистическую теорию слова, согласно которой слово-стимул (в нашем случае аббревема) приводит в действие всю систему знаний, имеющуюся у индивида об обозначаемом этим словом объекте, его характеристиках и связях, построение образа объекта [Залевская 1992: 92]. В процессе опознавания слова происходит опора на ситуации, актуализируется определённый контекст использования идентифицируемого слова. Это контекст может быть языковым или образным. Последний влечёт за собой цепочку уже сенсорных контекстов, построенных на различного рода ощущениях (звуковых, вкусовых и т.д.) [Тогоева 2000: 97]. Стоит ещё раз отметить, что процесс идентификации является интерактивным, то есть происходит одновременная обработка сигналов на всех уровнях, фонетическая, синтаксическая репрезентации и смысловая интерпретация действуют сообща. Именно сообща, поскольку результаты обработки одного

из уровней могут быть доступны остальным уровням и являться опорами для окончательного опознания слова.

Количественный анализ материалов эксперимента

Первичный количественный анализ показал, что на одни слова-стимулы было получено много реакций Ии., а другие – сравнительно мало. Мы связываем это с частотностью аббревиатур. Количественный анализ первых трёх столбцов таблицы нашей анкеты показал следующие результаты. По итогам первого эксперимента:

- 78% Ии. знают представленные слова-стимулы;
- 60% Ии. используют;
- 30% Ии. понимают сокращение.

Мы видим, что не все слова-стимулы знакомы Ии., поэтому можно говорить о наличии новых для Ии. слов, которые определяются С.И. Тогоевой как «не встречавшиеся индивиду в его речевой практике» [Тогоева 2000: 85]. Новизну / неновизну в данном случае мы соотносим со знакомостью / незнакомостью стимула. Следует отметить, что на «новые» для Ии. слова реакций и субъективных дефиниций в исследовании мы не получили. Естественен тот факт, что «новые» слова для каждого Ии. сугубо индивидуальны, но всё же нам удалось определить аббревему, чаще других отмечающуюся Ии. как незнакомая – ГИС-СИСТЕМА (26%). Самыми известными для Ии. оказались аббревемы МРЗ-ФАЙЛ, USB-МОДЕМ (100%).

60% Ии. используют представленные аббревему в речи. Взаимодействие со словом в жизни говорит о том, что внутренний когнитивный опыт Ии. содержит определённое число ситуаций, на которые Ии. могут опереться при идентификации слова. Чем чаще аббревема употребляется, тем больший опыт она даёт, тем больше когнитивных связей она порождает в единой информационной базе человека. Самое используемое слово-стимул – SIM-КАРТА (99%). Самыми

неупотребляемыми аббревемами являются ГИС-СИСТЕМА (17%) и ИТ-КОМПАНИЯ (17%).

Лишь 30% Ии. отметили сокращения, входящие в состав исследуемых аббревему, доступными для понимания. Частота употребления аббревиатуры в речи напрямую связана с пониманием сокращения без расшифровки. Это связано с активным использованием отаббревиатур (например, ЖК-ДИСПЛЕЙ, PIN-CODE, МРЗ-ФАЙЛ) в обиходной речи, рекламе, текстах СМИ (именно тексты СМИ отражают новые тенденции языка, являясь «рецепторами» всех внешних и внутренних изменений). Можно также предположить, что перечисленные выше аббревемы знакомы и часто используются вследствие своего «устаревания» относительно, например, отаббревиатуры ГИС-СИСТЕМА, которая в нашем эксперименте явилась самой непонятной для испытуемых (её опознали только 15% Ии.). Интересен тот факт, что аббревиатура ГИС по результатам исследования является самой продуктивной из всех проанализированных нами. Однако аббревема ГИС-СИСТЕМА, наоборот, выступает как самая незнакомая, неиспользуемая и непонятная. Согласно этому, можно сделать вывод, что частотность аббревиатуры не всегда является залогом успешного использования производной от неё аббревемы в речи. Самой понятной по результатам исследования стала аббревема ЖК-ДИСПЛЕЙ (89%) (см. табл. 6). Обратим внимание на то, что некоторые Ии. помечают как «знакомую» и «используемую» аббревему, значение которой они не понимают.

Таблица 6. Знакомость аббревем по данным первого эксперимента

	Наиболее	Наименее
Знаком	МРЗ-ФАЙЛ (100%) USB-МОДЕМ (100%)	ГИС-СИСТЕМА (26%)
Использую	SIM-КАРТА (99%)	ГИС-СИСТЕМА (17%) ИТ-КОМПАНИЯ (17%)
Понимаю	ЖК-ДИСПЛЕЙ (89%)	ГИС-СИСТЕМА (15%)

По результатам второго эксперимента, процентные соотношения несколько другие, однако общая тенденция, проявившаяся в первом эксперименте, сохраняется (табл. 7).

Таблица 7. Знакомость аббревем по данным повторного эксперимента

	Наиболее	Наименее
Знаком	DVD-ROM (100%), GPS-НАВИГАТОР (100%), MP3-ФАЙЛ (100%), PIN-CODE (100%), SIM-КАРТА (100%), SMS-РАССЫЛКА (100%), USB-МОДЕМ (100%), ЖК-ДИСПЛЕЙ (100%), PDF-ФАЙЛ (100%)	ГИС-СИСТЕМА (67%)
Использую	SIM-КАРТА (100%)	HTTP-ТЕХНОЛОГИЯ (25%)
Понимаю	ЖК-ДИСПЛЕЙ (98%)	ГИС-СИСТЕМА (56%)

Сводные данные по двум экспериментам являются следующими:

- Знаком с аббревемой – 86%;
- Использую аббревему – 64%;
- Понимаю аббревему – 53%

Качественный анализ материалов эксперимента

Несколько букв сокращения мы ассоциируем с тем, что скрывается за ними. Само сокращение и его расшифровка становятся для нас единым целым, несут один смысл. Важен не тот факт, является ли слово сокращением, важно то, что сам человек об этом слове знает и под ним понимает, что стоит за словом в сознании (и подсознании) индивида.

Качественный анализ в данном случае предполагает выявление стратегий и опор в процессе идентификации аббревем компьютерной сферы. Результаты анализа полученного корпуса данных позволяют определить два основных направления идентификации: идентификация по формальным и по семантическим признакам. Таким образом, мы выделяем пять основных

стратегий, используемых Ии. в процессе идентификации КА: мотивирующая стратегия, стратегия отнесения к категории, стратегия опоры на эмоционально-оценочные переживания, стратегия прямой дефиниции и стратегия отказа (см. рис. 8).

Вертикальный анализ полученного корпуса данных указывает, что примерно после четвёртого стимула экспериментального списка Ии. выделяют доминантную стратегию и придерживаются её до конца исследования. При этом стоит отметить, что во множестве реакций наблюдается комбинация и смешение стратегий. Можно говорить о том, что стратегии всегда работают сообща, они взаимодополняют и взаимодействуют друг с другом. Рассмотрим каждую из прослеженных нами стратегий.

Рис. 8. Стратегии идентификации компьютерных аббревем

Мотивирующая стратегия (см. рис. 9)

По результатам исследования С.И. Тогоевой [Тогоева 2000: 99], мотивирующая стратегия идентификации слова является одной из основных, причём речь идёт об идентификации слов разных частей речи: имён существительных, имён прилагательных и глаголов. Полученные нами данные хорошо согласуются с таким заключением. Описываемая стратегия предполагает опору на формальные признаки стимула: на морфологический состав и фонетико-графический комплекс идентифицируемого сокращения. Стимул выступает неким мотиватором для актуализации в памяти Ии. связей между единицами лексикона.

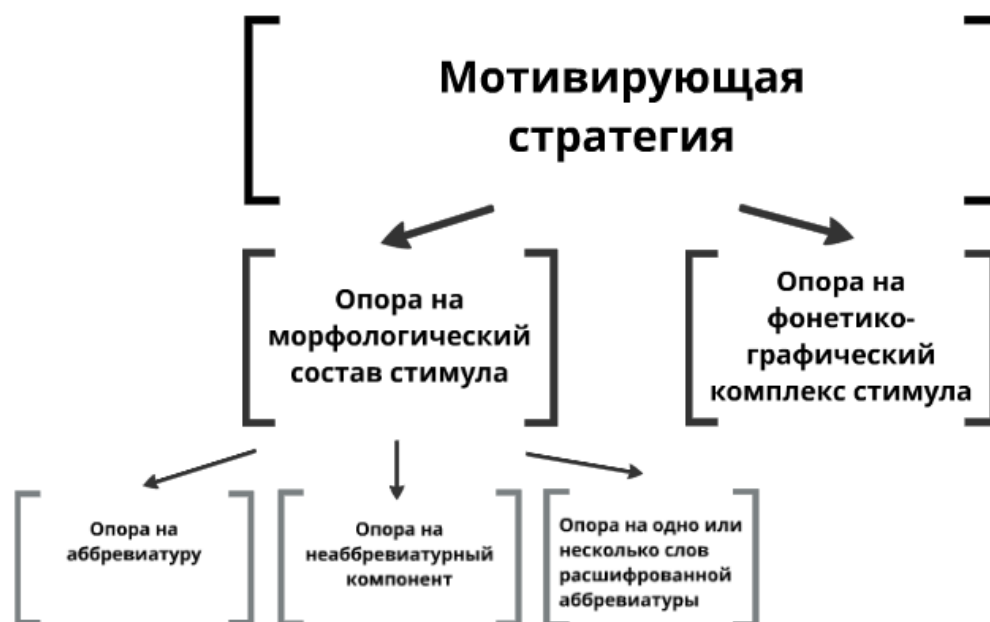

Рис. 9. Мотивирующая стратегия идентификации компьютерных аббревем

Опора на фонетико-графические составляющие аббревемы

Предполагая многоярусную структуру лексикона, А.А. Залевская выделяет два связанных между собой уровня: поверхностный ярус форм и глубинный ярус значений. При этом организация единиц поверхностного яруса лексикона человека опирается на следующие принципы [Залевская 1999: 157]:

- отдельные единицы лексикона связаны между собой совпадением элементов в их составе, причём эти элементы могут иметь различную протяжённость и расположение внутри словоформы;
- слова включаются в определённые контексты, протяжённость которых также варьируется;
- имеет место совместное хранение результатов упорядочения по разным признакам знаний об окружающем индивида мире.

Благодаря данным принципам, работающим сообща, каждая единица поверхностного яруса лексикона включена во множество связей на уровне своей графической и/или звуковой формы. На основе данных признаков происходит группировка единиц лексикона, а также доступ к слову и его

идентификация. В соответствии с графической и звуковой формами слова выделяются два подъяруса поверхностного яруса лексикона: графических образов и звуковых образов. Как видно из обсуждаемых ниже примеров, идентификация элементов поверхностного уровня немедленно вызывает актуализации определённых связей на глубинном уровне смысла.

По мнению Р.М. Фрумкиной, зрительное восприятие информации – это восприятие не только графических, но и звуковых характеристик. Данный процесс протекает совместно с перекодированием зрительной информации в звуковую [Фрумкина 1971: 94]. Например, в процессе чтения вслух или про себя мы проговариваем слова, соответственно фонетический образ слова также может служить опорой в процессе идентификации написанного слова. Как отмечает В. Фромкин, активация фонологических и графических репрезентаций происходит одновременно и не зависит от того, по какому каналу была получена информация. То есть можно говорить о перекодировании сенсорных сигналов на всех уровнях [Emmory & Fromkin 1988]. Эти данные, а также результаты нашего эксперимента противоречат, например, модели К. Форстера, предполагающей обработку по тому или иному каналу в зависимости от входного сигнала [Forster 1976].

Анализ ответов Ии. показал, что в нашем эксперименте имеются разнообразные примеры неправильного опознания графического и/или фонетического образа слова-стимула, что влекло за собой ошибочную идентификацию аббревиатуры и аббревимы в целом. Неверное опознание заключается в замене букв стимула на другие (IP → ID, LCD → LED) и удалении / добавлении элементов (DVD-ROM → DVD-RW). Т.Ю. Сазонова полагает, что такие случаи связаны с «частотными характеристиками графических и фонетических “соседей” стимула» [Сазонова 2007 [http](#)].

Ошибочную идентификацию аббревиатуры можно объяснить с точки зрения модели логогенов Дж. Мортонна [Morton 1969]. Как мы отмечали выше, данная модель прямого доступа предполагает наличие логогена для

каждого слова в ментальном лексиконе. Фонетическая или графическая форма стимула соотносится с логогеном и влечёт за собой некоторую репрезентацию. Наличие у Ии. недостаточного или полное отсутствие опыта пользования словом подразумевает отсутствие орфографической (в нашем случае) репрезентации, и, как следствие, доступ к данному стимулу не может быть осуществлён. В качестве слова для доступа выбирается наиболее графически близкое к визуальному стимулу (см. примеры выше).

Доказано, что слово не распознаётся изолированно от других орфографически связанных с ним слов, причём количество «орфографических соседей» и их частотность играют важную роль. Под «орфографическими соседями» мы понимаем те слова, которые отличаются друг от друга одной буквой (например, для *fall* «соседями» будут *fell, call, fail* и т.д.), образуя тем самым «семью». Р.М. Фрумкина со своими коллегами выделили три графических фактора, являющихся опорой при сравнении начертания букв: 1) I-фактор («вертикальность»), 2) O-фактор («округлость»), 3) E-фактор («перпендикулярность»). Это говорит о том, что, например, буквы O и C будут расцениваться как похожие в рамках O-фактора, а буквы O и E – как непохожие [Фрумкина 1971: 87]. При нашем анализе реакций Ии. имеются подтверждения этому факту: $IP \rightarrow ID$, $DVD-ROM \rightarrow DVD-RW$. Однако отмечается следующая подмена, противоречащая данным факторам: $LCD \rightarrow LED$, но для опровержения утверждения Р.М. Фрумкиной одного нашего примера мало.

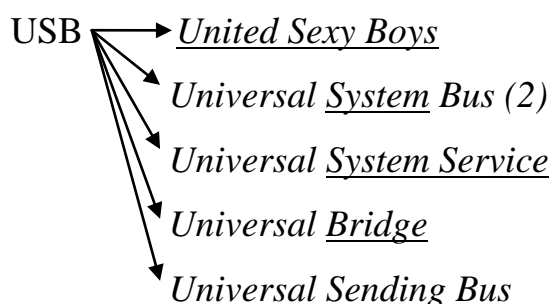
Разнятся данные о том, какое именно влияние оказывает большой размер «орфографической семьи» и частотность слов, в неё входящих. Однако установлено, что множество «соседей» усиливает конкуренцию и более важно для низкочастотных стимулов [Gernsbacher 2006: 317]. Схожие предположения можно встретить в модели активации по близости Д.Б. Пизони и П.А. Льюса [Luce 2005].

Перестановка букв в слове также является следствием влияния орфографии. Например, при опознании стимула *slat* будет наблюдаться

эффект торможения, поскольку он очень похож на конкурента *salt*, который, как стоит заметить, даже не является «орфографическим соседом» [цит. раб.: 318]. Влияние «орфографического соседства» в разной степени отражено в исследованиях, например, У. Найссера [Neisser 1967], К. Форстера [Forster 1976], Дж. Макклеланда и Д. Румельхарта [McClelland, Rumelhart 1981], М. Колхарта [Coltheart et al.'s 2001] (см. параграф 2.5).

Несмотря на то, что влияние «орфографических соседей» доминирует при визуальном распознавании слова, подтверждается факт влияния «фонологических соседей» (тех слов, которые отличаются друг от друга одним звуком, например, для *gate* «соседями» будут *hate, get* и т.д.) и существования в сознании (подсознании) индивида ассоциативных полей по линии звука [Gernsbacher 2006: 319]. Какой-то элемент слова (начальный, конечный) или набор звуков / букв индивид определяет в качестве опорного, на котором в дальнейшем строится психологическая структура значения. Каждый раз, когда индивид воспринимает информацию в процессе языковой деятельности, столкновение с каким-либо словом порождает множество ассоциативных отголосков о других словах в ментальном лексиконе. Реакции Ии. в данном случае можно рассматривать как результат актуализации определённого слова в процессе перечисления кандидатов, которое в силу тех или иных причин является наиболее подходящим и близким к стимулу.

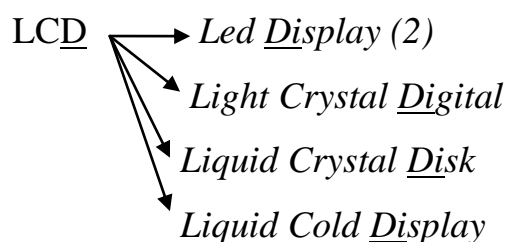
Приведём пример неверной идентификации аббревимы USB-МОДЕМ (Universal Serial Bus – универсальная последовательная шина):

Можно предположить, что опознавание аббревиатуры USB как *United Sexy Boys* (шуточная мальчишеская группа, появившаяся на одном из

телеканалов) вызвано тем, что контакт со стимулом породил звуковые ассоциации, не связанные с истинным значением стимула, связи с этими ассоциациями оказались сильнее, что повлекло ложную расшифровку. Сместе также предположить, что правильная расшифровка первой буквы аббревиатуры U как *Universal* явилась следствием низкочастотности слов, начинающихся с неё, а также следствием популярности слова *universal* (особенно среди любителей кино – *Universal Pictures* как название одной из ведущих кинокомпаний).

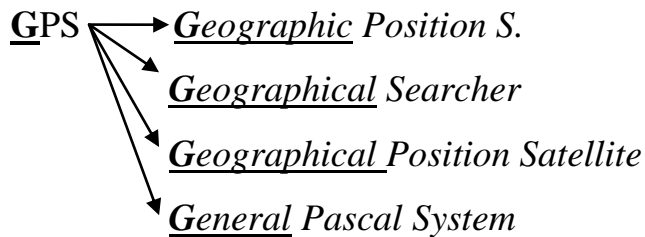
Считаем важным отметить, что при расшифровке аббревиатуры LCD (*Liquid Crystal Display* – дисплей на жидких кристаллах) буква D, произносимая сама по себе как [ди] вызвала реакции, начинающиеся со слога *Di* [ди] (а не *De* [де], *Du* [да], например):

Начальные элементы вариантов распознавания аббревиатуры совпадают с начальными элементами стимула, что согласуется с моделью В.Д. Марслена-Вильсона [Marslen-Wilson 1989], отображающей организацию слов ментального лексикона по их начальным элементам, т.е. одна или две фонемы активируют в памяти все слова, начинающиеся таким же образом. Отсевание слов происходит за счёт сопоставления поступающей информации с кандидатами на дальнейшее распознавание и продолжается до тех пор, пока не выявится одно слово, совпадающее с предъявленным.

Подобный эффект можно отметить, например, для аббревиатуры GPS. Буква G может читаться двумя способами: [джи] и [г]. Мы знаем, что инициальные аббревиатуры всегда читаются буквами алфавита, поэтому данное сокращение следует произносить как [джи-пи-эс], и при расшифровке

некоторые Ии. соблюдают как раз это правило, т.е. следуют за звуковым совпадением:

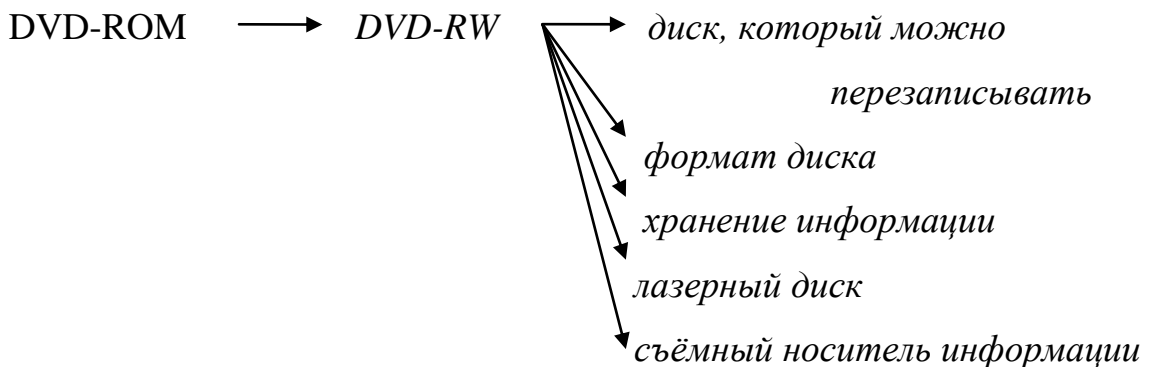
Однако если мы посмотрим на полученные реакции, то увидим, что некоторые из них рифмуются между собой (*Geographical, General*) и с правильным вариантом расшифровки (*Global*). Следовательно, совпадают не только начало, но и конец слова, что согласуется с моделью распространяющейся (взаимной) активации [McClelland & Elman 1986], в рамках которой активируются не только слова, совпадающие по начальным звукам, но и рифмующиеся.

Ошибочное опознание одной или нескольких букв графического и/или фонетического образа слова-стимула часто влекло за собой неверную субъективную дефиницию:

- LCD-ПАНЕЛЬ (Liquid Crystal Display – дисплей на жидких кристаллах)

LCD-ПАНЕЛЬ → LED-панель → монитор на светодиодах

- DVD-ROM (Digital Video (Versatile) Disk Read Only Memory – привод для чтения цифрового видео- / универсального диска)

Были замечены единичные варианты следующих звукобуквенных совпадений стимула и реакции: GPS-НАВИГАТОР – *прибОР*, SMS-РАССЫЛКА – *отправКА*, *переписКА*. Их также можно согласовать с моделью распространяющейся (взаимной) активации [McClelland & Elman 1986].

Следует отметить ещё один момент. В качестве реакции на некоторые высокочастотные аббревиатуры, входящие в состав аббревимы-стимула, Ии. употребляли эти же аббревиатуры, но писали их на русском языке для английских аббревиатур (*DVD – двд*, *PIN – пин*, *SMS – смс*) и на английском языке для русскоязычных стимулов (*ЖК-ДИСПЛЕЙ – то же самое, что LCD*). То есть, можно говорить об умении Ии. оперировать аббревиатурами, знании правила перевода с одного языка на другой. Также из этого следует, что идентификация аббревиатур и аббревим английского и русского языков протекает по общим законам и механизмам.

Опора на морфологический состав аббревимы

Когда человека свободно владеет языком, при встрече со словом он не нуждается в анализе его внутренней формы, опознавание морфологической структуры слова, как правило, происходит неосознанно. Однако при первой встрече и отсутствии достаточного опыта опоры на знакомые элементы слова, опора на морфологический состав слова необходима, поскольку каждая часть слова приводит к полному пониманию значения. Согласно нашим данным, почти половина Ии. не понимают значения аббревиатуры (47%), но при этом считают её знакомой для себя (86%) (см. таблицу 2.4). Таким образом, мы не можем говорить о свободном владении Ии. компьютерными аббревиатурами и аббревидами. Этот факт, а также сами реакции Ии. влекут за собой необходимость рассмотрения опоры на морфологический состав слова в процессе идентификации.

В работах по психолингвистике имеется ряд моделей, отображающих включённость морфологии в процесс распознавания и идентификации производных слов, к которым относятся исследуемые нами аббревем. Однако мнения авторов расходятся по нескольким вопросам: как осуществляется хранение производных слов (отдельно по морфемам или целиком, независимо от своих основ); как происходят доступ к ним и их репрезентация в памяти (происходит ли их декомпозиция на первоначальном этапе); все ли сложные слова идентифицируются одинаково (см. выше).

Анализ результатов нашего исследования показывает, что некоторые Ии. воспринимали стимул и осуществляли доступ к нему как к целому слову, без морфологического деления. Эта идея отражена в некоторых моделях. Модели [Butterworth 1983] и [Manelis, Tharp 1977] не предусматривают морфологическую декомпозицию на этапе доступа к слову, и полиморфемные слова идентифицируются так же, как и одноморфемные. Сателлитная модель ментального лексикона [Lukatela et al. [http](#)], на наш взгляд, наилучшим образом работает для однокоренных слов, а не для аббревем. В данной модели номинативная форма слова является ядром, а все родственные слова – спутниками ядра. Среди моделей цельнословного хранения модель [Bybee 1985, [http](#)] кажется наиболее применимой для цельнословного восприятия аббревем, поскольку словоформы связаны между собой блоками имеющих лексических отношений совпадения и сходства семантических и фонологических признаков, деление на морфемы не требуется, при этом чётко прослеживается структура слова. Однако не будем торопиться с выводами.

Несмотря на возможность цельнословного восприятия и доступа, мы полагаем, что морфологическая составляющая играет важную роль в процессе идентификации, и морфема как бы связывает форму со значением. Анализ полученных данных показывает, что в качестве мотиватора для Ии. выступают разные морфологические составляющие стимула, что может свидетельствовать о декомпозиции стимула при восприятии и доступе к

слову. Получается, что в такой ситуации модели, работающие с целыми словами, остаются в стороне, и большее внимание нужно уделить моделям, предполагающим морфологическое деление слова в процессе идентификации.

Среди таких, например, модель отделения аффикса [Taft, Forster 1975], предусматривающая разложение слова на аффикс(ы) и корень ещё до этапа лексического доступа, таким образом, лексическое значение слова складывается из значений морфем. С данными положениями мы можем согласиться, учитывая структуру аббревем и принимая аббревиатуру за приставку. Идентификация аббревем по данной модели выглядит достаточно простой. Например, для аббревемы GPS-НАВИГАТОР процесс проходил бы следующим образом: 1) деление аббревемы на GPS и НАВИГАТОР; 2) поиск аббревиатуры GPS; 3) поиск слова НАВИГАТОР; 4) объединение GPS + НАВИГАТОР = узнавание аббревемы.

Двухуровневые модели, обрабатывающие слова параллельно на двух взаимосвязанных уровнях, казалось бы, решают все проблемы сразу. В моделях [Wurm [http](http://); Caramazza et al. [http](http://); Frauenfelder 1992] первый процесс обрабатывает целые слова, а второй – выполняет декомпозицию, и это вполне допустимо для аббревем. Ещё более подходящей видится модель [Sandra 1994], согласно которой встреча с новым словом автоматически ведёт к морфологической обработке, при этом порождает репрезентацию, которая при последующих встречах укрепляется, что ведёт к незатруднительному доступу к слову. Получается, что наиболее употребляемые и семантически понятные полиморфемные слова в итоге имеют свою репрезентацию, при этом, как уточняет Д. Сандра, доступ к таким словам может быть осуществлён как цельнословно, так и с морфологическим анализом. Сформированностью репрезентаций можно объяснить, например, наибольшую понятность для Ии. таких аббревем, как ЖК-ДИСПЛЕЙ, PIN-CODE, MP3-ФАЙЛ, SIM-КАРТА. Неустойчивые репрезентации или их

отсутствие наблюдаются для аббревем ГИС-СИСТЕМА, ИТ-КОМПАНИЯ, ИТТЕР-ТЕХНОЛОГИЯ.

Успешной для обработки аббревем выглядит сублексическая модель [Васильева 2014]. Она, на наш взгляд, несколько схожа с моделью [Taft, Forster 1975], поскольку предполагает поморфемную переработку и последующее объединение этих же морфем. Отличие мы видим в том, что помимо активации морфем активируется целое слово. Например, при идентификации аббревемы IP-ТЕЛЕФОНИЯ, будут активированы слова IP-телефония, IP, телефония, телефон и т.д. Наличие связей между морфемами позволяет объединить их в лексическую единицу. При встрече с незнакомым словом значения морфем помогают успешно обработать слово.

Стратегические модели, разрабатываемые Тверской психолингвистической школой, трактуют морфему как психолингвистическую единицу, обеспечивающую связь между поверхностным уровнем форм и глубинным уровнем значений ментального лексикона. Способность выделять морфемы как опоры для идентификации аббревем говорит о наличии у Ии. определённого морфологического знания.

В нашем исследовании к стратегии опоры на морфологический состав стимула мы относим все случаи, когда Ии. употребляют в реакции какой-либо компонент стимула (а иногда весь стимул целиком) либо его однокоренные слова. Мотиваторами выступают: (1) присоединённые слова (неаббревиатурный компонент); (2) аббревиатуры; (3) одно или несколько слов расшифрованной аббревиатуры; (4) различные комбинации представленных компонентов.

Синтагматические отношения аббревем позволили Ии. с лёгкостью выполнить анализ аббревем, благодаря которому единицы низшего уровня становились опорой в процессе идентификации. Имеющиеся парадигматические связи помогали прийти к истинным или ложным идентификациям в тех случаях, когда смысл составляющих аббревему единиц был непонятен.

Опора на неаббревиатурный компонент проявляется в том, что Ии. при реагировании на слово-стимул дают реакции, включающие в себя присоединённое слово. Как уже отмечалось ранее, материал нашего исследования представляют аббревимы, составленные по схеме «аббревиатура + имя существительное». Таким образом, при использовании данной стратегии идентификации именно имя существительное становится опорой. В качестве примера приведём следующие реакции Ии.: SMS-РАССЫЛКА – *рассылка текстовых сообщений*, SIM-КАРТА – *карта сотового оператора*, PDF-ФАЙЛ – *файл для картинок*, PIN-CODE – *секретный код*, GPS-НАВИГАТОР – *навигатор по местности* и др.

Опора на аббревиатуру проявляется в реакциях Ии., включающих аббревиатуру стимула: SMS-РАССЫЛКА – *отправка SMS нескольким людям*, DVD-ROM – *туда вставляется DVD-диск*, Web-ТЕХНОЛОГИЯ – *вебкамера*, MP3-ФАЙЛ – *музыка в формате MP3*.

Опора на одно или несколько слов расшифрованной аббревиатуры: SMS-РАССЫЛКА (SMS – Short Message Service – служба коротких сообщений) – *отправление коротких сообщений*.

Также встречаются другие варианты опоры:

- неаббревиатурный компонент + аббревиатура: MP3-ФАЙЛ – *файл формата MP3*.
- неаббревиатурный компонент + расшифрованная часть аббревиатуры (в том числе переведённая с английского языка на русский): IP-ТЕЛЕФОНИЯ (IP – Internet Protocol – Интернет протокол) – *интернет телефония*.
- неаббревиатурный компонент + аббревиатура + расшифрованная часть аббревиатуры: SMS-РАССЫЛКА (SMS – Short Message Service – служба коротких сообщений) – *рассылка сообщений по SMS*.

Стоит заметить, что в некоторых реакциях Ии. практически повторяют слово-стимул. Смеем предположить, что это является следствием небогатого

словарного запаса индивида и/или недостаточной глубины идентификации стимула. Л.В. Газизова в своём исследовании сталкивается с подобной ситуацией, когда Ии. дословно воспроизводят стимул, она называет такие реакции эхολалическими [Газизова 2006: 16].

Особенно важным кажется факт употребления в реакциях Ии. аббревиатур. Это говорит о восприятии их как цельных лексических единиц, усвоенных в конкретном «аббревиатурном» виде. Анализ реакций с опорой на морфологический комплекс слова даёт нам возможность предполагать, что аббревиатуры в процессе идентификации обрабатываются двумя способами: целиком (DVD-диск – чтение DVD) и побуквенно (ЖК – *жидкокристаллический*), полагая, что побуквенная обработка происходит в тех случаях, когда индивид хорошо владеет аббревиатурой и может дать полную, правильную её расшифровку. Наличие неаббревиатурного компонента стимула в реакциях Ии. может служить доказательством морфемного анализа аббревемы в процессе идентификации.

Возможность выделения морфем в процессе идентификации аббревем может быть свидетельством наличия у Ии. определённых морфологических знаний. Это тесно связано с вопросом хранения морфем. Модель Дж. Стембергера [Stemberger 1985] описывает поморфемное хранение полиморфемных слов с точки зрения наличия у них внутренней структуры: морфемы слов представляют своего рода правила, состоящие из двух частей (условия извлечения информации и собственно информацию). Поскольку все признаки (семантические, фонетические и т.д.) связаны со словом, то в процессе опознавания активируются все слова с таким признаком, и при совпадении всех признаков остаётся нужный кандидат. Можно привести следующий пример. Аббревема USB-МОДЕМ ошибочно идентифицировалась как *USB-флешка*. Согласно данной модели при восприятии аббревиатуры USB были активированы слова, имеющие её в составе (USB-флешка и, возможно, другие). Но по причине отсутствия связи «USB ↔ модем» требуемой активации не произошло и, как результат,

было опознано неверное слово USB-флешка как наиболее совпадающее по имеющимся в морфеме признакам. Необходимо отметить важный момент, который учитывает данная модель, а именно возможность извлечения слова по прямому и/или не прямому пути. Прямой путь характерен для извлечения слов более высокого уровня, что мы также можем наблюдать при идентификации часто употребляемых аббревем (например, ЖК-ДИСПЛЕЙ, МР3-ФАЙЛ). Непрямой путь (малое правило) применяется для извлечения единицы более низкого уровня (ГИС-СИСТЕМА, НТТР-ТЕХНОЛОГИЯ).

Результаты эксперимента показывают, что, несмотря на сложность репрезентаций аббревем, они без труда могут обрабатываться целиком. Это согласуется с положениями А.А. Залевской о том, что слово вступает в многочисленные связи по всем возможным параметрам [Залевская 1990: 156], что наглядно видно при анализе реакций: например, аббревема SMS-РАССЫЛКА опознаётся как *спам по телефону, реклама* и т.д. Слово как средство доступа к образу мира индивида всегда увязано множеством связей с информацией о других словах, которая помогает в процессе идентификации. Частично вербализованная информация такого рода, отображаемая полученными от Ии. субъективными дефинициями, даёт возможность выделить ряд других стратегий.

Стратегия отнесения к категории (рис. 10)

В одной из своих работ А.Р. Лурия приводит пример из практики общения с С.В. Шерешевским, обладателем феноменальной памяти. На вопрос, каким образом ему удаётся воспроизводить такое огромное количество слов, Шерешевский отвечал, что каждое слово для него содержит не только вызываемые им образы, но и целый комплекс ощущений: «Обычно я ощущаю вкус или вес слова ... это трудно описать. Я чувствую, как что-то жирное скользит по моей руке... или мне кажется, что масса крошечных легких точек щекочет мою левую руку. Когда это происходит, я просто вспоминаю, и мне не нужно напрягаться» [Лурия <http>]. Такое яркое описание

ощущений приводит к выводу о том, что каждое слово порождает множество ассоциаций, связанных с осязанием, вкусом и др.

Рис. 10. Стратегия отнесения к категории

Н.В. Крушевский полагает, что «всякое слово способно, вследствие особого психического закона, возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами, вследствие этого закона «слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнёзда» [Крушевский http]. Любое слово является своеобразной «отправной точкой» к другим словам благодаря семантическим цепям и связям между ними. Н.В. Крушевский выделяет два типа связей между единицами языка: ассоциации по сходству (парадигматические связи) и ассоциации по смежности (синтагматические связи). Именно синтагматические связи, по мнению Крушевского, выстраивают слова в ряды [там же].

Некоторые учёные подчёркивают важность ассоциативных связей слов. А.А. Залевская пишет, что ассоциативный подход выявляет наличие внутренней модели связей, которая формируется через речь и мышление и лежит в основе организации опыта познания и общения [Залевская 2007: 191]. По А.А.Леонтьеву, ассоциативные реакции на слово указывают на связи со словами, а также на его связи с видами деятельности, в которых происходит приобретение значений слов-стимулов и слов-реакций. Знание

ассоциативных значений слова А.А. Леонтьев видит достаточно важным компонентом значения. Ассоциативные реакции, согласно А.А. Леонтьеву, отражают не только синтагматические и прагматические отношения слова, но и способы деятельности, в процессе которых устанавливались значения слов-стимулов и слов-реакций. [Леонтьев А.А. 1983: 32].

А.А. Залевская, рассматривая вопрос поиска значения слова в рамках концепции внутреннего контекста слова, утверждает, что значения слова – это не просто понятие, а всегда соотнесение с продуктами предшествующего опыта индивида, то есть «включение слова в многогранный ‘внутренний контекст’», изначально являющийся перцептивно-когнитивно-аффективным» [Залевская 1992: 64]. Любое слово сразу же встраивается во внутренний контекст, обусловленный готовностью индивида воспринимать ситуации, которые наиболее значимы в данный момент. Это даёт возможность проследить динамику значения слова [Залевская 2013 [http](#)].

В нашем исследовании значения слов также трактуются через другие слова с уже присвоенными значениями, можно говорить об актуализации внутренних контекстов и типизации как упорядочивании предметов и явлений по определённым признакам в некоторые системы. Как пишет С.И. Тогоева, идентификация слова – это всегда отнесение воспринимаемого объекта к определённой категории слов или объектов, признаки которых совпадают с признаками стимула [Тогоева 2000: 117].

Под стратегией отнесения к категории мы понимаем причисление слова-стимула к какой-либо предметной области его использования или возникновения. Отнесение к категории возможно за счёт как генерализации, так и дифференциации образов.

По словам А.А. Леонтьева, значения всегда имеют прямое отношение к деятельности, в процессе которых они возникли [Леонтьев А.А. 1983: 32]. Именно деятельность лежит в основе стратегии отнесения к категории через назначение именуемого стимулом объекта. Очевидно, что стимул актуализировал в памяти Ии. ситуации, в которых обозначаемый стимулом

предмет используется как один из компонентов (а иногда является главным компонентом) в какой-либо деятельности, с ним связанной, например: IP-ТЕЛЕФОНИЯ – звонки через интернет, SIM-КАРТА – для поддержания связи, ГИС-СИСТЕМА – ориентировка на местности, MP3-ФАЙЛ – прослушивание музыки, PIN-CODE – для скрyтия личной информации.

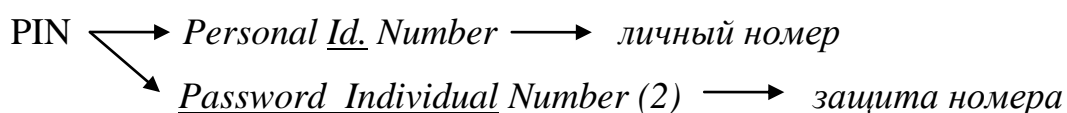
В большом количестве реакций Ии. идентифицировали аббревиату, опираясь на место использования именуемого стимулом объекта: WEB-ТЕХНОЛОГИЯ – связано с сайтами, интернет, SMS-РАССЫЛКА – телефон, SIM-КАРТА – сотовая связь. В некоторых случаях даже иллюстрировали стимул примером: ИТ-КОМПАНИЯ – Ростелеком, PDF-ФАЙЛ – Adobe Acrobat, Адобе ридер, IP-ТЕЛЕФОНИЯ – skype.

Были замечены реакции, в которых Ии. использовали лишь элемент ситуации как ассоциацию на стимул и часть актуализированной ситуации: ГИС-СИСТЕМА – карты, погода, местоположение, USB-МОДЕМ – соединение, ЖК-ДИСПЛЕЙ – хорошее изображение, HTTP-ТЕХНОЛОГИЯ – www.

В некоторых реакциях атрибутивная характеристика стимула являлась опорой для опознания: USB-МОДЕМ – переносной интернет, GPS-НАВИГАТОР – «умная» карта, ЖК-ДИСПЛЕЙ – удобный дисплей.

Значительное количество реакций содержали опору на синоним-симиляр: PIN-CODE – защита, GPS-НАВИГАТОР – устройство для определения короткого пути; прибор в машине, который показывает дорогу.

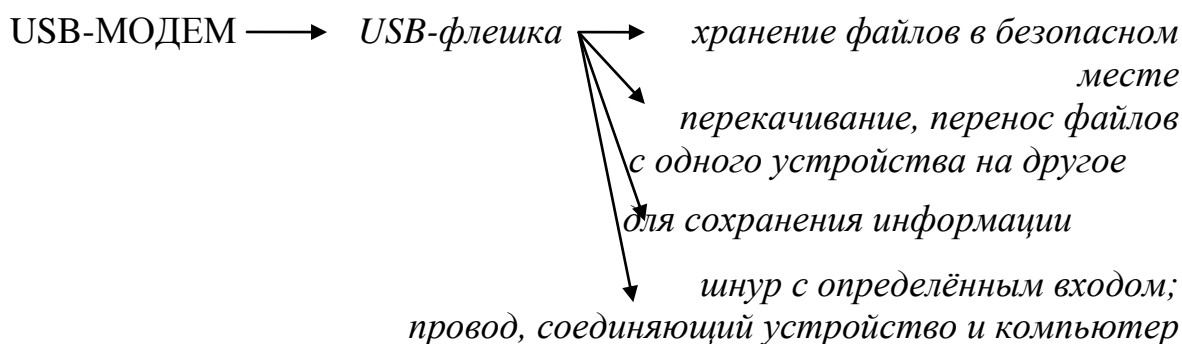
Ниже представлен пример для стимула PIN-CODE:

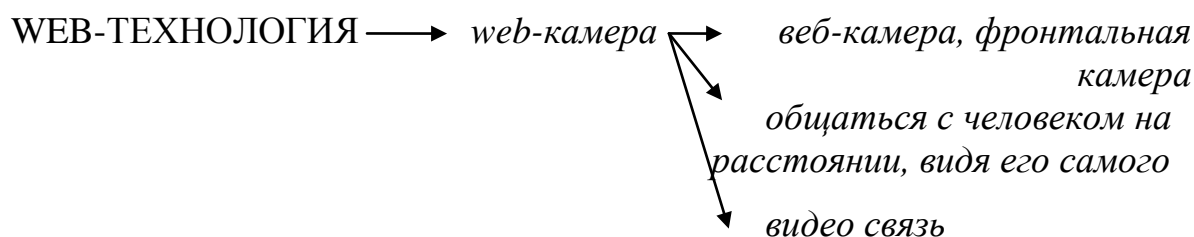
Нельзя не согласиться со словами С.Л. Рубинштейна о том, что слово может нести не только смысловое содержание, значение, но и образ, поскольку он является семантическим образованием, обозначающим

предмет: «Это семантическое содержание является общим знаменателем для образа и слова-понятия; их семантическая общность преодолевает обычное противопоставление логически-понятийного и образно-чувственного, включая и одно, и другое как необходимые звенья в реальный мыслительный процесс» [Рубинштейн 1989: 371].

Образы объектов играют важную роль в формировании значений слов ещё в раннем возрасте. Н.О. Золотова в своей работе отводит важное место предметности, называя её «центральным компонентом, вокруг которого формируются значения слова начального лексикона ребёнка» [Золотова 2005: 24]. Поэтому опора на образ именуемого стимулом объекта в значительной степени представлена в реакциях Ии.: SMS-РАССЫЛКА – *спам*, USB-МОДЕМ – *флешка*, ЖК-ДИСПЛЕЙ – *телевизор, плазма, монитор*, SIM-КАРТА – *чип*. Приведём пример для аббревимы USB-МОДЕМ: внешне USB-модем выглядит так же, как накопитель памяти с определённым USB-входом (на разговорном языке – флешка). Предполагаем, что в памяти Ии. при актуализации аббревиатуры USB «всплывал» образ *флешки*, что и влекло за собой неверное опознание стимула:

Аналогичный пример можно привести для аббревимы WEB-ТЕХНОЛОГИЯ:

По мнению Т.М. Дридзе и А.А. Леонтьева, эмоциональная насыщенность фразы находится в зависимости от контекста, в котором этой фразой оперируют. [Дридзе, Леонтьев 1976: 229]. Реакции, которые мы относим к **стратегии опоры на эмоционально-оценочные суждения**, отражают отношение Ии. к стимулу или к именуемому им объекту. Отношение может быть как положительным, так и отрицательным: ГИС-СИСТЕМА – *ненужная хрень; классная штука*, SIM-КАРТА – *ясно же для чего*, USB-МОДЕМ – *это и ребенок знает*, GPS-НАВИГАТОР – *хорош в путешествиях*.

Стратегия прямой дефиниции стимула говорит об отсутствии каких-либо затруднений при восприятии слов, наличии у Ии. уверенности в знании аббревимы. Согласно исследованию данная стратегия особенно ярко проявилась при идентификации аббревимы ЖК-ДИСПЛЕЙ.

В нашем исследовании наблюдались ситуации, когда Ии. не давали никаких реакций. **Стратегия отказа** наиболее характерна для некоторых аббревим (ГИС-СИСТЕМА, НТТР-ТЕХНОЛОГИЯ, IP-ТЕЛЕФОНИЯ). Мы связываем это с низкой частотностью употребления данных КА в обиходной речи, а также с тем, что данные аббревимы оказались для Ии. не понятными.

Хотелось бы отметить, что по результатам анализа реакций, Ии. в большинстве случаев используют комплекс стратегий и опор в процессе идентификации, поэтому предложенное разграничение стратегий является условным.

Анализ результатов исследования позволяет сделать определённые выводы по обсуждаемому нами вопросу знаковости аббревимы. Мотивированность аббревимы, наличие реляционных связей облегчали процесс идентификации для Ии, подтверждением этому могут служить выделенные нами стратегии и опоры.

Использование в качестве опоры какой-либо расшифрованной части аббревиатуры служит доказательством значимости отдельных элементов аббревиатуры в большей степени по сравнению с другими. Респонденты

выделяют значимый элемент и заменяют им всю аббревиатуру. Это наглядно видно на примерах (жирным шрифтом выделены значимые элементы): **PDF-ФАЙЛ** (**PDF** – **Portable Document Format** – переносимый **формат документов**) – *формат документа*; **PIN-CODE** (**PIN** – **Personal Identification Number** – **личный** идентификационный номер) – *код с личной информацией*; **GPS-НАВИГАТОР** (**GPS** – **Global Positioning System** – система **глобального** позиционирования) – *глобальная навигация* и др. Можно сказать, что именно значимый элемент (как мы видим из примеров, их может быть несколько) замещает всю аббревиатуру и приживается в речи. Поскольку значимый элемент заменяет целое сокращение, то первоначальная мотивированность внутри сокращения утрачивается, ослабевают синтагматические связи внутри аббревиатуры, она воспринимается как нечто фиксированное, константа, употребляемая в конкретных случаях.

Несмотря на это, в процессе идентификации аббревем синтагматические и парадигматические связи играют огромную роль, поскольку они могут служить опорой для узнавания слова. При встрече с непонятным сокращением благодаря ассоциативным связям и порождению ассоциативных групп слов мы наблюдали подмены и неверные расшифровки.

Являясь символом, аббревема в то же время может иметь некоторые признаки знака-индекса. Индексальность аббревемы как знака подразумевает смежность формы знака и его содержания. Это проявляется в использовании мотивирующей стратегии. Опоры на звуко-буквенный комплекс слова и его морфологическую структуру позволяют искать сходство и подобие означающего и означаемого, являются промежуточным звеном в построении связи формы и содержания. Опоры помогают достроить, реконструировать недостающие элементы аббревемы-знака и выйти на содержание, идентификацию. Индексальность аббревемы, отсылающая к конкретному объекту, наблюдается в использовании стратегии категоризации. Отнесение к категории через место использования и назначение стимула, иллюстрация

примером, указание на атрибутивную характеристику стимула, опора на образ именуемого стимулом объекта, опора на эмоционально-оценочные суждения строят связь между аббревемой-индексом и именуемым ею объектом на основе отношения к одной и той же ситуации. Категориальная стратегия и используемые в её рамках опоры помогают «додумать» содержание аббревемы.

Мы полагаем, что те Ии., которые давали неверные дефиниции, ошибочно расшифровывали аббревиатуры, пока не могут использовать аббревемы как принятое правило, связь между аббревемой и именуемым ею объектом остаётся мотивируемой. Стратегия отказа от реакции может указывать на то, что Ии. не имеют предшествующего опыта с объектом знака.

Стратегия прямой дефиниции может указывать на иконичность аббревемы, поскольку из формы самого знака вытекает очевидное индивиду содержание (например, DVD → *диск*). Сюда же можно отнести случаи, когда Ии. с лёгкостью опознавали аббревиатуры и давали дефиниции аббревем (например, ЖК-ДИСПЛЕЙ, SMS-РАССЫЛКА, PIN-CODE и т.д.). С другой стороны, можно говорить о преобладании символности в общеупотребительных и легко идентифицируемых аббревиатурах и аббревемах, поскольку данные слова имеют социальную закреплённость, усвоенность и устойчивые ассоциативные связи знака и содержания, не зависящие от сходств знака и объекта (всем же понятно, что SMS – это сообщение). Однако это мы также можем связать со значимостью тех или иных элементов аббревиатуры, которые замещают собой всю аббревиатуру. Именно это кажется нам принципиально важным.

В пункте 2.2. нашей работы мы говорили об исследовании Н.О. Золотовой [Золотова 2005], которая полагает, что единицы ядра внутреннего лексикона являются отправными точками для активизации выводного знания, ведущего к пониманию слова. Значения слов, входящих в ядро лексикона, отличаются высокой степенью образности, конкретности, а также

узнаваемости индивидом, лёгкостью включения в более широкие категории и должны быть усвоены в детстве и сохранить значимость в последующей жизни носителя языка [Золотова 2005: 6]. Анализируя результаты наших экспериментов, мы выявили, что реакции Ии. содержат в себе такие слова, как: *телевизор* (ЖК-ДИСПЛЕЙ), *сеть* (WEB-ТЕХНОЛОГИЯ), *карта*, *поиск*, *место*, *путь*, *хорош (в дороге)*, *умная (карта)* (GPS-НАВИГАТОР), *музыка* (MP3-ФАЙЛ), *защита*, *код*, *пароль* (PIN-CODE), *сообщение* (SMS-РАССЫЛКА), *документ* (PDF-ФАЙЛ), *устройство* (USB-МОДЕМ). На наш взгляд, значения данных слов-реакций имеют в большей или меньшей степени специфику, описанную выше, поэтому их можно считать элементами ядра лексикона, и, соответственно, можно говорить, что идентификация стимулов осуществляется в том числе и за счёт слов, относящихся к ядру ментального лексикона.

2.8. Профессиональная деятельность и ментальный лексикон

Ментальный лексикон как отражение знаний индивида об окружающей действительности неразрывно связан с картиной мира, элементы которой закладываются на лексическом уровне. Лексика, связанная с обозначением особенно важных и доминирующих в жизни отдельного человека фрагментов реальности, является наиболее активной в его внутреннем лексиконе. А.К. Агибалов называет такой лексикон актуальным, то есть той базовой частью ментального лексикона, которая представляет собой корпус высокочастотной лексики [Агибалов <http>]. Соответственно профессиональная среда оказывает значительное влияние на ментальный лексикон. А.К. Агибалов в результате анализа лексиконов различных профессионально-культурных общностей носителей языка и составления словников по тематическим структурам установил, что наблюдается взаимосвязь между лексиконами субъектов, относящихся к похожим профессионально-культурным общностям; тематические структуры схожи у субъектов, находящихся в близких социально-культурных отношениях. Как пишет А.К. Агибалов, «фактор

“профессия” оказывается значимым в процессе вербального отображения актуального участка мира и определяет стратегию этого отображения» [там же].

Результаты нашего эксперимента схожи с результатами исследования А.К. Агибалова. Ии., обучающиеся по техническим специальностям, представляют более высокие показатели реакций по сравнению с Ии. гуманитарных направлений (табл. 8). Согласно данным эксперимента, некоторые стимулы были более знакомы и понятны студентам технического профиля, чем студентам гуманитарных специальностей (например, ГИС-СИСТЕМА, НТТР-ТЕХНОЛОГИЯ, IP-ТЕЛЕФОНИЯ, LCD-ПАНЕЛЬ, WEB-ТЕХНОЛОГИЯ). Как правило, это касается тех аббревем, которые низкочастотны в обыденной речи и больше характерны для профессиональной лексики. Однако реакции Ии. показывают, что ряд стимулов (SIM-КАРТА, PIN-CODE, МРЗ-ФАЙЛ, DVD-ROM и ЖК-ДИСПЛЕЙ) имеют примерно одинаковые результаты для всех Ии., что является следствием активного перехода данных аббревем из разряда профессиональной лексики в обиходную.

Таблица 8. Влияние профессии на ментальный лексикон

	Знаком	Использую	Понимаю сокращение
Технические специальности	92%	72%	64%
Гуманитарные специальности	84%	58%	56%

Отметим, что количество реакций на расшифровку аббревиатуры среди студентов технических специальностей больше, чем у остальных Ии. (36% и 12% соответственно), а качество расшифровок, их правильность выше. Субъективные реакции Ии., обучающихся по техническим направлениям, являются более глубокими и развёрнутыми, имеют место уточнения и детали, чаще используются стратегии прямой дефиниции стимула.

Несмотря на то, что различия в данных кажутся не такими существенными, мы всё же можем утверждать, что профессиональное мировидение накладывает отпечаток на ментальный лексикон индивида. Ю.В. Горшунов указывает, что данный факт следует учитывать в процессе коммуникации: «Выбирая и употребляя нужную аббревиатуру, необходимо опираться не только на семантическую компетентность, но и прагматическую компетенцию, нужно иметь представление о ценностях адресата, социально-ролевом статусе, т.е. его профессии, роде деятельности, уровне образованности» [Горшунов 1999: 58].

2.9. Выводы по Главе 2

Рассмотрение слова с позиции знаковости вслед за Ф. де Соссюром позволило говорить о мотивированности аббревем благодаря наличию реляционных связей. Нами была обнаружена значимость некоторых элементов аббревиатуры. В процессе идентификации значимый элемент улавливается и заменяет собой всю аббревиатуру. Анализ работ по знаковой теории Ч. Пирса привёл к пониманию аббревем как знаков-символов, которые в то же время могут иметь некоторые признаки знака-иконы и знака-индекса. Мы пришли к выводу, что аббревемы являются знаками, усвоенными в процессе переработки социального и индивидуального опыта (коммуникативного, перцептивного, когнитивного и аффективного).

Изучение и анализ литературы по проблемам функционирования значения и подходов к ментальному лексикону даёт возможность говорить о значении слова, прежде всего, как результате того, что стоит за словом в единой информационной базе человека [Залевская 2011: 25]. Представление о слове как достоянии человека помогает понять процесс осуществления поиска и выбора стратегий и опор во время идентификации значения стимула при взаимосвязи ярусов лексикона: поверхностного и глубинного. Компьютерные аббревемы рассматриваются нами как составляющие индивидуального лексикона, что побуждает искать ответ на ряд вопросов, связанных с тем, как, благодаря чему, с опорой на какие средства человек понимает сокращения и может успешно пользоваться ими в повседневной жизни. Опираясь на разработанную А.А. Залевской теорию индивидуального лексикона, согласно которой слово трактуется как средство доступа к единой информационной базе человека, мы рассматриваем аббревему как средство, актуализирующее в памяти разнообразные (вербальные и невербальные) опоры, на которые индивид опирается в процессе познания.

Анализ моделей хранения и доступа к слову в ментальном лексиконе и результаты проведённого эксперимента позволяют утверждать, что идентификация аббревем компьютерной сферы протекает по модели двойного доступа. Восприятие написанной аббревемы как первичный этап доступа к слову находится в прямой зависимости от частотности входящей в её состав аббревиатуры, неаббревиатурного компонента, самой аббревемы и может включать как морфемную, так и целостную репрезентации. Знакомые и понятные стимулы Ии. воспринимают целиком (например, ЖК-ДИСПЛЕЙ, МР3-ФАЙЛ, PIN-CODE, SIM-КАРТА), в остальных случаях осуществляется декомпозиция стимула.

Результаты проведённого нами эксперимента показывают, что идентификация аббревем происходит с опорой на формальные и семантические признаки стимула. В процессе обработки слова Ии. выделяют ключи, опорные элементы, которые ведут к репрезентации доступа в ментальном лексиконе индивида, высвечиванию ситуаций использования стимула на основе прошлого опыта и знаний об окружающем мире, что в итоге приводит к идентификации. Репрезентация может быть как целостной, так и поморфемной.

Нами выделены пять стратегий и опор, используемых Ии. в процессе идентификации компьютерных аббревем: мотивирующая стратегия, стратегия отнесения к категории, стратегия опоры на эмоционально-оценочные переживания, стратегия прямой дефиниции и стратегия отказа. Морфологические составляющие слова, его звуковая оболочка и написание оказывают большое влияние на процесс идентификации. Неправильное опознание графической и/или звуковой формы стимула ведёт к ошибочной идентификации (например, LCD-ДИСПЛЕЙ – *LED-дисплей*, МР3-ФАЙЛ – *MP3-плеер* и др.). Следует отметить, что мотивирующая стратегия является одной из основных при идентификации КА. При этом русскоязычные и англоязычные аббревемы идентифицируются одинаково, то есть, по данным нашего эксперимента, в настоящее время при популярности английского

языка для студенческой молодёжи язык аббревимы или некоторых входящих в неё элементов не влияет на успешность процесса опознавания.

Стратегия отнесения стимула к категории объясняется тем, что при встрече с аббревимой как средством доступа к единой информационной базе человека происходит соотнесение стимула с продуктами предшествующего опыта, включение во внутренний контекст, порождаются связанные со словом многочисленные ассоциации. В памяти актуализируются ситуации использования стимула, опоры на микроконтексты этих ситуаций: опора на место использования (SIM-КАРТА – *сотовая связь*), опора на назначение (IP-ТЕЛЕФОНИЯ – *звонки через интернет*), иллюстрация примером (ИТ-КОМПАНИЯ – *Ростелеком*), опора на элементы ситуации (ЖК-ДИСПЛЕЙ – *хорошее изображение*), опора на синоним-симиляр (GPS-НАВИГАТОР – *устройство в машине*), опора на образ именуемого стимулом объекта (USB-МОДЕМ – *флешка*), опора на атрибутивные характеристики стимула (GPS-НАВИГАТОР – *умная карта*) помогают достичь идентификации аббревимы как значимой единицы языка.

Стратегия опоры на эмоционально-оценочные суждения показывает отношение Ии. к именуемому стимулом объекту (SIM-КАРТА – *ясно же для чего*). Стратегия прямой дефиниции указывает на хорошее понимание стимула (ЖК-ДИСПЛЕЙ – 94% Ии.). Стратегия отказа, напротив, говорит о том, что стимул не нашёл отклика в индивидуальном лексиконе Ии. (ГИС-СИСТЕМА – 34% Ии.).

Заметим, что Ии., как правило, выбирали одну стратегию в качестве ведущей, остальные стратегии являлись вспомогательными. Во многих случаях происходила комбинация стратегий, при этом наблюдалась взаимосвязь не только между опорой на формальные и семантические признаки (например, сочетание опоры на фонетико-графический комплекс с опорой на место использования именуемого стимулом объекта), но и переплетение внутри опор на формальные (например, опора как на звукобуквенный комплекс, так и на морфологический состав) и

семантические признаки (стратегия отнесения к категории через назначение именуемого стимулом объекта и иллюстрацию примером). На основе предложенной И.В. Новиковой [Новикова И.В. 2011] модели процесса идентификации иноязычного полиморфемного слова, нами построена модель идентификации аббревемы (см. рис. 11).

Результаты эксперимента дают право говорить о том, что профессиональная деятельность индивида влияет на выбор стратегий и опор для идентификации стимула. У тех Ии., для которых представленные стимулы являются составляющими актуального лексикона, как правило, преобладает восприятие целого слова и целостная репрезентация в ментальном лексиконе.

Рис. 11. Модель процесса идентификации аббревемы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования дают право полагать, что в условиях современного темпа жизни общество нуждается в аббревиатурах как более кратких и ёмких единицах номинации. Совершенствование языковой формы в сочетании с открытым диалогом культур, социальными сдвигами приводит к использованию аббревиатур во всех сферах общества. Стремление к экономии языковых средств, желание сделать высказывание более экспрессивным делают аббревиатуры всё более популярными в разговорном языке и текстах СМИ.

Несмотря на неоднозначность мнений о статусе аббревиатур, анализ научных работ по данной теме и результаты нашего исследования приводят к выводу о том, что аббревиатура является полноценной лексической единицей со статусом слова. Аббревиатура активно включается в омоакронимию, языковую игру и в различные словообразовательные процессы. Аббревема – результат проявления аббревиатурой своих словообразовательных возможностей.

По результатам разностороннего анализа 404 русско- и англоязычных аббревем, удовлетворяющих компьютерной тематике и отобранных из НКРЯ на базе 1747 аббревиатур (1195 английских, 552 русских), была разработана уточнённая классификация аббревем по пяти параметрам: тип словообразования, принадлежность к части речи, принадлежность к языку, правила орфографии, использование в языке.

Многосторонний анализ имеющихся данных показал, что аббревемы компьютерной сферы имеют богатое структурное разнообразие. Аббревемы могут образовываться путём добавления имён существительных в различных вариациях, цифр, префиксов, других аббревиатур (например, *CD-ресивер*, *MPEG-2*, *DVD-ROM*, *мини-ПК*, *SDS-3-PC*). Практически все исследуемые нами аббревемы являются именами существительными, орфография которых достаточно неустойчива (например, *IT-Research* и *ITResearch*).

Межкультурная коммуникация и диалог культур заметно сказываются на количестве заимствованных аббревиатур в компьютерной сфере: английские аббревиатуры более продуктивны (73%), при этом часто наблюдаются смешения русского и английского языков в рамках аббревиатуры (например, *GSM-сеть*).

Использование аббревиатур отмечается во всех областях компьютерной науки. В дополнение к этому, стремительное развитие техники и употребление сокращений во многих сферах деятельности приводит к тому что, по результатам исследования, мы с уверенностью можем говорить о переходе части компьютерных аббревиатур в разряд обиходной лексики (например, *SMS-сообщение, SIM-карта, PIN-код*).

На основании анализа экспериментальных материалов, полученных от 327 испытуемых с использованием 404 аббревиатур (всего рассмотрено 4905 ответов носителей русского языка) установлено, что аббревиатура как языковой знак, изначально мотивированный содержанием сокращаемых именованных, в процессах его идентификации может восприниматься как полностью мотивированный, частично мотивированный или полностью немотивированный языковой знак.

С позиций психолингвистической теории слова как достояния индивида А.А. Залевской мы рассматриваем идентификацию аббревиатуры не просто как осмысливание знака, но и как включение в процесс всех знаний и переживаний, лежащих за словом в сознании индивида. Значение аббревиатуры предполагает соотнесение её словоформы с единицами ментального лексикона индивида, который, вслед за А.А. Залевской, трактуется нами как динамическая, функциональная и самоорганизующаяся система, где каждое новое слово «переживается» индивидом и ведёт к перестройке всей системы. Благодаря структуре из многоярусных полей с множеством связей в ментальном лексиконе, слова могут упорядоченно храниться, а каждое слово активизирует все имеющиеся с ним связи, опираясь на имеющиеся у индивида знания и переживания. В таком ключе аббревиатура рассматривается

нами как составляющая ментального лексикона и как средство, актуализирующее в памяти разнообразные опоры (вербальные и невербальные), на которые индивид опирается в процессе познания.

Анализ данных, полученных в результате проведённых экспериментов позволил проследить и выделить особенности процесса идентификации аббревем. Идентификация аббревемы трактуется нами как «субъективное переживание готовности оперировать более широкой совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, увязываемого со словом в единой информационной базе человека, в его информационном тезаурусе» [Залевская 1992: 92]. Аббревема, как и любое слово ментального лексикона, относит индивида к тем или иным ситуациям его картины мира. Знание этих ситуаций, культурный и социальный опыт помогают искать значение аббревемы, разнообразные опоры актуализируют представления и позволяют выйти на образ мира индивида. Процесс идентификации является поэтапным и включает доступ к слову, его узнавание и последующую идентификацию. Составленная нами типология моделей процесса идентификации отражает их многообразие.

Анализ экспериментальных материалов позволил выделить пять основных стратегий идентификации: мотивирующая стратегия, стратегия отнесения к категории, опора на эмоционально-оценочные суждения, стратегия прямой дефиниции и стратегия отказа.

Мотивирующая стратегия объясняет использование формальных элементов слова (опора на фонетико-графический комплекс слова и на морфологический состав аббревемы) в процессе идентификации. Мы выяснили, что неаббревиатурный компонент, а также сама аббревиатура и её расшифрованные буквы являются опорой в процессе опознавания. Например, нами были получены следующие реакции для аббревиатуры SMS-РАССЫЛКА: *спам-рассылка*, *сообщение на телефоне*, *рассылка сообщений по SMS*. Стратегия отнесения к категории отражает взаимодействие значения аббревемы с продуктами предшествующего опыта.

В процессе идентификации аббревимы включались в различные внутренние контексты, что позволило говорить об использовании опоры на назначение стимула (SIM-карта – *для поддержания связи*), опоры на место его использования (GPS-НАВИГАТОР – *устройство в машине*), опоры на элемент ситуации (ГИС-СИСТЕМА – *карты*), опоры на атрибутивные характеристики стимула (USB-МОДЕМ – *переносной интернет*), опоры на синоним-симиляр (PIN-CODE – *защита*), опоры на образ именуемого стимулом объекта (ЖК-ДИСПЛЕЙ – *монитор*) и иллюстрацию стимула примером (PDF-ФАЙЛ – *Adobe Acrobat*). Стратегия опоры на эмоционально-оценочные суждения дала возможность увидеть отношение Ии. к стимулу-аббревеме (ГИС-СИСТЕМА – *ненужная хрень; классная штука*). Стратегия прямой дефиниции стимула свидетельствует об отсутствии затруднений в процессе опознавания аббревимы и наличии хорошей усвоенности аббревимы (ЖК-ДИСПЛЕЙ). Стратегия отказа, напротив, показывает на неустойчивые связи для ряда низкочастотных и мало употребляемых аббревем (ГИС-СИСТЕМА, НТТР-ТЕХНОЛОГИЯ, IP-ТЕЛЕФОНИЯ).

Выделенные стратегии идентификации аббревем могут быть соотнесены с рядом известных в мировой науке моделей опознавания слова: модель Дж. Стембергера [Stemberger 1985], модель [Taft, Forster 1975], модель [Sandra 1994], модель логогенов Дж. Мортонна [Morton 1969], модели [Wurm http; Caramazza et al. http; Frauenfelder 1992], модели [Bybee 1985, http], модель В.Д. Марслена-Вильсона [Marslen-Wilson 1989], модель распространяющейся (взаимной) активации [McClelland & Elman 1986].

По результатам эксперимента мы можем заключить, что в процессе идентификации, начиная примерно с четвертого стимула выделяется основная стратегия идентификации, остальные стратегии и опоры при этом играют дополняющую роль. Мы однозначно можем говорить о смешении стратегий и опор в процессе идентификации аббревем и их комплексном использовании.

На основе анализа некоторых моделей хранения и опознавания слов в ментальном лексиконе, а также по результатам проведённого эксперимента мы приходим к выводу, что идентификация аббревимы протекает по модели двойного доступа, которая предполагает как цельнословное восприятие аббревимы, так и выполнение декомпозиции на этапе опознавания, а также целостную либо поморфемную репрезентацию на этапе доступа к слову. Результаты эксперимента показывают, что цельнословное восприятие и цельнословная репрезентация характерны для наиболее употребляемых аббревим, перешедших в обиходную речь (ЖК-ДИСПЛЕЙ, SIM-КАРТА). Мало знакомые и редко используемые аббревимы проходят декомпозицию и на этапе доступа репрезентуются поморфемно.

Нами доказан факт того, что профессиональная учебная деятельность оказывает влияние на процесс идентификации: компьютерные аббревимы с большей глубиной и осознанностью опознаются студентами, обучающимися на технических специальностях, среди их реакций чаще наблюдаются полные, развернутые ответы, расшифрованные аббревиатуры и чаще используется стратегия прямой дефиниции.

Проведённая нами работа дала представление о месте аббревим в современном языке, анализ полученных в ходе экспериментов данных позволил показать особенности процесса идентификации компьютерных аббревим, выделить стратегии и опорные элементы, используемые при их идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агибалов А.К.* Внутренний лексикон человека [Электронный ресурс] / А.К. Агибалов. – Режим доступа: <http://rkiparty.tripod.com/lexicon.html>. – Дата обращения: 25.02.2017. – Загл. с экрана.
2. *Алексеев Д.И.* Из истории русской аббревиации (графические сокращения X–XVII веков) [Текст] / Д.И. Алексеев // Вопросы диалектологии и истории русского языка. – Куйбышев, 1970. – С. 72–73.
3. *Алексеев Д.И.* Сокращенные слова в русском языке [Текст] / Д.И. Алексеев. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. – 328 с.
4. *Алексеева Н.Н.* Типология сокращённых лексических единиц современного английского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Н. Алексеева; МГУ. – М., 1984. – 224с. – На правах рукоп.
5. *Алиева Г.Н.* Аббревиатуры должны быть краткими и благозвучными [Текст] / Г.Н. Алиева // Русская речь. – 2004. – №1. – С. 54–56.
6. *Арбекова Т.И.* Лексикология английского языка [Текст] / Т.И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
7. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 351 с.
8. *Бабарыкин В.С.* К вопросу об аббревиатурах в современном американском варианте английского языка [Текст] / В. С. Бабарыкин, К. М. Денисов // Вопросы лингвистики и преподавания иностранных языков. – Ч. 1. – Курск, 1996. – С. 187–188.
9. *Байби Дж. и др.* Эволюция грамматики: время, вид и модальность в языках мира (русский перевод главы 1) [Электронный ресурс] / Дж. Байби и др. Перевод Т.А. Майсака, под ред. В.А. Плуногяна. – Режим доступа: [http://lingvarium.org/maisak/trans/Bybee et al 1994-ch1-rus.htm](http://lingvarium.org/maisak/trans/Bybee%20et%20al%201994-ch1-rus.htm). – Дата обращения: 26.11.2016. – Загл. с экрана.

10. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
11. *Безрукова, А.А.* Отаббревиатурные производные в русском языке конца XX века [Текст] / А. А. Безрукова, Н. В. Звоникова // Вестник Самарского государственного университета. – 2001. – № 1. – С. 101–119.
12. *Беляева В.А.* Когнитивный подход к изучению аббревиации [Текст] / В.А. Беляева // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 9. Педагогические науки. – С. 95–97.
13. *Беркнер С.С.* Проблемы развития разговорного английского языка в XVI–XX вв. [Текст] / С.С. Беркнер. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1978. – 228 с.
14. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию В 2 т. Т.1 [Текст] / Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев; Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963а. – 385 с.
15. *Борисов В.В.* Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках [Текст] / В.В. Борисов; под ред. проф. А. Д. Швейцера. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
16. *Будагов Р.А.* Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? [Текст] / Р.А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
17. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
18. *Вартаньян Э.А.* Путешествие в слово [Текст] / Э.А. Вартаньян. – М.: Просвещение, 1982. – 225 с.
19. *Васильева М.Д.* Ментальный лексикон: где же место морфологии? [Текст] / М.Д. Васильева // Российский журнал когнитивной науки. – 2014. – Том 1(4). – С. 31–57.
20. *Витренко А.Г.* «О стратегии перевода» [Текст] / А.Г. Витренко // Вестник МГЛУ – 2008. – Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода. – С. 3–17.

21. *Водолазкин Е.Г.* Надо развивать аббревиатуры [Текст] / Е.Г. Водолазкин // Новая газета. – 2008. – № 16. – С. 26.
22. *Возбранная Т.В.* Структурно-семантическое своеобразие сложносокращенных слов с иноязычным компонентом [Электронный ресурс] / Т.В. Возбранная // Журнал научных публикаций. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill2.htm>. – Дата обращения: 17.09.2016. – Загл. с экрана.
23. *Володькова С.А.* Проблемы сокращения терминологических единиц в подъязыке информатики английского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.А. Володькова ; Омск. гос. техн. ун-т. – Омск, 2011. – 16 с. – На правах рукоп.
24. *Волошин Е.П.* Аббревиатуры в лексической системе английского языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Волошин. – М., 1966. – 277с. стр. 40.
25. *Газизова Л.В.* Стратегии идентификации полисемантического слова (на материале разносистемных языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Газизова ; Уф. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа. 2006. – 25 с. – На правах рукоп.
26. *Ганноха И.В.* История развития аббревиации как способа словообразования в английском и русском языках [Текст] / И.В. Ганноха // Science Time. – 2015. – №4 (16). – С. 154–160.
27. *Горшунов Ю.В.* Прагматика аббревиатуры: монография [Текст] / Ю.В. Горшунов. – М.: Прометей, 1999. – 219 с.
28. *Даниленко В. П.* Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии [Текст] / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Вопр. языкознания. – 1981. – № 1. – С. 7–16
29. *Дейк ван Т.А, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч. – Режим доступа: <http://linguistics-online.narod.ru/index/0-329>. – Дата обращения: 10.09.2016. – Загл. с экрана.

30. *Дридзе Т.М., Леонтьев А.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): коллект. монография [Текст] / Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1976. – 263 с.
31. *Дударева В.Н.* Заимствованные аббревиатуры как мотивационная база новообразований (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / В.Н. Дударева // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2008. – №10. – С.105–107.
32. *Дюжикова Е.А.* Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка) [Текст] : дис. ... докт. филол. наук / Е.А. Дюжикова. – М., 1997. – 340 с.
33. *Жаркова Т.И.* Аббревиатура в межкультурной деловой коммуникации [Текст] / Т.И. Жаркова // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №2 (19). – С. 22–27.
34. *Жданова Е.А.* Префиксальные неологизмы-существительные в русском языке конца XX в. [Текст] / Е.А. Жданова // Русский язык в школе. – 2010 – № 5. – С. 63–66
35. *Жолтикова М.А.* Поиск отаббревиатурной лексики в заданном подкорпусе НКРЯ [Текст] / М.А. Жолтикова // Слово и текст : психолингвистические исследования. – Тверь, 2011. – Вып. 11. – С. 120–125.
36. *Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека [Текст] / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
37. *Залевская А.А.* Психолингвистические проблемы семантики слова: Учебное пособие [Текст] / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
38. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование [Текст] / А.А. Залевская. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1990. – 204 с.

39. *Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.
40. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М: Российский гос. гум. ун-т, 1999. – 382 с.
41. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учебник [Текст] / А.А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
42. *Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента: монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
43. *Залевская А.А.* Значение слова и живой поликодовый гипертекст [Электронный ресурс] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/zalevskaya-13.htm>. – Дата обращения: 10.04.2017. – Загл. с экрана.
44. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
45. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской науки, 1996. – с. 90–141.
46. *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика: материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание [Текст] / В.П. Зинченко. – Самара, 1998. – 216 с.
47. *Золотова Н.О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.О. Золотова ; ТвГУ. – Тверь, 2005. – 43с. – На правах рукоп.
48. *Иванова Л.В.* Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности отаббревиатурной лексики (на материале немецкоязычных текстов СМИ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Иванова Любовь Владимировна ; Алт. гос. пед. акад. – Барнаул, 2010. – 19 с.

49. *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов русского словообразования: монография [Текст] / В.П. Изотов. – Орел: Орл. гос. ун-т, 1998. – 149 с.
50. *Ильченко Л.М.* Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии (на примере современного английского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.М. Ильченко ; Пятигорск, 1993. – 190 с.
51. *Караулов Ю.Н.* Индивидуальный ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5–15.
52. *Криворот В.В.* Особенности аббревиации в русском, английском и французском языках [Текст] / В.В. Криворот // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 42–50.
53. *Крушевский Н.В.* Очерки науки о языке [Электронный ресурс] / Н.В. Крушевский. – Режим доступа: <http://kls.ksu.ru/krush/articles.php?id=%201&num=6000000>. – Дата обращения: 14.01.2017. – Загл. с экрана.
54. *Крысин Л.П.* О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-кентавры [Текст] / Л.П. Крысин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 575–579.
55. *Крысин Л.П.* Аббревиатуры как база для образования разговорных номинаций [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 2011. – № 9. – С. 68–73.
56. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений [Текст] / Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1981. – 200 с.
57. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

58. *Кубрякова Е.С.* Язык: теория, история, типология [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М: Едиториал УРСС, 2000. – 512 с.
59. *Кушнир О.Н.* Реэтимологизация заимствованных префиксов как фактор актуализации лингвокультурных аспектов [Электронный ресурс] / О.Н. Кушнир. – Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/270575/reetimologizatsiya-zaimstvovannykh-prefiksov-kak-faktor-aktualizatsii-lingvokulturnykh-kontseptov>. – Дата обращения: 25.03.2017. – Загл. с экрана.
60. *Лашкевич О.М.* Тенденции словообразования в современном английском языке [Текст] / О.М. Лашкевич // Вестник УдмГУ. – 2007. №5-1. – С. 45–52.
61. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические проблемы семантики [Текст] / Отв. ред. А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1983. – 285 с.
62. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики [Текст] / А.Н. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 575 с.
63. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
64. *Липатов А.Т.* Мы все говорим телеграф-языком... Мир аббревиатур вчера, сегодня, завтра: монография [Текст] / А.Т.Липатов. – Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2011. – 204 с.
65. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти (умнемониста) [Электронный ресурс] / А.Р. Лурия. – Режим доступа: http://mnemotekhnika.narod.ru/izv_mn_05.htm. – Дата обращения: 20.03.2017. – Загл. с экрана.
66. *Максимова Т.В.* Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке [Текст] / Т.В. Максимова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2003. – №3. – С. 85–91.

67. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 301 с.
68. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка [Текст] / О.Д. Мешков. – М.: Наука, 1976. – 248 с.
69. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата обращения 20.03.2017. – Загл. с экрана.
70. *Нёт В.* Справочник по семиотике. 2-е полностью переработанное издание [Электронный ресурс] / В. Нёт. – Перевод Н.С. Сироткина // Критика и семиотика. – Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_03-04/cs0304net.pdf. – Дата обращения: 15.10.2016. – Загл. с экрана.
71. *Никишина С.А.* Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы [Текст] / С.А. Никишина // Вестник НВГУ. – 2011. – №4. – С. 37–47.
72. *Николаева Н.Т.* Тенденции аббревиатурных процессов современного английского языка [Текст] / Н.Т. Николаева // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. – С. 98–101.
73. *Новикова И.В.* Психолингвистическое исследование идентификации полиморфемного слова при учебном двуязычии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Новикова ; ТвГУ. – Тверь, 2011. – 20 с.
74. *Новикова Л.А.* Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети интернет [Текст] / Л.А. Новикова // Вестник УдмГУ. – 2013. – №5-2. – С. 126–133.

75. Орлова М.В. Специфика идентификации компьютерной терминологии (экспериментальное исследование) [Текст] : дис канд. филол. наук / М.В. Орлова ; Курск, 2008. – 170 с.
76. Пауль Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 499 с.
77. Перовская Т.И. Vir: к истории проникновения аббревиатуры в русский язык [Текст] / Т.И. Перовская // Политическая лингвистика. – 2012. – №3 (41). – С. 166–169.
78. Пирс Ч. Избранные философские произведения [Электронный ресурс] / Ч. Пирс; пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – Режим доступа: http://polbu.ru/pirs_philo/. – Дата обращения: 25.03.2017. – Загл. с экрана.
79. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой революции? [Текст] / Е.Д. Поливанов // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия; сост. Ф. М. Березин. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 51-56
80. Пыриков Е.Г. Сокращённые слова в языках с иероглифической и алфавитной системами письма (на материале русского и японского языков) [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Е.Г. Пыриков, Военный университет. – Москва, 1984. – 20 с. – На правах рукоп.
81. Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Г. Родионова ; ТвГУ. – Тверь, 1994. – 16 с. – На правах рукоп.
82. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – Т. 1. – М: Педагогика, 1989. – 487 с.
83. Рудинская Л.С. Современные тенденции развития гематологической терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.С. Рудинская . – Москва, 1997. – 27 с. – На правах рукоп.
84. Русская грамматика. В 2 т. [Текст] / Гл. ред. Шведова Н.Ю. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.

85. *Сазонова Т.Ю.* Интеграция опор в процессе идентификации слова [Текст] / Т.Ю. Сазонова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000а. – Вып. 11. – С. 66–69.

86. *Сазонова Т.Ю.* Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Сазонова ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000б. – 46 с. – На правах рукоп.

87. *Сазонова Т.Ю.* О стратегической природе когнитивных процессов [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова // Теория языка и межкультурная коммуникация // Научный журнал. ГОУ ВПО «Курский государственный университет». – 2007. – №1. – Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-14.pdf>. – Дата обращения: 25.02.2017. – Загл. с экрана.

88. *Сазонова Т.Ю.* Психолингвистическое исследование стратегий и опор идентификации слова [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf. – Дата обращения: 01.09.2016. – Загл. с экрана.

89. *Сапогова Л.П.* О причинах сокращения в английском языке [Текст] / Л.П. Сапогова // Сб. работ аспирантов ВГУ. Гуманитарн. науки. – Вып. 3, ч. 2. – 1967. – С. 183–186

90. *Саркисова Э.В.* Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова ; ТвГУ. – Тверь, 2014. – 19 с. – На правах рукоп.

91. *Сафонова Н.Н.* Отаббревиатурные образования в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Н. Сафонова ; Тюм. гос.ун-т. – Тюмень, 2007. – 21 с. – На правах рукоп.

92. *Сафонова Н.Н.* Лексемы отабревиатурного происхождения в современном русском языке [Текст] / Н.Н. Сафонова // Аналитика культурологии. – 2011. – №21. – С. 178–182.

93. *Сегаль М.М.* Аббревиация и аббревиатуры в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Сегаль ; ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Ленинград., 1965. – 24 с.
94. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике [Текст] / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
95. *Скороходько Э.Ф.* Вопросы перевода английской технической литературы [Текст] / Э.Ф. Скороходько. – Киев: Киевский университет, 1960. – 84 с.
96. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология [Текст] / Р. Л. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
97. *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – Пер. с франц. А.А. Холодовича. – М: Прогресс, 1977. – 696 с.
98. *Спенсер Г.* Основные начала [Текст] / Г. Спенсер. – Киев: Вища школа, 1986. – 375 с.
99. *Суперанская А.В.* Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; отв. ред. Т.Л. Канделаки. – М., 2007. – С. 219–220.
100. *Тогоева С.И.* Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.И. Тогоева. – Саратов, 1989. – 16 с. – На правах рукоп.
101. *Тогоева С.И.* Психолингвистические проблемы неологии [Текст] / С.И. Тогоева. – Тверь: ТвГУ, 2000. – 155 с.
102. *Турбин В.Н.* [Электронный ресурс] / В.Н. Турбин. – Режим доступа: <http://ajuranfilov.narod.ru/turbin/1991-4.html>. – Дата обращения: 13.04. 2013. – Загл. с экрана.
103. *Фрумкина Р.М.* Вероятностное прогнозирование в речи. Сборник статей [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М: Наука. – 1971. – 199 с.
104. *Харитончик З.А.* Лексикология английского языка [Электронный ресурс] / З.А. Харитончик. – Электр. книга. – Режим доступа:

<http://robotlibrary.com/book/399-leksikologiya-anglijskogo-yazyka-xaritonchik-za/2-Page2.html>. – Дата обращения: 20.08.2016. – Загл. с экрана.

105. *Хуснуллина Ю.А.* Структурно-семантическая и функциональная специфика аббревиатур компьютерного дискурса [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хуснуллина Ю.А. ; Изд-во Моск. город. пед. ун-та. – М., 2012. – 27 с.

106. *Шаповалова А.П.* Опыт построения общей теории аббревиации: на матер-ле франц. СЛЕ [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / А.П. Шаповалова. – Ростов н/Д., 2004. – 421 с.

107. *Шевчук В.Н.* Военно-терминологическая система в статике и динамике [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / В.Н. Шевчук. – М., 1985. – 229 с.

108. *Шелестюк Е.В.* О лингвистическом исследовании символа [Текст] / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – №4. – С. 125–143.

109. *Шумарин С.И.* Новые тенденции в аббревиации [Текст] / С.И. Шумарин // Русский язык в школе. – 2011. – № 6. – С. 85–91.

110. *Якобсон Р.В.* В поисках сущности языка [Электронный ресурс] / Р.В. Якобсон. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-qel.htm>. – Дата обращения: 31.03.2017. – Загл. с экрана.

111. *Ярмашевич М.А.* Структура и семантика аббревиатур / М.А. Ярмашевич // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – №3. – С. 3–5.

112. *Bauer L.* English Word-Formation [Текст] / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1983. – 311 p.

113. *Butterworth B.* Lexical representation [Текст] / B. Butterworth // Language production. Vol. 2. Development, Writing and Other Language processes. – London: Academic Press. – 1983. – Pp. 257–294.

114. *Bybee J.L.* Morphology: A study of the relation between meaning and form [Текст] / J.L. Bybee. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 1985. – 246 p.

115. *Bybee J.L.* Regular morphology and the lexicon [Электронный ресурс] / J.L. Bybee // *Language and Cognitive Processes*. – Электр. журнал. – Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/01690969508407111?needAccess=true>. – Дата обращения: 13.12.2016. – Загл. с экрана.

116. *Caramazza A.* How Many Levels of Processing Are There in Lexical Access? [Текст] / A. Caramazza // *Cognitive Neuropsychology*. – United Kingdom: Psychology Press, 1997. – 14 (1). – Pp. 177–208.

117. *Caramazza A., Laudanna A., Romani C.* Lexical access and inflectional morphology [Электронный ресурс] / A. Caramazza, A. Laudanna, C. Romani // *Cognition*. – Электр. журнал. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0010027788900170>. – Дата обращения: 14.12.2016. – Загл. с экрана.

118. *Colé P., Beauvillain C., Segui J.* On the representation and processing of prefixed and suffixed derived words: A differential frequency effect [Электронный ресурс] / P. Colé, C. Beauvillain, J. Segui // *Journal of Memory and Language*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0749596X89900259>. – Дата обращения: 16.11.2016. – Загл. с экрана.

119. *Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J.* DRC: A dual route cascaded model of visual word recognition and reading aloud [Текст] / M. Coltheart, K. Rastle, C. Perry, R. Langdon, J. Ziegler // *Psychological Review*. – 2001. – Vol. 108. – Pp. 204–256.

120. *Crepaldi D., Rastle K., Davis C.J., Lupker S.J.* Seeing stems everywhere: Position-independent identification of stem morphemes [Электронный ресурс] / D. Crepaldi, K. Rastle, C.J. Davis, S.J. Lupker // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://psycnet.apa.org/?fa=main.doiLanding&doi=10.1037/a0029713>. – Дата обращения: 24.02.2017. – Загл. с экрана.

121. *Diependaele K., Sandra D., Grainger J.* Masked cross-modal morphological priming: Unravelling morpho-orthographic and morpho-semantic influences in early word recognition [Электронный ресурс] / К. Diependaele, D. Sandra, J. Grainger // *Language and Cognitive Processes*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01690960444000197>. – Дата обращения: 15.01.2017. – Загл. с экрана.

122. *Diependaele K., Sandra D., Grainger J.* Semantic transparency and masked morphological priming: The case of prefixed words [Электронный ресурс] / К. Diependaele, D. Sandra, J. Grainger // *Memory & Cognition*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://link.springer.com/article/10.3758%2FMC.37.6.895>. – Дата обращения: 15.01.2017. – Загл. с экрана.

123. *Dohmes P., Zwitserlood P., Bölte J.* The impact of semantic transparency of morphologically complex words on picture naming [Электронный ресурс] / P. Dohmes, P. Zwitserlood, J. Bölte // *Brain and Language*. – Электр. журнал. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0093934X03004334>. – Дата обращения: 20.12.2016. – Загл. с экрана.

124. *Emmorey K.D., Fromkin V.A.* The mental lexicon [Текст] // *Linguistics: The Cambridge Survey*. – Vol. 3: Language: Psychological and biological aspects. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – Pp. 124–149.

125. *Forster K.I.* Accessing the mental lexicon [Текст] / К.И. Forster // *New approaches to language mechanisms* / R. Wales, E. Walker (Eds.). – Amsterdam: North-Holland Publ., 1976. – Pp. 257–287.

126. *Frauenfelder U.H., Schreuder R.* Constraining psycholinguistic models of morphological processing and representation: The role of productivity [Текст] / U.H. Frauenfelder, R. Schreuder // *Yearbook of morphology* / G. Booij,

J. van Marle (Eds.). – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1992. – Pp. 165–183.

127. *Garnham A.* Psycholinguistics. Central topics [Текст] / A. Garnham. – London and New York: Methuen, 1985. – 269 p.

128. *Gernsbacher M.A., Traxler M.J.* Handbook of psycholinguistics. 2nd edition. [Текст] / M.A. Gernsbacher, M.J. Traxler. – New York: Eslevier Press, 2006. – 1197 p.

129. *Giraud H., Voga M.* Prefix units within the mental lexicon [Текст] / H. Giraud, M. Voga // LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 51 (LSTL 51). Morphology in Toulouse. Selected Proceedings of Decembrettes 7. / N. Hathout, F. Montermini, J. Tseng (Eds.), 2013. – Pp. 61–78.

130. *Haastrup K.* Using thinking aloud and retrospection to uncover learners' lexical inferencing procedures [Text] / K. Haastrup // Introspection in second language research / C. Faerch and G. Kasper (Eds.). – Clevedon : Multilingual Matters, 1976. – Pp. 197–212.

131. *Hammarberg B.* High-speed observations of diplophonic phonation [Текст] / B. Hammarberg // Vocal Fold Physiology, Voice Quality Control / O. Fujimura, M. Hirano (eds). – San Diego: Singular Publishing Group, 1995. – Pp. 343–345.

132. *Levelt W.J., Roelofs A., Meyer A.S.* A theory of lexical access in speech production [Электронный ресурс] / W.J. Levelt, A. Roelofs, A.S. Meyer // Behavioral and Brain Sciences. – Электр. журн. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/behavioral-and-brain-sciences/article/div-classtitlea-theory-of-lexical-access-in-speech-production/div/7E4A98E8791AB85397761DAAB35288AA>. – Дата обращения: 13.01.2017. – Загл. с экрана.

133. *Luce P. A., McLennan C.T.* Spoken Word Recognition: The Challenge of Variation [Текст] / P.A. Luce, C.T. McLennan // The Handbook of Speech Perception / Ed. by D.B. Pisoni, R.E. Remez. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – Pp. 592–609.

134. *Lukatela G., Kostić A., Feldman L.B., Turvey M.T.* Grammatical priming of inflected nouns [Электронный ресурс] / G. Lukatela, A. Kostić, L.B. Feldman, M.T. Turvey // *Memory & Cognition*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://link.springer.com/article/10.3758%2FBF03211138>. – Дата обращения: 14.12.2016. – Загл. с экрана.

135. *MacKay D.G.* Derivational rules and the internal lexicon [Электронный ресурс] / D.G. MacKay // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022537178905297?via%3Dihub>. – Дата обращения: 16.12.2016. – Загл. с экрана.

136. *Manelis L., Tharp D.A.* The processing of affixed words [Текст] / L. Manelis, D.A. Tharp // *Memory & Cognition*. – Madison: Psychonomic Society, 1977. – Vol. 5. – No. 6. – Pp. 690–695.

137. *Marchand H.* The Categories and Types of Present-Day English Word Formation: a synchronic-diachronic approach. Second, completely revised and enlarged edition [Текст] / H. Marchand. – Munich: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Wiesbaden. – 1969. – 545 p.

138. *Marslen-Wilson W.D.* Access and integration: Projecting sound onto meaning [Текст] / W.D. Marslen-Wilson // *Lexical representation and process* / W.D. Marslen-Wilson (Ed.). – Cambridge, MA: The MIT Press, 1989. – Pp. 3–24.

139. *Marslen-Wilson W.D., Bozic M., Randall B.* Early decomposition in visual word recognition: Dissociating morphology, form, and meaning [Текст] / W.D. Marslen-Wilson, M. Bozic, B. Randall // *Language and Cognitive Processes*. – Unites Kingdom: Psychology Press, 2008. – Vol. 23. – No. 3. – Pp. 394–421.

140. *Marslen-Wilson W.D., Tyler L.K., Waksler R., Older L.* Morphology and meaning in the English mental lexicon [Электронный ресурс] / W.D. Marslen-Wilson, L.K. Tyler, R. Waksler, L. Older // *Psychological Review*. – Электр. журн. – Режим доступа: <http://psycnet.apa.org/?&fa=main.doiLanding&doi=10.1037/0033-295X.101.1.3>. – Дата обращения: 22.12.2016. – Загл. с экрана.

141. *Massaro D.M., Venezky R.L., Taylor G.A.* Orthographic regularity, positional frequency and visual processing of letter strings [Текст] / D.M. Massaro, R.L. Venezky, G.A. Taylor // *Journal of Experimental Psychology: General.* – 1979. – 108. – Pp. 107–124.
142. *McClelland J.L., Rumelhart D.E.* An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings [Текст] / J.L. McClelland, D.E. Rumelhart // *Psychological Review.* – 1981. – Vol. 88. – No. 5. – Pp. 375–407.
143. *McClelland, J.L., Elman, J.L.* The TRACE model of speech perception [Текст] / J.L. McClelland, J.L. Elman // *Cognitive Psychology.* – 1986. – Vol. 18. – Pp. 1–86.
144. *Morton J.* Interaction of information in word recognition [Текст] / J. Morton // *Psychological Review.* – 1969. – Vol. 76. – Pp. 165–178.
145. *Neisser U.* *Cognitive psychology* [Текст] / U. Neisser. – New York: Appleton, Century, Crofts. – 1967. – 351 p.
146. *Nöth W.* The semiotics of learning new words [Текст] / W. Nöth // *Journal of Philosophy of Education.* – 2014. – Vol. 48. – No. 3. – Pp. 446–456.
147. *Passy P.* *Etude sur les changements phonetiques et leurs caracteres generaux* [Текст] / P. Passy. – Paris: Geuthner. – 1890. – 256 p.
148. *Rastle K., Davis M.H., New, B.* The broth in my brother's brothel: Morpho-orthographic segmentation in visual word recognition [Текст] / K. Rastle, M.H. Davis, B. New // *Psychonomic Bulletin & Review.* – 2004. – 11. – Pp. 1090–1098.
149. *Sandra D.* Morphology in the reader's mental lexicon [Текст] / D. Sandra // *Duisburg Papers on Research in Language and Culture.* – Frankfurt: P. Lang, 1994. – Vol. 21.
150. *Seidenberg M.S., McClelland J.L.* A distributed developmental model of word recognition and naming [Текст] / M.S. Seidenberg, J.L. McClelland // *Psychological Review.* – 1989. – 96. – Pp. 523–568.

151. *Smolka E., Preller K.H., Eulitz C.* ‘Verstehen’ (‘understand’) primes ‘stehen’ (‘stand’): Morphological structure overrides semantic compositionality in the lexical representation of German complex verbs [Текст] / E. Smolka, K.H. Preller, C. Eulitz // *Journal of Memory and Language*. – 2014. – Vol. 72. – Pp. 16–36.
152. *Sonesson G.* Die Semiotik des Bilds. Zum Forschungsstand am Anfang der 90er Jahre [Текст] / G. Sonesson // *Zeitschrift für Semiotik*. – 1993. – №15. – Pp. 131–164.
153. *Stanners R.F., Neiser J.J., Painton S.* Memory representation for prefixed words [Текст] / R.F. Stanners, J.J. Neiser, S. Painton // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1979. – Vol. 18. – No. 6. – Pp. 733–743.
154. *Stemberger J.P.* The lexicon in a model of language production [Текст] / J.P. Stemberger. – New York; London: Garland Publishing, Inc., 1985. – 299 p.
155. *Taft M., Forster K.I.* Lexical storage and retrieval of prefixed words [Текст] / M. Taft, K.I. Forster // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1975. – Vol. 14. – No. 6. – Pp. 638–647.
156. *Taft M., Forster K.I.* Lexical storage and retrieval of polymorphemic and polysyllabic words [Текст] / M. Taft, K.I. Forster // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1976. – Vol. 15. – No. 6. – Pp. 607–620.
157. *Taft M.* Lexical access via an orthographic code: The basic orthographic syllabic structure (BOSS) [Текст] / M. Taft // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1979. – Vol. 18. – No. 1. – Pp. 21–39.
158. *Taft M., Nguyen-Hoan M.* A sticky stick? The locus of morphological representation in the lexicon [Текст] / M. Taft, M. Nguyen-Hoan // *Language and Cognitive Processes*. – 2010. – Vol. 25. – No. 2. – Pp. 277–296.
159. *Williams M., Burden R.L.* Psychology for language teachers: A social constructivist approach [Текст] / M. Williams, R.L. Burden. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 252 p.

160. Wurm L.H., Ernestus M., Schreuder S., Baayen R.H. Dynamics of the Auditory Comprehension of Prefixed Words: Cohort Entropies and Conditional Root Uniqueness Points [Электронный ресурс] / Режим доступа:<http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~hbaayen/publications/WurmEtAlMentalLexicon.pdf>. – Дата обращения: 15.10.2016. – Загл. с экрана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Англо-русский словарь по вычислительной технике [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/pc.htm>. – Дата обращения: 20.03.2017. – Загл. с экрана.
2. Англо-русский словарь сокращений в области информационных технологий [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mark-itt.ru/collection/dict_abbr/b.html. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.
3. Гипертекстовый энциклопедический словарь по информатике [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.abc-it.lv/dict/informatics/IBD/main.htm>. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.
4. Информатика: словарь сокращений [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/abbinter.html>. – Дата обращения: 20.03.2017. – Загл. с экрана.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Электронный словарь. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/>. – Дата обращения 20.03.2017. – Загл. с экрана.
6. Словарь сокращений: Hard & Soft [Электронный ресурс] / Электр. словарь. – Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/abb.html>. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.
7. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н.Г. Комлев. – Режим доступа: <http://www.inslov.ru/html-komlev/i/identifikaci8.html>. – Дата обращения: 10.09.2016. – Загл. с экрана.
8. Сотовая связь: словарь сокращений [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/cell.html>. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.
9. Список сокращений по информатике [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://studystuff.ru/controlnaya/spisok-sokrashhenij-po-informatike.html>. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://stylistics.academic.ru/271/Языковая_игра. – Дата обращения: 10.08.2016. – Загл. с экрана.
11. *Фадеев С.В.* Тематический словарь сокращений современного русского языка [Текст] / С.В. Фадеев. – М.: Руссо, 1998. – 538 с.
12. Электронный словарь компьютерных терминов и сокращений [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.postroika.ru/encycl/enc_e2.html. – Дата обращения: 13.10.2012. – Загл. с экрана.